

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
«ВАВИЛОН»

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Сборник статей

IX международной научно-практической конференции

10 ноября 2016 г.

г. Астрахань

Издательский дом «Астраханский университет»

2016

УДК 81
ББК 81.02
Я 439

Редакционная коллегия:

Г.В. Файзиева (гл. редактор), О.Б. Багринцева (зам. гл. редактора),
Н.И. Кривых, Н.М. Колоколова.

Язык и межкультурная коммуникация [Текст]: Сборник статей IX международной научно-практической конференции, (Астрахань, 2016 г.) / Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2016. – 120с.

ISSN 2078-9858

Вопросы взаимовлияния культур в современном обществе являются значимыми и актуальными. Расширенное современное языковое культурное пространство, немислимое в своей изоляции, рассматривается сегодня как целостная система языков и культур и, несомненно, межъязыковых и межкультурных взаимодействий и трансформаций.

В сборник вошли статьи, освещающие вопросы гендерной, когнитивной лингвистики, педагогики и лингводидактики.

Может быть полезен лингвистам, педагогам, студентам и аспирантам

© Серова К.А. составление, 2016.
© Издательский дом «Астраханский университет», 2016.
© Коллектив авторов.

Содержание

А. V. Alekseev	5
QUESITIVE CONSTRUCTIONS IN THE SPHERE OF VIRTUAL COMMUNICATION	
Е.А. Аникеева, О.Б. Багринцева, Т.В. Дахина	10
ИНТЕРНЕТ-СЛОВАРИ СУБСТАНДАРТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК СПОСОБ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СЛЕНГА	
А.В. Гріччіна	14
УРБАНОНІМІКА ЯК РОЗДІЛ СУЧАСНОЇ ТОПОНІМІКИ	
Е.Г. Данилова	18
К ВОПРОСУ О ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА	
Л.Р. Девликамова, А.В. Ленец	25
АТТРИБУТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТИЖА КАК ВАЖНОГО ЭЛЕМЕНТА ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА МОЛОДЁЖИ В ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	
К.С. Дементьева, Ю.А. Гаврикова	32
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНАХ ДЖОНА ГРИНА	
А.В. Долгополов	36
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНЕНИЯ И ОЦЕНИВАНИЯ («КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ») В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ЭКОНОМИСТАМ В ВУЗЕ РФ	
А.В. Долгополов, М.Х. Мукбиль	47
НАУЧНЫЕ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРИНЦИПЫ ВВЕДЕНИЯ ЛЕКСИКИ МАТЕМАТИКИ И ГЕОГРАФИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО В ВУЗЕ	
О.О. Дудка, В.Д. Пономаренко	51
ОСОБЛИВОСТІ МОТИВАЦІЙНИХ ЗВ'ЯЗКІВ ДЕРИВАТІВ ІЗ ПРЕДМЕТНО-ОСОБОВИМ ЗНАЧЕННЯМ	
Н.М. Колоколова, Ю.В. Белякова	55
ОБРАЗ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В 40-Х-60-Х ГОДАХ XX ВЕКА (на материале литературных произведений советских авторов и историографических данных)	
Н.М. Колоколова, В. Сорокин, А. Медведева	60
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ С ДРЕВНОСТИ И ДО НАШИХ ДНЕЙ	

Л.Д. Кривых	65
ИНТЕРНЕТ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЕКТНАЯ МЕТОДИКА В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	
Л.И. Кузнецова	70
ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ СОБСТВЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ	
А.А. Муханалиева, С.И. Ильясов	73
К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НОРМ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ	
Є.Б. Новікова	75
ІННОВАЦІЙНІ ПРИКМЕТНИКИ, УТВОРЕНІ ШЛЯХОМ ЧЕРЕЗКРОКОВОЇ ДЕРИВАЦІЇ	
А.З. Насиханова, Н.К. Богашова, Т.В. Желнова	81
ИЗУЧЕНИЕ РАСТИТЕЛЬНОГО БИОРАЗНООБРАЗИЯ ВОДНО-БОЛОТНЫХ УГОДИЙ НИЖНЕЙ ВОЛГИ ВБЛИЗИ С. МУМРА	
С.В. Поникаровская	83
РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	
А.С. Ратохина	87
ФРАГМЕНТ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКА (на материале выступлений в Парламенте Великобритании)	
Н.В. Саенко	91
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ЯЗЫКОВУЮ КАРТИНУ МИРА	
Н.А. Салтовская	96
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И СРЕДСТВА ЕГО ОБЪЕКТИВАЦИИ	
Д.С. Сергеева	100
ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ (на примере констативов в речи Д. Трампа)	
С.В. Супряга	105
КОНЦЕПТ «ОДЕЖДА» В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ	
Е.И. Чеклецова	114
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА КОЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО В СОВРЕМЕННЫХ АВТОРСКИХ СКАЗКАХ	

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КВЕСИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СФЕРЕ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

A.V. Алексеев
allik-killla@mail.ru

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет

Появление сокращённых лексических единиц указывает на экономию речевых усилий коммуникантов. Аббревиатуры в процессе виртуальной коммуникации рассматриваются в качестве речевых актов. Сокращённые лексемы подразделяются на следующие категории: директивы, экспрессивы, декларативы, комиссивы, ассертивы и квеситивы. Данная статья посвящена аббревиатурному классу квеситивов и их употреблению в процессе виртуальной коммуникации и текстинге. В работе показано, что участники виртуальной коммуникации очень активно используют подкласс квеситивных конструкций, выраженных общими вопросами (как в английском так и немецком языке), так как данный феномен связан с процессом кодификации и желанием адресанта повлиять на виртуального собеседника.

Ключевые слова: аббревиация, квеситивные конструкции, виртуальная коммуникация, речевой акт.

QUESITIVE CONSTRUCTIONS IN THE SPHERE OF VIRTUAL COMMUNICATION

A.V. Alekseev
allik-killla@mail.ru

Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication
Southern Federal University

Appearance of shortened lexical units indicates the saving of speech efforts of the communicants. Abbreviations in the process of virtual communication can be considered as speech acts. Shortened lexemes are divided into the following main categories: directives, expressives, declaratives, commissives, assertives and quesitives. The article depicts the quesitive class of abbreviations based on the virtual communication and of texting. The paper shows that participants of virtual interaction use very actively such subclass of quesitive abbreviations as general questions (both in the English and German language). This is due to the process of codification and desire of the addresser to influence the virtual interlocutor.

Keywords: abbreviation, quesitive constructions, virtual communication, speech act.

Rapid development of modern virtual interaction led to intensive studying these types of communication by both domestic and foreign scientists in various spheres of sciences: philosophy [2], philology [1], cultural sciences [4] and others. Peculiarly, the German-speaking linguists are involved not only in preconditions for growth and so new types of discourse, but also in different aspects of online interaction (features of international moral in the networks, discourse ethics)[6]. Studies of linguistic aspects of interaction on the Internet are carried out by the following domestic researchers: M.N. Mileyeva, Yu.A. Khusnullina, O.A. Krivonogova and others [8]. Communication in virtual area is determined by the common properties: communication channel, indirectness and shortness of communication.

The process of virtual communication play an important role in the process of lexical transformation. In this article we will perform the certain type of word-building process called abbreviation. Needless to say that shortened lexical units have a great influence on the texting process as it is connected with the economy of speech efforts and the type of discourse which

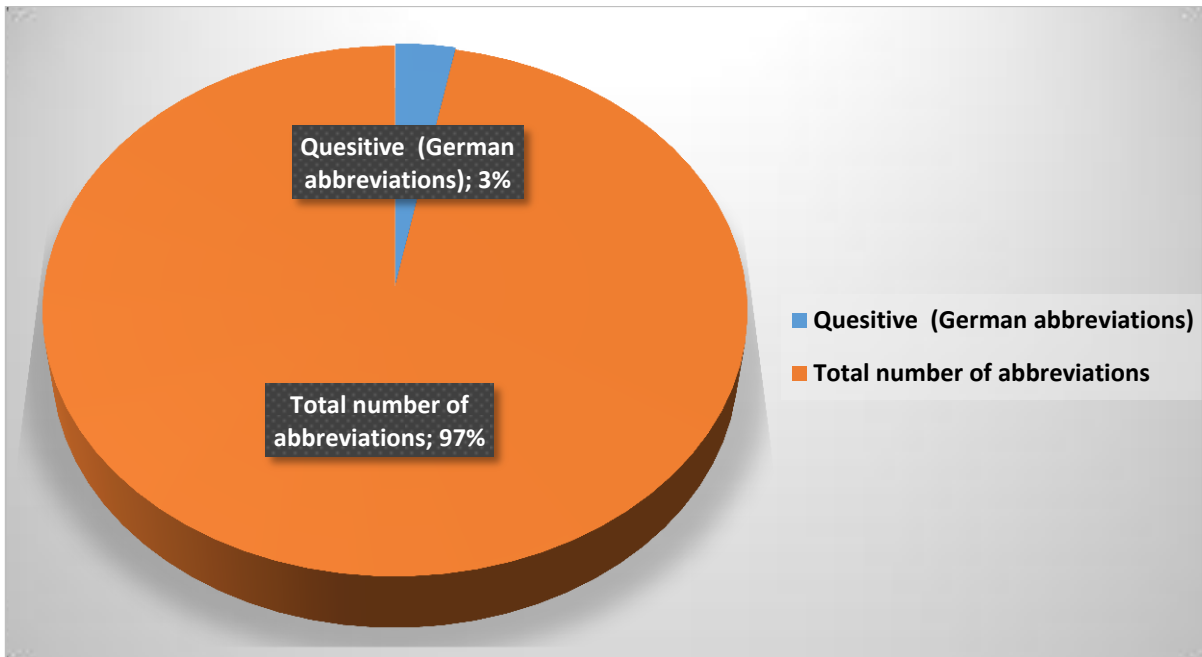
combine the written form and the abruptness of spoken language.

Shortened lexemes as a phenomenon of modern online discourse can be attributed to active enlargement of the object of research caused by intensive increasing technologies on the Internet and big role of communication, leading to integration processes. Even superficial observance gives grounds to state that the codification of information is rapidly carried out in modern online space by means of shortened lexemes, and English language as the language of global communication play an important role in the process of communicative interaction.

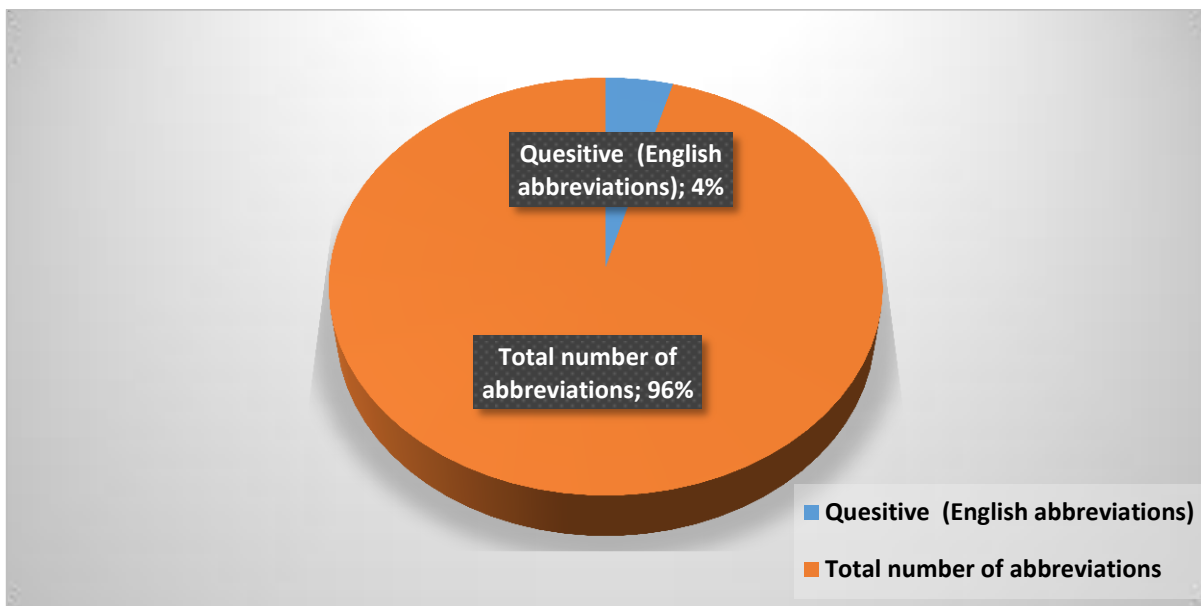
The principle of cooperation is the basic feature of any type of communication. This rule was represented in the work "Logic and Conversation" by Herbert Paul Grice. This principle depicts that an addresser should contribute his message in communication according to the aim or the destination of the certain discourse [5]. The basis of this principle of compulsory communication is the contribution in the process of speech in the framework of certain aim and the destination of the discourse. The main purpose is regulation of social activity of the communicants including speech activity.

This rule is compulsory for a successful dialogue. It defines actors' communicative behavior but it doesn't determine the existence of the contents of a certain discourse. Communicative maxims were identified in conformity with Grice's principles. Firstly, there is Maxim of Quantity (Information). It means that it is forbidden to send more or less information than is required. Secondly, there is Maxim of Quality (Truth). It is based on the information of the message is truthful and that there is a verification of information. Thirdly there is Maxim of Relation (Relevance). In this case, the message should relate to its' topic. Moreover there is Maxim of Manner (Clarity). The expression should be consistent, clear and concise in form. So, communicants form their texts according to these rules of communication. In this paper I represent the features of existence of shortened lexical units in the framework of the theory of speech acts. Question is the speech act which embodies the addresser's purpose of communication to fill the vacuum in the information by means of the language in accordance with principles and rules of speech behavior in the certain society taking into account the presuppositions and communicant's presumed reaction.

Speaking about top ten languages used in the Internet it is urgent to say that the English language takes the first place with 26,3 %. The German language has 2,3 % among Internet users percent of world total participation and takes tenth place, that is why the usage of shortened lexical units in the framework of virtual communication in the English language is higher than in German one [7]. Therefore many English abbreviations are used by German participants of the virtual communication .

Pic. 1. Abbreviations expressed by quesitive constructions in comparison

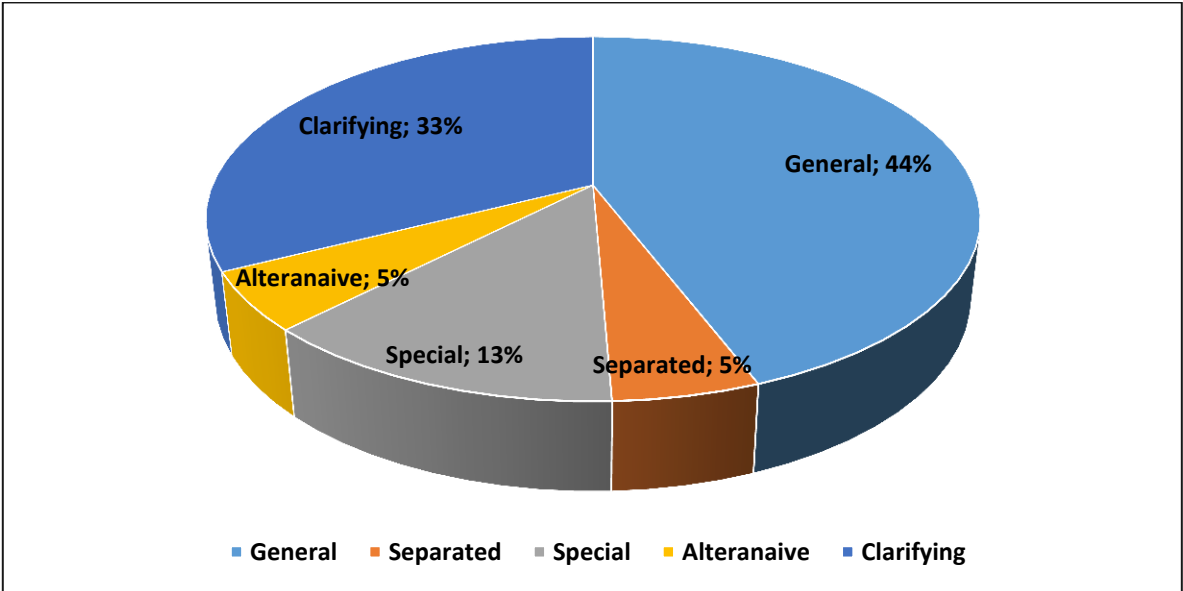

Pic. 2. Abbreviations expressed by quesitive constructions in comparison with total number of abbreviations (English language)

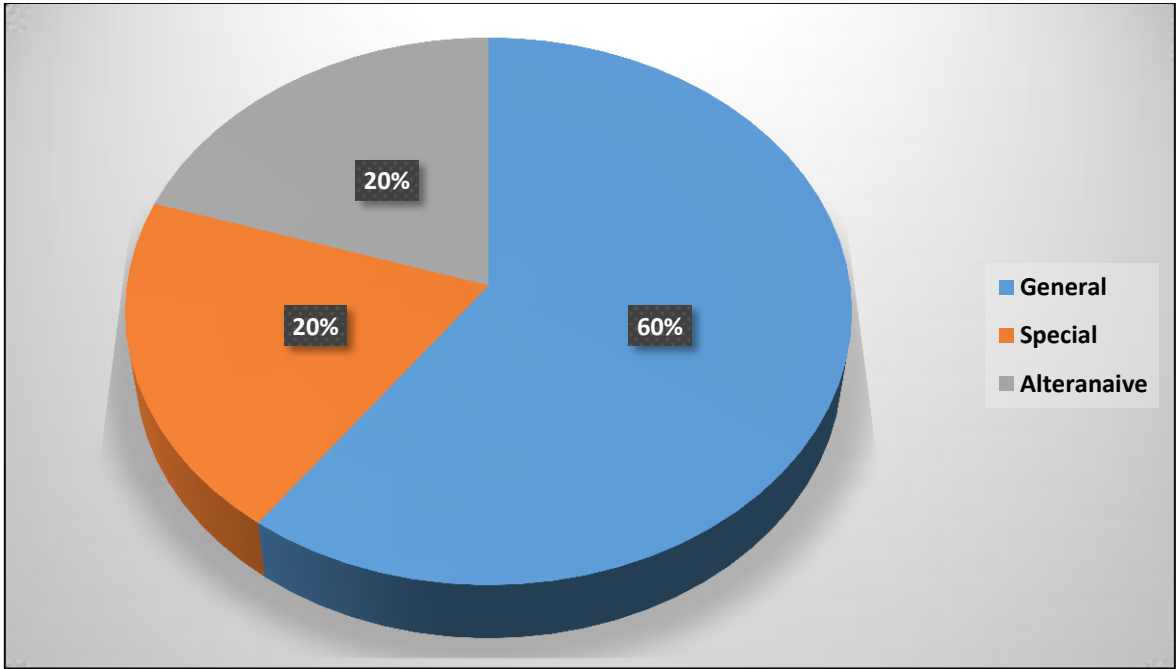
So let's describe the usage of shortened lexical units expressed by quesitives in pictures № 1 and № 2. It is important to mention that a group of quesitive which was explored during the analysis of shortened lexemes used in the English language is close to German. Now I will introduce graphics formed according to my topic which characterize the percentage of the usage of shortened lexical units expressed by quesitives both in English and German in the sphere of virtual communication and texting.

As we see in the graphics the quantity of shortened lexemes expressed by quesitive constructions in comparison with total abbreviations in the English language is 4 % and in the German language is 3%. Then I will represent graphics on this topic to realise all the

categories expressed by quesitive constructions. On the basis of data tables we can come to the conclusion that a group of general questions a foreground category both in the English and in the German language. We can find the following information in the texts of virtual communication particularly in Twitter e.g.: *I should get blue highlights. DYT* [8]? In this expression lexical unit **DYT** is a code for expression don't you think. We also can demonstrate shortened lexical units expressed by quesitive constructions in the German language: *wd (willst du) geschlagen werden? Hab einen Hausschuh an:.) - Do you want to be beaten, we have sneaker:.)*.

Pic. 3. Qesitive constructions (English abbreviations)

Pic. 4. Qesitive constructions (German abbreviations)

As we see from the pictures №3 and №4, clarifying questions and separated questions are absent in the German language. According to this fact I will pay attention to alternative questions and special questions. There are such alternative questions in the English language as *RUMOF - Are You Male Or Female* [9]? In the German language alternative question is represented by the shortened lexical unit *zmozd –zu mir oder zu dir?* As we see abbreviations in these cases are equivalent to texts of full value which has not other semantic features.

The following shortened lexical units can be represented by special questions: *wobidu = wo bist du* (Where are you); *AWCIGO – And Where Can I Get One* ; *HORU – How Old Are You* ; *WAUF – Where Are You From* . This question appears in the social network in a definite form: *HORU?* Debbie asked her date as she proceeded to stick bread sticks up his nose [10].

All the above-mentioned examples indicate the fact that quesitive constructions play an important role in the context of virtual communication. Quesitives combine verb form and the expression of the question in its' structure. The English and the German language have a lot in common in their structures that can be explained by similar gradation in the category of quesitive constructions and dominant quantity of general questions both in the English (44 %) language and in German (60%). It is vital to say that shortened lexical units expressed by quesitive constructions in the context of virtual communication are used as texts of full value and their structure is equivalent to holistic lexical unit.

References

1. Asmus, N.G. Lingvisticheskie osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / Asmus Nina Gennad'evna. Cheljabinsk: Cheljabinskij gos. un-t. 2005. p.23.
2. Floridi, L. Information Ethics: On the Theoretical Foundations of Computer Ethics, *Ethics and Information Technology*. 1999, 1(1). pp. 37–56.
3. Gorniak-Kocikowska, K. The Computer Revolution and the Problem of Global Ethics. *Science and Engineering Ethics*, 1996, 2 (2). 190 p.
4. Korotchenko, N V O nekotoryh osobennostjah realizacii voprositel'noj intencii v rechevyh aktah. *Nauchnaja mysl' Kavkaza- Nauchnyj i obshhestvennyj teoreticheskij zhurnal*. Rostov n/D, SKNCVSh, 2006. no.11, pp. 387-394 (0,4pl).
5. Loretan, M. Aktuelle Beiträge zur Begründung der Medienethik. In: 7. *Communicatio Socialis. Internationale Zeitschrift für Kommunikation in Religion, Kirche und Gesellschaft*. Mainz.2001, p. 496.
6. Mal'kova, E.Ju. *Jeticheskie problemy virtual'noj kommunikacii: Avtoref. diss.. dokt. filol. nauk*. St. Petersburg, RGPU imeni A. I. Gercena, 2004. p.22.
7. Miniwatts Marketing Group. Top 10 Languages (англ.). *Internet World Stats [Электронный ресурс]* URL: [https:// www.internetworldstats.com/stats7.htm](https://www.internetworldstats.com/stats7.htm) (accessed 13.01.2016).
8. Twitter URL: <https://twitter.com/search?q=I%20should%20get%20blue%20highlights.%20DYT&src=typd> (accessed: 01.05.2016)
9. Twitter URL: <https://twitter.com/search?q=rumof&src=typd> (accessed: 01.05.2016).
10. Twitter URL: <https://twitter.com/search?q=Debbie%20asked%20her%20date%20as%20he%20&src=typd> (accessed: 01.05.2016).

ИНТЕРНЕТ-СЛОВАРИ СУБСТАНДАРТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК СПОСОБ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СЛЕНГА.

Е.А. Аникеева, О.Б. Багринцева, Т.В. Дахина
Астраханский государственный университет

Статья посвящена вопросу о распространении сленга в Интернете. Словари данной группы создаются не только лингвистами, но представителями различных профессий. Статья представляет собой обзор наиболее известных интернет-словарей.

Ключевые слова: лексикографические словари, субстандартные лексические единицы, национальное самосознание, культурные и исторические традиции.

INTERNET DICTIONARIES OF SUBSTANDARD LEXICAL UNITS AS ONE OF THE SLANG DISTRIBUTION WAYS

Anikeeva E.A. Bagrintseva O. B. Dakhina T.V.
Astrakhan State University

The paper refers to the question of slang distribution in the Internet. These dictionaries are created not only by linguists but by different professions representatives. The paper may be considered as a review of the most known Internet dictionaries.

Key words: lexicographical dictionaries, substandard lexical units, national self consciousness, cultural and historical traditions.

Одной из особенностей развития лингвистической науки за последние 20 лет является возникновение интереса к изучению внелитературных языковых систем [7]. Подобная ситуация вызвана, скорее всего, значительной перестройкой функционально-стилистических регистров языка, активным проникновением социолектной лексики в общую речь, в результате чего, отмечается большое количество словарей субстандартной лексики: жаргона, аргота, сленга [9]. Данные лексикографические издания создаются не только лингвистами, но и представителями других профессий и просто любителями [5]. Многие лингвисты представляют в своих работах обзор данных субстандартных лингвистических изданий, однако, на сегодняшний день не существует полного обзора данных лексикографических работ, в связи с тем, что ежедневно их появляется значительное количество как на просторах сети Интернет, так и в средствах массовой информации [2].

Сеть Интернет является самым действенным способом распространения информации, в общем, и субстандартных лексических единиц, в частности. Данный источник является международной компьютерной сетью со свободным доступом к ее ресурсам. Следует отметить, что в данной сети практически отсутствует цензура, а информационное наполнение того или иного сайта зависит от степени добросовестности его обладателя [1].

Несомненно, что язык является главной составляющей национального самосознания человека, неразрывно связанный с породившим его коллективом. В языке воплощаются все культурные и исторические традиции народа, язык представляет собой определенный барометр социальной жизни людей, который сиюминутно реагирует на любые изменения и колебания общественной структуры. Каждое социальное воздействие вносит определенный диссонанс в относительную устойчивость языковой системы [8].

В первую очередь на данные изменения реагирует Всемирная сеть Интернет.

Для исследователей субстандартного пласта лексики одним из важных вопросов является вопрос о том, что именно в системе ценностей народной культуры причисляется к признакам, отличающим обычные слова от сакральных, от дисгармоничного болтания колдунов, стремящихся разрушить психику человека [3]. Субстандартная лексика свидетельствует об определенном уровне первобытной свободы в словах и мыслях, свойственной древнейшей стадии развития культуры. Например, исследователи бранной лексики считают, что данный лексический пласт представляет собой след происхождения и обращения обрядового материала в архаичном обществе, в котором данные слова не являются грубостью или распущенностью нравов древних людей [4]. Среди исследователей существует мнение, что в русском языке бранные слова появились во время монголо-татарского нашествия, однако, некоторые из них считают, что данный факт не является верным, так как первые бранные слова, оценивающие недостойное поведение женщины, встречаются в новгородских берестяных грамотах и цель их заключалась не в оскорблении женщины, а призвать демона для наказания провинившейся женщины за то, что в современной медицине называется «бешенство матки». Все бранные слова в русской языковой культуре использовались для призвания родовой силы, и являются показателями демонической сущности.

В современных информационных потоках ругательства распространены повсеместно. Ранее театр, кино, телевидение, газеты и журналы являлись эталоном культуры, в настоящее время они представляют собой пристанище брани и матерщины. Нецензурные слова часто встречаются в речи телевизионных дикторов, актеров, политиков и др. представителей богемного общества. Молодое поколение наиболее подвержено влиянию сети Интернет, телевидения и печатных изданий. В результате молодое поколение представляет собой скопище матерящейся интеллигенции. Так как процесс обучения и процесс воспитания не может быть статичным и должен проходить непрерывно.

В лексикографических интернет источниках представлено большое количество толкований, что объясняется спецификой семантики данных слов, их отнесенностью к центру аттракции. Центром аттракции является лексическое поле, отражающее наиболее важное и значимое для носителя языка или подъязыка понятие, связанное с образом жизни или мировосприятием. В связи с тем, что в создании подобного рода интернет изданий активное участие принимает молодое поколение, то у толкований, появляющихся в данных интернет-изданиях, имеются определенные характерные черты: высокая степень оценочности и экспрессивности дефиниций, наличие модальных, вводных слов, наличие элементов разговорности, диалогичности, сближающих лексикографические толкования с дискурсом. Дефиниции следуют одна за другой в хронологическом порядке, в соответствии с временем размещения на сайте. Подобное размещение позволяет пользователям высказываться, рассуждать, объяснять значение слова, спорить с другими пользователями. Споры о том, что означает то или иное слово раньше могло быть зафиксировано только в устной речи, и обычно не фиксировались лингвистами в связи с их мимолетностью, на сегодняшний день получили широкое распространение в связи с распространением Интернет-коммуникаций.

Таким образом, следует отметить, что в подобных лексикографических изданиях актуализируются языковые вкусы, предпочтения и пристрастия пользователей сети Интернет, их отношение к комментируемым языковым единицам, что проявляется в количестве словарных статей по одной лексической единице.

Также отношение пользователей отражено в таком показателе, как **оценка**. Здесь значение имеет как общее количество пользователей, давших оценку данной словарной

статье, так и количество пользователей, давших именно положительную оценку, т.е. проголосовавших «за». Общее количество пользователей, давших оценку, свидетельствует об уровне интереса, которое слово вызывает у пользователей. В данном случае имеет значение как положительная так и отрицательная оценка, что свидетельствует о степени внимания носителей языка к данной лексической единице. Если оценка слова представлена в виде 0 «за», 0 «против», то интерес пользователей к данной лексической единице отсутствует.

Так, Лукашанец Е.Г., исследовав словарь, расположенный на сайте www.slovonovo.ru, сообщает, что общие низкие баллы получили лексические единицы, обозначающие неактуальные для основной массы носителей языка понятия, узкоспециальные и малораспространенные слова. В то время как высокий балл оценки словарной единицы соотносим с важностью соответствующего понятия для языковой общности. Однако, автор отмечает, что определенную роль в величине данного показателя играет длительность нахождения этой лексической единицы на сайте. Процент давших положительную оценку более точно фиксирует отношений читателей сайта в словарной единице. Также возникают ситуации разного оценивания словарных статей, относящихся к одному и тому же слову [6].

Также металингвистическая деятельность людей характеризуется посредством различных меток (тегов), которыми заканчивается каждая словарная статья. Изначально, посредством данных меток предполагалось указывать сферу употребления лексической единицы. При добавлении лексической единицы на сайт, необходимо заполнить пункт «Категория», в котором можно указать несколько сфер употребления через запятую. Все теги, в совокупности, представляют собой «облако тегов», т.е. список меток, нажав на одну из которых можно просмотреть все слова, относящиеся к данной области.

По содержанию лексические единицы с пометкой «сленг» делятся на следующие группы: 1) по профессии, специальности, роду занятий; 2) по хобби, принадлежности к молодежному течению, к группировке по интересам; 3) по национальной принадлежности, месту жительства; 4) сфера функционирования сленга; 5) территория распространения; 6) период использования, время появления; 7) названия социально-территориальных языковых подсистем; 8) названия подсистем лексики; 9) названия лиц; 10) названия местностей; 11) обозначения времени; 12) сфера использования лексики.

По сравнению с научными лексикографическими источниками народные лексикографические источники имеют ряд принципиальных отличий, возникающих вследствие виртуального характера словарей, открытости источника, отсутствием профессионального лингвистического образования у его создателей. Относительно параметров включения лексической единицы в словарную статью Интернет источника, следует отметить следующие: дата включения лексической единицы, автор словарной статьи, оценка слова («за» и «против»). При указании авторства зачастую используются обезличенные ники или вообще автор остается анонимным.

Подводя итог, необходимо отметить, что сеть Интернет представляет собой открытый источник для изучения субстандартных лексикографических источников. Данная группа словарей и словарных справочников постоянно расширяется, что предоставляет простор для всестороннего изучения данного лексического пласта.

Литература

1. Багринцева, О.Б. Социолексикологический анализ терминов родства в социолексикографическом интернет-издании www.slovoborg.ru [Текст]//О.Б. Багринцева/Сборник статей II Международной научно-практической конференции:

Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях — Астрахань, 2014. – С.10-13.

2. Балашова, Л.И. Вводно-предметный курс по языкознанию [Текст]//Л.И. Балашова, М.Л. Хохлина. - Астрахань, 2008. - 120 с.

3. Зобнина, О.А. Лингвокультурологический аспект формирования общекультурных компетенций по предмету иностранный (английский) язык направления подготовки «Менеджмент» [Текст]//О.А. Зобнина/Научный вестник Астраханского филиала РАНХиГС – Челябинск, 2014. - С. 144-147.

4. Колоколова, Н.М. Гендерные стереотипы в языке и речи [Текст]//Н.М. Колоколова/Вопросы лингвистики и литературоведения - № 3 – Астрахань, 2009. - С.13-18.

5. Кривых, Л.Д. Формирование опыта социальных отношений средствами иностранного языка у студентов неязыковых специальностей в системе высшего профессионального образования [Текст]//Л.Д. Кривых/ Известия южного федерального университета, педагогические науки. - №3. - Ростов-на-Дону. – 2011. - С.172-178.

6. Лукашанец, Е.Г. Сленговые словари как результат металингвистической деятельности пользователей Интернета [Текст]//Е.Г. Лукашанец/ Вопросы лексикологии и лексикографии. - № 8. - 2012 [<http://www.nauka-dialog.ru>].

7. Метельская, Е.В. Оценка полоролевой референции посредством лексических субстандартных единиц-зоонимов [Текст]//Е.В. Метельская// Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина – Санкт-Петербург, 2011. - С.162-168.

8. Пителина, М.В. К вопросу о методах изучения адресата в рекламе (на материале текстов рекламы образовательных услуг) [Текст]//М.В. Пителина/ Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы – Тамбов, 2012. - С.81-91.

9. Рябичкина, Г. В. Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: Теоретический и прикладной аспекты [Текст]:автореферат диссертации...доктора филологических наук//Г. В. Рябичкина. – Пятигорск, 2009. – 42 с.

References

1. Bagrinceva O.B. Social lexicological analysis of kinship terms in the online edition of sociolexicographical www.slovoborg.ru. Collection of Articles II International scientific-practical conference: The main issues of pedagogy, psychology, linguistics and methodology of teaching in educational institutions [Osnovnye voprosy pedagogiki psihologii lingvistiki i metodiki prepodavaniya v obrazovatelnyh uchrezhdeniyah Sbornik statey II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii]. Astrahan, 2014. pp. 10-13.

2. Balashova L.I., Hohlina M.L. Induction and subject courses on linguistics. Astrahan, 2008. 120 p.

3. Zobnina O.A. Lingvistic and kulturological aspect of formation of common cultural competence in the discipline a foreign language (English) training direction "Management". Scientific Bulletin Astrakhan branch RANHiGS [Nauchnyy vestnik Astrahanskogo filiala RANHiGS]. Chelyabinsk, 2014. pp. 144-147.

4. Kolokolova N.M. Gender stereotypes in language and speech. Issues of linguistics and literary studies [Voprosy lingvistiki i literaturovedeniya]. Astrahan, 2009. no.3, pp.13-18.

5. Krivyh L.D. Formation of experience of social relations by means of a foreign language at students of not language specialties in the system of higher education. Proceedings of the Southern Federal University, pedagogical science [Izvestiya yuzhnogo federalnogo universiteta pedagogicheskie nauki]. Rostov-on-Don, 2011. no. 3, pp. 172-178.

6. Lukashanec E.G. Slang dictionaries as a result of metalinguistic activities of Internet users. Questions lexicology and lexicography [Voprosy leksikologii i leksikografii]. Available at: <http://www.nauka-dialog.ru>.

7. Metelskaya E.V. Evaluation of gender role lexical reference by subprime-zoonyms units. Herald Leningradstkogo State University. AS Pushkin [Vestnik Leningradstkogo gosudarstvennogo universiteta im A S Pushkina]. St. Petersburg, 2011. pp.162-168.

8. Pitelina M.V. On the question of methods of study destination in the advertisement (in the educational services of advertising texts). Almanac of theoretical and applied research Advertising [Almanah teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy]. Tambov, 2012. pp.81-91.

9. Ryabichkina G.V. Problems subprime lexicography of English and Russian languages: theoretical and applied aspects. Doct., Diss [Problemy substandartnoy leksikografii angliyskogo i russkogo yazykov Teoreticheskiy i prikladnoy aspekty]. Pyatigorsk, 2009. 42p.

УДК 811.161.2'373.22

УРБАНОНІМІКА ЯК РОЗДІЛ СУЧАСНОЇ ТОПОНІМІКИ

А.В. Гриччина

grichchina@ukr.net

Харківський національний автомобільно-дорожній університет

Описується роль та місце урбаноніміки як розділу сучасної топоніміки. Розкривається актуальність вивчення закономірностей формування та функціонування урбанонімів у рамках лінгвістичних досліджень. Уточнюються поняття «урбанонім» та «урбанонімія».

Ключові слова: топоніміка, урбаноніміка, урбанонім, внутрішньоміський об'єкт.

УРБАНОНИМИКА КАК РАЗДЕЛ СОВРЕМЕННОЙ ТОПОНИМИКИ

А.В. Гриччина

grichchina@ukr.net

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет

Описывается роль и место урбанонимики как раздела современной топонимики. Раскрывается актуальность изучения закономерностей формирования и функционирования урбанонимов в рамках лингвистических исследований. Уточняются понятия «урбаноним» и «урбанонимия».

Ключевые слова: топонимика, урбанонимика, урбаноним, внутригородской объект.

URBAN PLACE-NAMES STUDIES AS A SECTION OF MODERN TOPONYMY

A.V. Hrichchina

grichchina@ukr.net

Kharkiv National Automobile and Highway University

The role and place of urban place-names studies as a section of modern toponymy have been described. The topicality of studying the laws of forming and using urban place-names in frame of linguistic research has been analysed. The terms “urbanonym” and “urbanonymy” have been reviewed.

Keywords: toponymy, urban place-names studies, urbanonym, urban place.

Топоніміка (від грец. *topos* – місце і *onoma* – ім'я, назва) – це наука, що вивчає географічні назви, їх походження, смислове значення, розвиток, сучасний стан, написання та вимову, а також природні та соціальні умови минулого, за яких дані назви виникли [4]. Топоніміка є інтегральною науковою дисципліною, яка знаходиться на стику трьох галузей знань: географії, історії та лінгвістики. Базовим поняттям топоніміки виступає топонімія – сукупність назв (топонімів) на певній території. Серед топонімів виділяються різні класи, такі як: ойконіми – назви населених місць, астіоніми – назви міст, гідроніми – назви річок, дрімоніми – назви лісів, ороніми – назви гір, урбаноніми – назви внутрішньоміських об'єктів, годоніми – назви вулиць, агороніми – назви площ, дромоніми – назви шляхів сполучення, макротопоніми – назви великих незаселених об'єктів.

Оскільки географічні назви мають лінгвістичну природу, спостерігається тісний зв'язок топоніміки з мовознавчими науками: ономастикою – наукою про виникнення та поширення власних назв; історичною лінгвістикою; етимологією – наукою, що займається вивченням походження слів; семантикою; морфологією; фонетикою та діалектологією [6].

Топоніми, власні назви географічних об'єктів, є частиною загальної мовної системи, тому вони функціонують і розвиваються за її законами, їх виникнення і становлення обумовлюється лінгвістичними закономірностями. Не можна говорити про повноту дослідження лексичної системи мови, не враховуючи клас власних географічних назв, досить численний і специфічний за своєю природою. У топонімах у значно більшій мірі, ніж в апелятивах, відображаються й зберігаються діалектні риси. А це значить, що топонімічні матеріали здатні допомогти при реконструкції діалектних лексичних систем, виявити національні і регіональні мовні риси. Топоніми набагато більше, ніж інші класи власних назв, пов'язані з історією, економікою, культурою, етнографією народу. Таким чином, топоніми несуть в собі, крім суто лінгвістичних відомостей, ще й відомості культурно-історичного характеру.

Слід також зауважити, що основні особливості топонімії вимагають регіонального підходу до її вивчення з обов'язковим урахуванням як діахронії, так і синхронії. Вивчення регіональної топонімії дуже важливо і саме по собі з тієї причини, що в науковий обіг вводиться новий фактичний матеріал, що відображає особливості локальної системи називання, пов'язаний з тими чи іншими історичними подіями даної території, що несе в собі культурно-історичний спадок різних епох, крім того дослідження регіональної топонімії допомагає виявити і зрозуміти особливості всієї української топонімічної системи в цілому. Важливо й те, що подальший розвиток теорії ономастики (і топоніміки в тому числі) неможливий без постійного накопичення фактичного матеріалу. Адже осмислення, систематизація, інтерпретування конкретного масиву топонімів є більш достовірними тільки в тому випадку, якщо вони ґрунтуються на досить великому матеріалі. Залучення до наукового обігу нового фактичного матеріалу дуже важливе тому, що він допомагає обґрунтувати теоретичні положення, підтвердити (або спростувати) результати попередніх досліджень, висунути нові завдання і сприяти їх вирішенню.

Урбанонімія (сукупність урбанонімів) довгий час залишалася однією з невивчених областей сучасної ономастики і топоніміки, зокрема. Однак на новому етапі розвитку суспільства місто виступає в ролі найважливішого центру сучасної людської культури і як соціальна і культурна реалія привертає увагу все більшого числа дослідників різних областей наукового знання: лінгвістів, соціологів, культурологів, істориків, географів, політологів і філософів. Власні назви міських об'єктів, що виникли, очевидно, разом із появою перших міст, нині функціонують повсюдно й

уживаються масово. Їх дослідження дає змогу істотно відновлювати факти історії мови та історії народу, оскільки «найменуванням вулиць, провулків, проспектів, бульварів тощо властивий особливий статус не тільки в географії міста, але й у його історії, національно-культурному тлі» [6]. Назви внутрішньоміських об'єктів в українській ономастиці є ровесниками самих міст. Із 700 українських топонімів XI–XIV століття, поданих в «Етимологічному словнику літописних географічних назв Південної Русі», близько 100 одиниць становлять урбаноніми.

Процеси найменування внутрішньоміських об'єктів мало вивчені, немає спеціальних лінгвістичних робіт, присвячених їх зіставному опису. Вивчення та систематизація урбанонімічної лексики необхідні для заповнення білих плям, що утворюються внаслідок недостатнього залучення явища урбанонімів для опису онімного простору кожної окремо взятої мови. Урбаноніми належать до частково вивчених одиниць, незважаючи на те, що становлять одну із найчисельніших груп онімного простору. В українській ономастиці, як і в інших слов'янських ономастиках, цей клас онімів почав досліджуватися лише в останні десятиліття. Вивчення та аналіз сучасних назв міста є актуальними і важливими, адже саме ці назви відбивають цінності того періоду, коли вони виникли, і ставлення мешканців міст до цих найменувань.

Необхідність вивчення урбанонімів обумовлюється динамічним розвитком міста, збільшенням його території, постійною появою нових імен на картах міст. Відповідно утворюються нові моделі формування урбанонімів. Урбаноніми сьогодні є найрухливішим пластом топонімічної лексики. Старі назви міських об'єктів зникають зі стрімкою швидкістю, доказом чого служать перейменування вулиць, в назвах яких відображаються національно-історичні, політичні, культурні чинники розвитку країни в цілому.

Актуальність вивчення урбанонімів обумовлена також тим, що тут враховані просвітницький та педагогічний аспекти. Населення часто не знайоме з історією назви тих чи інших вулиць, площ, районів, а необхідність найменування, перейменування і повернення історичних назв внутрішньоміських об'єктів вимагає науково обґрунтованої урбанонімічної концепції.

Як особливий розділ топонімії урбанонімія має ряд спільних для більшості розрядів топонімів рис: обумовленість позамовними факторами; системність організації; спільність виконуваних функцій; наявність варіантів (офіційна/неофіційна назва); наявність словотворчих формантів структурно-граматичних типів; можливість бути зафіксованими в текстах художніх творів, в результаті чого вступати в інші системні зв'язки і навіть брати участь у стилістичних прийомах і ін. [2].

Зупинимося докладніше на визначенні термінів «урбанонім» та «урбанонімія». За Н. В. Подольською «урбанонім (від лат. Urbanus «міський» + онім) – вид топоніма. Власне ім'я будь-якого внутрішньоміського топографічного об'єкта, в т.ч. агоронім, годонім, хоронім міський, еклезіонім, ойконім» [3]. Отже, «урбанонімія» – це сукупність урбанонімів. Г. М. Мезенко розуміє під урбанонімією «сукупність всіх назв внутрішньоміських об'єктів, які нині існують або використовувалися в попередні епохи. Це назви лінійних (вулиць, провулків, проспектів, проїздів, і т.п.), територіальних (площ, скверів, парків, ринків, районів, ставків і т.п.) і масштабних об'єктів (церков, костьолів, монастирів, кінотеатрів, готелів, кафе, пам'ятників, магазинів і т.п.). Незважаючи на те, що урбанонімія являє собою набір назв дуже різномірних об'єктів, що входять до неї, ці одиниці тісно пов'язані між собою, переплетені і виконують однакові функції, що є основою їх об'єднання в один клас топонімів: мовний контекст (внутрішньоміські назви) виступає наслідком контексту речей (всі об'єкти знаходяться всередині міста)» [2]. Відомий фахівець з ономастики А.

В. Суперанська під «урбанонімією» розуміє всю сукупність назв вулиць, площ, будівель та інших внутрішньоміських об'єктів [5].

Крім загальних для всіх топонімічних одиниць властивостей, для урбанонімів характерні: а) високий ступінь змінюваності; б) в основному низький ступінь популярності; в) слабкий зв'язок з діалектом; г) переважна одномовність; д) семантична вмотивованість більшості урбанонімів; е) переважання штучної номінації над природною; ж) письмова закріпленість [3].

Вся сукупність найменувань внутрішньоміських об'єктів складає своєрідну і дуже складну систему. Назви внутрішньоміських об'єктів цікаві своєю рухливістю. Вони жваво реагують на всі події сучасності. У них відображаються не тільки політичні, соціальні та інші погляди суспільства, а й певні мовні тенденції, особливості словотворення і словозміни. У міру того, як дані внутрішньоміські об'єкти піддавалися різним змінам, перебудовам і реконструкціям, їх назви теж змінювалися: переосмислювалися і перетворювалися, але всі ці зміни відбувалися в рамках перерахованих вище законів функціонування топонімічної системи.

У кожній урбанонімічній системі можна спостерігати функціонування як наймасовіше представлених іменних типів, які є зразками для інших імен цих же груп, так і відносно недавно запозичених імен, для яких поняття норми і системи ще не цілком встановилися і у вживанні яких спостерігаються варіації. Нарівні з ними присутні застарілі імена, які були продуктивними кілька століть назад, і імена поодинокі, що не мають собі подібних, які особливо схильні до різних перебудов.

Звернення до історичного аспекту типології внутрішньоміських об'єктів пояснюється тим, що без цього аспекту важко зрозуміти і принципи відбору лексики, яка поступово втягується в систему власних імен внутрішньоміських об'єктів: «В урбанонімії більше, ніж в будь-якій іншій топонімічній категорії, проявляється свідомий процес номінації з яскраво вираженою соціальною тенденцією» [3]. Всі внутрішньоміські об'єкти, як і самі міста, створені людиною і складають особливу категорію, що виділяється на основі їх функцій в житті суспільства: за діловим, господарським, культурним, ідеологічним та іншими призначеннями. Тому і на формування системи назв внутрішньоміських об'єктів основний вплив має людська діяльність, прив'язана до даного місця. У результаті урбаноніми – назви внутрішньоміських об'єктів – будуються за іншим принципом, ніж топоніми – назви географічних об'єктів. Тут слід також зауважити, що урбанонімія неминуче вбирає в себе й назви фізико-географічних об'єктів міської території, а також назви окраїнних поселень, які поступово входять в межі міста. Ці мікротопоніми, гідроніми і ойконіми стають урбанонімами. Відбувається їх урбанонімізація, яка відбивається в їх семантиці (втрачаються первісні зв'язки) і в їх структурі.

Мовознавці також виділяють екстралінгвальні чинники формування урбанонімікону. Так О. Галай зосереджує увагу на позамовних факторах формування урбанонімії Закарпаття і поділяє екстралінгвальні фактори, які впливають на розвиток мови та власних назв зокрема, на універсальні та спорадичні. Універсальні – це позамовні чинники, що безпосередньо впливають на урбанонімікон упродовж усієї його історії. До таких вона відносить: демографічний розвиток населених пунктів; прагнення мовців за посередництвом власної назви охарактеризувати найменованій топооб'єкт; державну ідеологію. Спорадичними факторами впливу тут виступають законодавче врегулювання урбанонімії і мода [1].

Отже, урбанонімічний простір українців, як і онімний загалом, перебуває в постійному розвитку, оновленні, удосконаленні, маніфестує їхню сутність і загальнолюдські та національні цінності. Це пов'язано не тільки з ростом міст, розширенням їх кордонів, а й зі зміною політичної, економічної, соціальної ситуації в

країні і регіоні. Таким чином, актуальність дослідження урбанонімів визначається також і тим, що виникає гостра необхідність зафіксувати всі існуючі на даний момент назви внутрішньоміських об'єктів, розкрити їх культурний фон і інформаційний потенціал, зберегти їх як цінне джерело лінгвокультурологічного знання.

Литература

1. Галай, О. Законодавче врегулювання назвотворчості як екстралінгвальний чинник розвитку закарпатоукраїнської урбанонімії XX – поч. XXI ст. / О. Галай // Філологічні студії / Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки. – 2008. – № 1–2. – С. 255–263.
2. Мезенко, А. М. Ономастика / А. М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2012. – 152 с.
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 323 с.
4. Словник української мови: в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. – К.: Наукова думка, 1970–1980. – Т. 10. – С. 198.
5. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного/ А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 367 с.
6. Таранова, Н. Основні етапи розвитку топонімії як науки / Н. Таранова // Наукові записки Тернопільського НПУ імені В. Гнатюка. Серія: Географія. – 2006. – № 2 – С. 163.

References

1. Halai O. Zakonodavche vrehuliuvannia nazvotvorchosti yak ekstralinhvalnyi chynnyk rozvytku zakarpatoukrainskoї urbanonimii XX – poch. XXI st. Filolohichni studii. Volyn. nats. un-t im. Lesi Ukrainky. 2008. no.1–2. pp. 255–263.
2. Mezenko A. M. Onomastyka. Vytebsk, VHU ymeny P. M. Masherova, 2012. 152 p.
3. Podolskaia N. V. Slovar russkoi onomastycheskoi termynolohyy. Moscow, Nauka Publ., 1978. 323 p.
4. Slovnyk ukrainskoi movy: v 11 tt. AN URSR. Instytut movoznavstva; za red. I. K. Bilodida. Kiev, Naukova dumka, 1970–1980. T. 10. p. 198.
5. Superanskaia A. V. Obshchaia teoriya ymeny sobstvennoho. Moscow. Nauka, 1973. – 367 p.
6. Taranova N. Osnovni etapy rozvytku toponimii yak nauky. Naukovi zapysky Ternopilskoho NPU imeni V. Hnatiuka. Seria: Neohrafiia. 2006. no. 2 – p. 163.

УДК 80

К ВОПРОСУ О ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Е.Г. Данилова

Lenadanilova@mail.com

Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова

В настоящей работе предпринята попытка осмыслить влияние глобализации на современный литературный процесс. На основании анализа научных источников делается вывод о том, что без соприкосновения и взаимного проникновения культур развитие национальных литератур не представляется возможным. В работе акцентируется внимание на том, что глобализация, помимо положительных моментов, несет и негативные последствия, вызванные стремлением некоторых государств занять преимущественное

положение среди других. Стремление к распространению своих интересов на уровне художественных ценностей может быть чревато поглощением национальных литератур.

Ключевые слова: глобализация, культура, диалог, национальная литература, язык, автор, читатель, текст.

REGARDING THE QUESTION OF CULTURE DIALOGUE WITHIN MODERN LITERATURE PROCESS

E.G. Danilova

Lenadanilova@mail.com

Moscow State University

In given article the author has attempted to analyze influence of globalization on modern literature process. Based upon scientific resources a conclusion has been made that no development of national literatures is possible without close interaction of cultures. The author underlines the fact that apart from positive moments globalization cases negative consequences triggered by some states striving to take a leading position. Striving to distribute its interests on the level of art values can cause acquisition of national literatures.

Keywords: globalization, culture, dialogue, national literature, language, author, reader, text.

Одним из самых влиятельных процессов современности является глобализация, представляющая собой принципиально новый этап в развитии человечества, не похожий на предшествующие эпохи. Планетарный характер приобретает взаимосвязь между государствами и социальными сообществами. К числу характерных признаков глобализации следует отнести усиление взаимодействия и взаимной зависимости людей друг от друга, благодаря чему формируется планетарный социум. В условиях глобализации любая национальная культура получает новые возможности: взгляд со стороны позволяет глубже осознать особенность своего бытия, посмотреть на свою жизнь, внести некоторые инновации в экономические, политические и социальные отношения отдельно взятой страны.

На национальную культуру оказывают влияние философские и нравственно-правовые идеи соседних и дальних государств, их технико-технологические достижения, художественные ценности. Все это активно усваивается, перерабатывается, интегрируется и становится органичным элементом своей культуры. Необходимо подчеркнуть, что взаимодействие культур вне организации диалога по определению невозможно. Можно сказать, что он являет собой тот спасительный путь, постепенное продвижение по которому позволяет субъектам взаимодействия избежать острой конфронтации. Диалог – это не столько общение на разных языках, сколько взаимопроникновение разных типов культур.

В работе исследователя Л.А. Орнатской [4], посвященной вопросам межкультурного диалога, подчеркивается, что восприятие диалога не должно быть связано с внешней формой «существования современных культурных сообществ», поскольку его основной целью является понимание [4, с. 52]. Для понимания другой культуры нужно не просто обладать систематизированными сведениями о ее специфике, а относиться к ней иначе, чем собственное Я-мышление, чем собственное культурное бытие. Значит, диалог культур необходим для отстаивания права каждого субъекта на свою самость, особенность.

Анализируя характер культурных обменов между европейскими странами, Л.А. Орнатская сделала вывод о том, что адекватный межкультурный диалог, к сожалению, не был доминирующей тенденцией, в противном случае «он не стал бы проблемой сегодняшнего дня» [4, с. 53].

В одной из недавних публикаций отечественный литератор, критик, прозаик Ю.Б. Боров [1] высказал мысль, согласно которой в эпоху глобализации культура разных народов обогащается благодаря художественным открытиям каждой из них. Становятся более интенсивными экономические, политические, социальные связи, а кроме того, наблюдается усиление диалога художественных культур. Однако обращает внимание Ю.Б. Боров, интенсификация взаимодействия иногда приводит к негативным последствиям: «Тенденция глобализации литературного процесса грозит обернуться подавлением национальных художественных традиций и вытеснением серьезной художественной литературы масс-литературой» [1, с. 283].

Те ученые, которые занимаются решением обозначенной проблемы, ничего не имеют против глобализации, они протестуют против ее превращения в американизацию. Как известно, влияние США на языки, политику, культуру других стран обусловлено экономическими причинами. Поступательно реализуемая система мер приводит к тому, что на практике американское государство внедряет в художественное пространство других культур свою. Когда великие произведения искусства, например, романы У. Фолкнера или Э. Хемингуэя, становятся достоянием в других странах, то за это «можно только благодарить американскую культуру» [1, с. 283].

Но на каждое высокое произведение приходится тысячи низкого качества: они изобилуют сценами насилия и разрушают душу читателя. Между тем печатного «мусора» хватает в каждой стране. Следовательно, делает выводы Ю.Б. Боров, в процессе глобализации крайне важно сохранять автономизацию, национальное своеобразие своей культуры, оставаясь при этом открытым диалогическому взаимодействию традициям других литератур. В свете сказанного, комментирует литератор, было бы ошибкой считать, что глобализация несет исключительно негативные последствия. Напротив, при соблюдении определенного баланса она способствует обогащению художественного опыта, оттачиванию мастерства других литератур.

Стало быть, глобализация должна носить гуманный характер: это понимание человека как высшей ценности. Ю.Б. Боров называет вектором развития в новом тысячелетии личность и ее духовное богатство. Гуманная глобализация предполагает равноправное взаимодействие всех типов культур и выстраивание диалога в единый художественный поток, из которого образуется «единый океан художественной культуры человечества» [1, с. 284]. Кстати сказать, поясняет литератор, в свое время немецкий поэт, мыслитель, государственный деятель И.В. Гёте увидел рождение мировой литературы в усилении диалога культур и процессах единения человечества.

Сегодня мы становимся очевидцами интенсификации этих процессов: «Под влиянием глобализации, мощно усилившей и углубившей диалог культур, формируется общечеловеческая литература, произведения которой не утрачивают национальных особенностей и опоры на национальные традиции, но обретают качественно новый уровень всеобщности» [1, с. 284]. Эта общечеловеческая литература, в которой сохраняются специфические особенности отдельно взятой страны, но вместе с тем учитывается художественный опыт других народов, обуславливает необходимость поиска «новых инструментов для своего истолкования и понимания» [1, с. 284]. Отсюда появляются новые стимулы для развития теории литературы.

С мнением отечественного литератора соглашается исследователь Т.М. Степанова, которая пишет о том, что интенсивное приобщение литературы к инонациональному опыту чревато подчинением чужеродному влиянию. В свою очередь, это несет «угрозу культурно-художественной ассимиляции» [9, с. 107].

Широкие контакты между литературами не всегда бывают благоприятными, так как развиваются в русле «культурной гегемонии» [9, с. 107].

Без критического осмысления межкультурного взаимодействия возможна частичная утрата самобытности, «перешагивание через собственный культурный опыт» [9, с. 108]. Подтверждая сказанное, исследователь приводит пример масштабного явления, наблюдаемого в области литературных связей Нового времени, – влияния западноевропейской литературы на культуры иных стран. Известный факт: начало XIX века в России было связано с модой на французское, подтверждением чего является язык высшей знати, запечатленный в романах Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и др.

Этот феномен, получивший неоднозначную оценку со стороны ученых, является предметом непрекращающихся дискуссий.

Еще одна работа, автор которой размышляет о необходимости сохранения самобытности национальных литератур, написана Я.Г. Сафиуллиным. Он говорит о том, что, по сути, любая национальная литература – это явление, замкнутое на себе. Находясь в общем пространстве, они вступают во взаимодействия. Последствия их сближения трудно предугадать: «Множественность – это своего рода «броуново движение» в литературном мире, законы и результаты которого непредсказуемы» [7, с. 174]. Осознать свою национальную идентичность, говорит Я.Г. Сафиуллин, можно только на фоне других литератур.

В то же время без обмена художественными открытиями нельзя вести речь о взаимном обогащении. В каждой национальной литературе есть характерные черты, делающие ее неповторимой, но и их бы не было, находишь культура отдельно взятой страны в изоляции от своих соседей – ближних и дальних: «чем более тождественна литература самой себе, тем больше оказывается в ней точек соприкосновения с другими литературами» [7, с. 176]. По мнению Я.Г. Сафиуллиной, точкой соприкосновения между разными национальными литературами может быть диалог, вытраиваемый как минимум на двух языках. Функционирующий в сознании читателя, он (диалог) становится «серьезным фактором, влияющим на межкультурные взаимодействия» [7, с. 176].

Опасения, высказанные Ю.Б. Боровым, Т.М. Степановой, Я.Г. Сафиуллиным и другими исследователями имеют достаточное основание. Ознакомление с художественными произведениями современных авторов позволило прийти к мысли о том, что в текстах неоправданно часто используется английский язык. Для этого выбираются различные способы написания. Например, проследим названия романов на уровне словообразования: «Про Любоff/on» О. Робски, «Шлем ужаса: Креатифф о Тесе и Минотавре» В. Пелевина, «Duxless» С. Минаева.

Как видно, здесь наблюдается сочетание русских корней и английских флексий либо частей слов. Стоит обратить внимание на то, что последнее из перечисленных названий уже вошло в лексикон наших соотечественников как определение общего падения нравов, аморального шика, безудержного потребления (корень «дух» + суффикс -без).

Использование английского языка на уровне морфологии прослеживается в названии книги С. Минаева «The тёлки». Употребление букв латинского алфавита вместо русского видим в названиях произведений А. и С. Литвиновых «IDEAL Жертвы», «VremenaGoda» А. Борисовой, «LapushkiNeGlamour. Страсти по Маргарите» А. Константинова.

Следующий пример связан с использованием в названиях произведений символов, характерных для англоязычной культуры. Например: «Кризи\$: Как это делается» Н. Старикова, «Ин\$айдер» В. Ильина, «Моя Ж... в иску\$\$тве. Вид сзади» В.

Зеленогорского, «Рич@рд Длинные Руки– вильграф» Г. Орловского, «Войн@ и мир» В. Пелевина.

Сочетание английского и русского слова либо отдельных букв можно увидеть в следующих названиях: «Брачный контракт, или Whoisxy...» Т. Огородниковой; «ЯДЕРНЫЙ «Бикини», или кровавая Viktoria» А. Ладоги, «Предсказание – End» Т. Степановой, «ПАНИКА UPGRADE. Кровь древних» А. Мазина, «Про людей и звеZдей» И. Майоровой, «Леди GUN» В. Веры, «Miss Люкс» Н. Нечаевой, «Success[успех] в Большом городе» И.М. Хакамады, «Childfree. Свободные от детей» (серия этоmodno) Ю. Лавряшиной.

Кроме того, в названиях произведений можно встретить пунктуационные знаки внутри слова, например: «S.N.U.F.F.» у В. Пелевина, «P.A.B.» у С. Минаева. Примеры транслитерированных названий: «Bye-bye, baby!..» у В. Платовой, «Revolution» у З. Прилепина, «БойFriend» или «TragedyClub. Аферисткам вход разрешен» у Д. Полесского, «EMPIRE V» у В. Пелевина.

Акцентируя внимание на последнем из перечисленных произведений, укажем, что особенности использования англоязычных названий на русскоязычной почве стали объектом внимания одного из героев названного автора. Персонаж говорит, что это стало пошлой приметой нынешнего времени, когда на иностранный лад называют рестораны, магазины и даже романы. Тем самым, очевидно, их владельцы хотят сказать: «мы не такие, мы продвинутые, офшорные» [5, с. 30].

Своеобразным процессом отражения глобализации можно считать название произведений, полученных путем изобретения новых слов, что, к примеру, мы наблюдаем при прочтении романа С. Минаева «Media-sapiens». Достаточно очевидно: название произведению дала аналогия с *homo sapiens* (человек разумный), который противопоставлен человеку, существующему в медиа пространстве (*media-sapiens*).

В ранее упомянутом романе «Dухless» встречается русская транслитерация слов с английской основой: полеты на джетах, селс-офис, деньги кешэм, аутсорсинг, випы, лузер, бойфренд, маркет-ресёрч, приатачить отчет, филд-репорт, фейсконтрольщик, френч, релакнуться. А в произведении «MediaSapiens. Повесть о третьем сроке» примеры подобного типа касаются слов флеш-моб, лайв-джурнал, рашка.

В текстах романов В. Пелевина встречается множество производных от восклицания *wow*, выражающего удивление, восхищение, радость: вау-фактор, вау-техника, вау-тип, вау-символ, вау-человек, вау-импульс.

Задаваясь вопросом об обилии использования слов вышеописанных типов, мы обратились к содержанию исследования Т.В. Воронченко, в котором предпринята попытка проанализировать данный феномен. Как подчеркивается в работе, авторы произведений ориентируются на читателя, владеющего как минимум одним иностранным языком. Отсюда – обилие иноязычных включений. Наличие соответствующей компетенции позволяет читателю без труда интерпретировать написанное в разных языковых системах, а значит, адекватно воспринять замысел создателя произведения: «Можно сказать, что такие литературные тексты нацелены на читателя нового уровня: современного в плане множественного восприятия» [2, с. 358].

По убеждению Т.В. Воронченко, свободное восприятие иноязычных включений осуществляется благодаря сформированности черт вторичной языковой личности, которая может вступать в опосредованное взаимодействие на межкультурном уровне. Появление описываемой способности «складывается из овладения языковой картиной мира второго языка и глобальной картиной мира» [2, с. 357]. Другими словами, поясняет исследователь, современные авторы рассчитывают на то, что их читатели способны чувствовать другую культуру.

Осмысля специфику литературного процесса нового тысячелетия, отечественный литературовед и культуролог В.А. Луков выразил убежденность в том, что «увлечение формальными экспериментами ... через определенное время изменится» [3, с. 89]. Вместо этого в обновленных формах явственно проступают фундаментальные черты русской литературы (милосердие, коллективная ответственность, покаяние), «сложившиеся за тысячелетнее ее существование» [3, с. 89].

В курсе лекций о проблемах современной русской литературы, подготовленных И.И. Поповой и Л.Е. Хворовой, делается вывод о том, что выше описанные процессы – закономерное явление «периода культурного промежутка» [6, с. 45]. Общеизвестно, поясняется в тексте книги, что между культурными эрами (например, II–V века н.э. именуют поздним эллинизмом, XV век – эпохой барокко и поздней готики) существуют промежутки.

Несмотря на отдаленность эпох друг от друга, между ними прослеживается определенное сходство, заключающееся в болезненном восприятии катастрофичности бытия, смене ценностных ориентиров, тотальном кризисе веры. В такие периоды происходит «ниспровержение художественных норм и традиций, которые опираются на космографическую модель мира», а мастера художественного слова активно разрабатывают «художественные стратегии, которые моделируют мир как хаос» [6, с. 45].

Каждой культурной эпохе, пишет И.И. Попова, свойственны свои системы ментальности, диктующие тип мировосприятия вселенского универсума, взаимосвязь человека и мира; формируется «особый тип личности и особенный характер конфликта между личностью и миром» [6, с. 45]. Конец XX – начало XXI века – это культурный промежуток, для которого также характерно восприятие времени как кризисного: прежние системы ценности уже не удовлетворяют общество, в то время как новые пока не выработаны; все ставится под сомнение, авторитеты низвергаются.

При такой системной трансформации формируются новые этико-эстетические установки. В прозе, например, они «ярче всего выражены стилевой доминантой» [6, с. 45] – обилием иноязычных включений в текст. Сходная позиция по анализируемому вопросу прослеживается в тексте учебного пособия по современной русской литературе конца XX – начала XXI века, изданном под редакцией С.И. Тиминой. В данном источнике отмечается, что рубеж столетий – это период смены идеологических, нравственных, эстетических парадигм, это новый виток в развитии всей культуры.

Совершенно логично, говорится в учебном пособии, что рубеж веков стал «средоточием многих динамических тенденций» [8, с. 3], потому что на протяжении ряда десятилетий наблюдалось противостояние культур, их взаимное влияние и интеграция. Итогом процесса стала «полная смена литературного кода» [8, с. 3]: изменилась не только литература, но также роль писателя в ней и типа читателя. На содержательном уровне эти изменения являют «панораму раздвоенности души» [8, с. 3].

Таким образом, с учетом описанных процессов становится понятным своеобразие современного литературного процесса и место отечественной литературы в контексте диалога культур.

Литература

1. Борев, Ю.Б. Глобализация и диалог культур [Текст]/ Ю.Б. Борев // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские научные чтения. – СПб.:СПбГУП, 2014. – 592 с.

2. Воронченко, Т.В. Globalenglish как фактор гибридности литературного текста [Текст]/ Т.В. Воронченко, А.Э. Михина // *Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 11-2. – С. 356-361.
3. Луков, Вл. А. Русская литература: генезис диалога с европейской культурой[Текст]: Научная монография / Отв. ред. Вал.А. Луков. – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2006. – 100 с.
4. Орнатская, Л.А. Межкультурный диалог: проблемы и перспективы исследования [Текст]/ Л.А. Орнатская // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6. – 2014. - № 1. – С. 48-60.
5. Пелевин, В. Empire «V». Повесть о настоящем сверхчеловеке[Текст] / В. Пелевин. – М.: Эксмо, 2007. – 152 с.
6. Попова, И.М. Проблемы современной русской литературы[Текст]: Курс лекций/ И.М. Попова, Л.Е. Хворова. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. – 64 с.
7. Сафиуллин, Я.Г. Сопоставление литератур (К теории вопроса) [Текст]/ Я.Г. Сафиуллин // *Татьянин день*. Сборник статей. - Казань, 2010. - В.7. - С. 172-177.
8. Современная русская литература конца XX – начала XXI века: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования [Текст]/ С.И. Тимина, Т.Н. Маркова, Н.Н. Кякшто и др.; под ред. С.И. Тиминой. – М.: Академия, 2011. –384 с.
9. Степанова, Т.М. Международные связи и влияния как проявление диалога культур: вопросы историографии [Текст]/ Т.М. Степанова // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия: Литература. Литературоведение. Устное народное творчество. – 2006. - № 4. – с. 107-108.

References

1. Borev YB Globalization and Dialogue of Cultures. Dialog kultur i partnerstvo tsivilizatsiy: XIV Mezhdunarodnyie Lihachevskie nauchnyie chteniya [Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: XIV International Likhachev scientific readings], 2014, 592 p.
2. Voronchenko TV, Mihina AE Globalenglish hybridity as a factor of a literary text. Fundamentalnyie issledovaniya [Basic Research], 2013, no.11-2, pp. 356-361.
3. Lukov VI. A Russkaya literatura: genezis dialoga s evropeyskoy kulturoy: Nauchnaya monografiya [Russian literature: the genesis of the dialogue with European culture: Scientific monograph]. Moscow humanity University Press, 2006, 100 p.
4. Ornatskii LA Mezhekulturnyy dialog: problemy i perspektivy issledovaniya [Intercultural Dialogue: Issues and perspectives of research]. Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6, 2014, no. 1, pp. 48-60.
5. V. Pelevin Empire «V». Povest o nastoyaschem sverhcheloveke [Empire «V». Story of a Real Superman]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, 152 p.
6. Popov IM, Khvorova LE Problemyi sovremennoy russkoy literatury: Kurs lektsiy [Problems of modern Russian literature : Lectures]. Tambov: Publishing House of the Thumb. state. tehn. University Press, 2004, 64 p.
7. Safiullin Y.G. A comparison of literature (on the question of the theory). Tatyandin den Sbornik statej [Tatyana's Day. Digest of articles]. Kazan, 2010, no 7, pp. 172-177.
8. Thyminе S.I., Markov T.N., Kyakshto N.N. etc Sovremennaya russkaya literatura konca XX nachala XXI veka ucheb posobie dlya stud uchrezhdenij vyssh prof obrazovaniya [Modern Russian literature of the end of XX - beginning of XXI century: Proc. allowance for students. institutions of higher. prof. education]. Moscow, Academy Publ., 2011, 384 p.
9. Stepanova TM International relations and influence as a manifestation of cultural dialogue: questions of historiography. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta

Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ 16-34-00014a1

УДК 811.11
ББК 81.411.2,022

АТТРИБУТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТИЖА КАК ВАЖНОГО ЭЛЕМЕНТА ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА МОЛОДЁЖИ В ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Л.Р. Девликамова, А.В. Ленец
lijadrostow83@mail.ru; annalenets@mail.ru
Донской государственный технический университет,
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону

Исследуется проблема престижных оценок в процессе виртуального речевого общения между представителями молодого поколения. Престиж трактуется как форма формирования аттрактивного имиджа в виртуальном пространстве. Атрибутивные признаки престижа рассматриваются во взаимосвязи с его функциями в молодёжном речевом общении. Основными атрибутивными признаками являются стимулирующее оценивание партнёра по коммуникативному взаимодействию, установление защитной дистанции с представителями других групп, а также создание символов для опознания коммуникантов круга «своих/ чужих».

Ключевые слова: престиж, имидж, молодёжный язык, виртуальная коммуникация

ATTRIBUTIVE SIGNS OF PRESTIGE AS IMPORTANT ELEMENT OF THE YOUTH IMAGE CREATION IN VIRTUAL COMMUNICATION

L.R. Devlikamova, A.V. Lenets
lijadrostow83@mail.ru; annalenets@mail.ru
Don State Technical University
Southern Federal University
Rostov-on-Don

The article aims at the problem of the prestigious estimates between the representatives of the younger generation in the course of virtual communication. The prestige is understood as a way of attractive image creation in virtual space. Attributive signs of prestige are taken in conjunction with its functions in youth speech communication. The main attributive signs are the stimulating estimation of the interlocutor, establishment of a protective distance with the representatives of other groups, and also creation of symbols for an identification of communicants as friend/foe

Key words: prestige, image, youth language, virtual communication

В основе любого коммуникативного взаимодействия лежат престижные оценки. Престижные оценки коммуникантов, в процессе передачи от поколения к поколению, могут претерпевать различные трансформации. Особенно очевидным это становится в эпоху цифровых средств коммуникации, где активными участниками речевого общения и наиболее восприимчивыми потребителями информации в современном информационном пространстве являются именно молодые люди. Именно этот факт определяет актуальность изучения престижа личности в современной коммуникации. Кроме того, возрастает роль личностного фактора, который позволяет коммуникантам

воздействовать друг на друга в процессе речевого общения. Понимание законов функционирования оценивания престижа является не только условием целенаправленного формирования имиджа личности, но и залогом успешной коммуникации в дальнейшем.

Динамика престижных оценок у молодого поколения ранжирует участников речевого общения, влияет на степень их значимости. Амбивалентность проявления престижа в процессе речевого общения отмечается как на индивидуальном, так и на групповом уровне [7: 5]. Так, оценки престижа варьируются на уровне субкультур, где содержание и структура известны всем представителям данной субкультуры. Коммуниканты, как правило, обладают необходимыми социальными знаниями, которые способствуют пониманию поведения собеседника, согласованию общих целей и правил коммуникативного взаимодействия. Тем не менее, современное виртуальное пространство оказывает значительное влияние на нормы поведения в той или иной социальной группе, общепринятые престижные ценности, формируя стиль общения, формы коммуникативного взаимодействия.

Цель настоящей статьи – рассмотрение атрибутивных признаков престижа как важного элемента формирования имиджа у современной молодёжи в виртуальном пространстве. В рамках данной статьи предполагается решить следующие задачи: 1) обосновать дефиниции молодёжной речи; 2) определить престиж как инструмент формирования имиджа в процессе коммуникативного взаимодействия; 3) представить атрибутивные признаки престижа у современной молодёжи.

Вопросами формирования языка молодёжи, исследования рейтинга молодёжных приоритетов занимались как отечественные ученые – О.А. Гарцуева, Т.И. Жаркова, Е.А. Полехина, так и зарубежные – Берн Ш., Гросс Н., Кастельс М., С. Холл. Многообразие существующих теорий и работ не облегчает понимание объяснения молодёжного языка как явления. Среди зарубежных и отечественных работ до сих пор нет единого мнения о том, что понимается под молодёжным языком. Для того чтобы разобраться в существующих противоположных позициях, необходимо рассмотреть исторические предпосылки, причины постановки вопроса о существовании молодёжного языка, сравнить подходы к исследованию молодёжного языка в отечественном и зарубежном языковом пространстве.

Молодёжь определяется как общественная группа или прослойка, представители молодого поколения. Можно предположить, что феномен/ миф о *молодёжном языке* возник так же давно, как и само понятие молодёжи. История молодёжной речи в отечественном языковом пространстве начинается с формирования лексико-фразеологического состава различных школьных жаргонов. Первые единичные фиксации русского школьного жаргона относятся к 20-30 гг. XIX века, где они, однако, не имеют чёткого терминологического определения [6: 181]. И.А. Бодуэн де Куртенэ изучил живые языки, и первым выделил язык студентов, гимназистов, семинаристов, однако, он не дал определённого обозначения этих языков [6: 181].

Предметом научного исследования молодёжная речь становится в 20-30 гг. XX века. Среди причин возникновения интереса к речи молодёжи мы выделяем следующие: реформация системы образования, возросшее после революции и гражданской войны количество беспризорников и влияние сниженной лексики на молодёжный язык. В начале XX века жаргон в отечественной лингвистике трактовался как крайне негативное явление, которое отрицательно воздействует на язык. В 60-е годы XX века актуальным становится исследование языка школьников и студентов, появляются работы по изучению жаргонов, их взаимодействию и взаимовлиянию, работы, посвящённые просторечию и литературному языку. Так, изучая молодёжный язык одним из первых, К.И. Чуковский пытался понять подростков, и утверждал, что

им хочется употреблять новые, экзотические слова, которые будут непонятны ни учителям, ни их родителям, а также любому взрослому [К.И. Чуковский цит. по 6: 181]. Причину возникновения молодёжного языка К.И. Чуковский объяснял стремлением молодого поколения создать свой собственный кодифицированный язык.

Позднее молодёжный язык рассматривается в отечественной лингвистике как разновидность молодёжного жаргона, который представляет собой многостороннее образование: жаргон учащейся молодежи, армейский жаргон, жаргон компьютерщиков и представителей различных субкультур [6: 181]. В настоящее время принадлежность к молодёжному жаргону предполагает соотнесение к какой-либо группе по интересам и к определенной возрастной группе (14-25 лет). При этом язык молодёжи изучается с двух сторон: с одной стороны, как подсистема литературного языка, которая отличается избирательным лексическим составом, сниженным стилем и ограниченностью круга его носителей и с другой стороны, язык молодёжи как отдельную подсистему, которая обладает особым набором лексических единиц со специфическим значением [Уздинская Е.В., цит. по 6: 181]. В связи с последним молодёжный язык определяется как уникальная по лексико-семантическому составу подсистема метасистемы национального языка, а также свидетельством социальной, возрастной и гендерной дифференциации языкового пространства [1: 126].

В зарубежной (в нашем исследовании имеется ввиду немецкая) лингвистике язык молодёжи становится предметом исследований значительно раньше, чем в отечественной лингвистике. Первые исследования немецкого молодёжного языка датируются началом XVI века, и до середины XVIII встречаются лишь редкие источники, среди которых (Zachariäs Renommist, 1744; Kortums Jobsiade, 1784). В это время в университетах Германии возникают группы, которые во многом способствовали возникновению определённого стиля, культурного направления и языка. Так, в 1781 г. появляется первый словарь студенческого языка (г. Халле, Германия) [8]. А первые действительно научные труды по немецкому молодёжному языку появляются только в конце XIX века [8], где языки учащихся и студентов могут считаться социально-историческими предвестниками в развитии современной молодёжной культуры и молодёжного языка, которые являются гомогенными и автономными лишь при дальнем рассмотрении [9: 94]. Однако настоящий интерес к изучению данного феномена возник во второй половине XX века. Он был обусловлен активным использованием разговорной речи представителями молодого поколения в средствах массовой информации (в 60-х годах XX века). В 80-е годы XX века в Германии появляются научные работы и монографии, посвящённые изучению молодёжного языка, которые актуальны и на сегодняшний день, это связано с повышением внимания и интенсивным изучением языка молодёжи (Henne, 1986; Ingler, 1998; Januschek, Schlobinski, 1989; Müller-Thurau, 1985; Schönfeld, 1986). Общественный интерес был направлен на изучение существования молодёжного языка, и это являлось гарантией сохранения толерантных отношений между представителями разных поколений (молодёжь и старшее поколение). Важным в этой связи является разграничение понятий, которые возникли в этот период в отечественной, так и в зарубежной лингвистике: жаргон, сленг, тайный язык, социолект. В отечественной лингвистике особо широко рассмотрено понятие сленга и, соответственно, молодёжного языка, который является разновидностью сленга. Молодёжный язык представляет собой лингвистический феномен, его употребление ограничено не только пределами определённой возрастной группы, но и временными, пространственными рамками. Использование сленга молодёжью не является спонтанным, его употребление имеет целью выражение критического, часто иронического отношения к миру старшего поколения и стремление к независимости, самоутверждению и завоеванию

популярности среди своей социальной группы. Данное стремление к независимости связано с употреблением определённого «кода, пароля». Сленг молодёжи привлекает интерес лингвистов так же своей экспрессивностью, юмором, креативностью. Одной из причин существования молодежного языка является потребность молодых людей в самовыражении и встречном понимании [2: 159].

Дефиниции молодежного языка, выдвинутые зарубежными лингвистами, не представляют единой позиции по этому поводу. Так, например, язык молодёжи классифицируется как особый язык, который выполняет функцию принадлежности к определённой группе. Здесь необходимо отметить, что молодежный язык, всегда является вторичным по отношению к стандартному языку, т.к. он является его производным. Такой подход коррелирует с трактовкой отечественных лингвистов, которые рассматривают молодежный язык как «тайный язык» [3: 2015]. Этот особый язык непременно связан с обществом, т.е. выполняет социальную функцию, а также факт группового языка объясняет функцию выражения специфической культуры молодёжи, т.е. является языком группы, а не индивидуума. При этом язык молодежной группы одновременно имеет региональные, социальные, возрастные особенности. Обобщая вышесказанное, язык молодёжи определяется как составная часть обиходно-разговорной речи, которая представляет собой своеобразный лексикон со специфическими свойствами, отражающими психолингвистическую и социальную характеристику молодых людей. Существование многообразных форм молодежного языка, основанных на одинаковом лексическом составе и построенных по одной структурной модели, объясняет их параллельное взаимоотношение друг к другу, где они дополняют друг друга.

Феномен молодежной культуры относится, прежде всего, к динамическому обществу, где есть строгое разграничение на «взрослую» и «молодежную» культуры. До 50-х годов такого строгого разграничения не было. Оба поколения слушали одинаковую музыку, читали книги одинаковых авторов, смотрели одни и те же передачи. Сегодня у поколения «отцов» и поколения «детей» появились серьёзные отличия в ценностных ориентациях, моде и целиком в образе жизни. Современное виртуальное пространство помогает индивидам познакомиться с нормами поведения, которые рассматриваются обществом как соответствующие той или иной социальной группе. Особое влияние при этом виртуальное пространство оказывает на молодое поколение как наиболее восприимчивую к перцепции информации социальную группу. Такое взаимодействие в современном информационном пространстве носит двойственный характер: с одной стороны, молодое поколение способно стремительно воспринимать актуальную и новую информацию, а с другой стороны, подростки самостоятельно и активно ретранслируют далее её при помощи цифровых средств. В результате такого взаимодействия между молодыми людьми возникает своя культура – культура речевого общения, где нормы диктуются в зависимости от соответствия/ или несоответствия коммуникантов необходимому в данной группе имиджу.

Имидж является мысленным образом действительности, устойчиво воспроизводимый в индивидуальном или массовом сознании [5: 209]. Поскольку молодёжь является социальной группой людей, объединённой общими интересами и ценностями, то имидж рассматривается как мыслительный образ действительности, воспроизводимый в массовом сознании молодого поколения. Имидж является средством коммуникации, инструментом общения его носителя с массовым сознанием и соответственно данный инструмент используется в пределах закрытой молодежной группы. Имидж это не только инструмент общения, он является знаком, который диктует определённой группе людей соответствующий тип поведения [5: 209]. Безусловно, молодое поколение стремится овладеть этим знаком для завоевания

собственного имиджа и получения престижного статуса. С другой стороны, имидж может быть рассмотрен как стереотипное поведение, так как он отображает стереотипное, массовое поведение, свойственной целой группе. Имидж *информативен*, так как он знакомит с некой совокупностью признаков, присущих объекту или целой группе людей, объединенных общими интересами и признаками. Он не является чем-то однажды заданным и неизменным, он *динамичен*, его составные элементы видоизменяются в соответствии с изменениями в самом носителе или в групповом сознании. И наконец, еще одной важной характеристикой понятия имидж является его *активность*, т.к. он способен воздействовать на сознание, эмоции, деятельности и поступки целых групп, обладая определённой манипулятивной функцией. Имидж передает как естественные или стереотипные, так и специально сформированные (обладающие манипулятивной функцией) свойства личности. В контексте коммуникативного подхода имидж рассматривается, как модель поведения человека, которая создается для каждой отдельной коммуникативной ситуации и работает на достижение коммуникативной цели. Достижение этой коммуникативной цели и её эффективность являются маркером успеха специально сформированного имиджа. И с другой стороны, имидж-стратегии стереотипны, так как в той или иной ситуации неосознанно используются шаблоны, внедренные СМИ, затем эти шаблоны активно используются молодым поколением, что является признаком естественного или стереотипного имиджа. Возрастающая роль современных форм коммуникации у молодого поколения (социальные сети, чаты, SMS-сообщения) диктует повышенные требования к формированию самого имиджа, который становится полноценным информационным продуктом. Разнообразие форм речевого общения в виртуальном пространстве порождает разнообразие имиджевых манифестаций в языке. Имиджевая манифестация в языке – это знаковая система, включающая в себя языковые маркеры, которые присущи определённой социальной группе. Одним из таких ярких имиджевых манифестаций в молодёжном языке становится престиж.

Молодое поколение, стремясь занять стойкую позицию в столь динамичном обществе, безусловно, стремится к престижу. *Престиж* – это движение от «Я-реального» к «Я-идеальному», желание самореализоваться и хотя бы иллюзорно приобщиться к закрытой для взрослого поколения молодёжной субкультуре [4]. Данное приобщение к закрытой группе реализуется через усвоение индивидуумом престижных оценок данной группы, которые оформляются в ходе сотрудничества с другими представителями группы. Необходимо отметить, что функции престижа являлись предметом изучения как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях [7:48]. Каковы же основные функции престижа в речевом общении молодёжи? Функции престижа необходимо рассматривать как отражение его основных атрибутивных признаков, которые взаимосвязаны между собой. В рамках настоящей статьи мы остановимся только на тех функциях, которые являются актуальными именно для речевого общения молодёжи в виртуальной коммуникации. Языковая личность молодёжной виртуальной коммуникации взаимодействует с представителями своей группы посредством самостоятельно создаваемых текстов. Материалом исследования являются тексты молодёжных немецкоязычных ЧАТов и SMS-сообщений, которые создаются молодыми коммуникантами. В самих же молодёжных виртуальных текстах все атрибутивные характеристики престижа объединяются в понятие речевой имидж, который основывается на знании правил сетевого этикета и правил общения в молодёжной среде. Основными атрибутивными признаками престижа являются:

- *стимулирующая функция оценивания* виртуального молодёжного общения. Данный признак стимуляции престижа представляет собой общественно одобряемую

ценность. Престиж стимулирует коммуникантов к таким речевым действиям, которые подтверждают желание участников общения соответствовать необходимым требованиям данной группы. Участники речевого общения награждаются другими коммуникантами в ходе общения вербальным признанием их соответствия эталонам, критериям, ценностям данной социальной группы. Так, например, в ходе чат-общения молодые пользователи чат-программ в Германии используют различные формы языковой игры, которые позволяют коммуникантам реализовать свое желание создать новое, креативное высказывание, выражение, которое будет оценено другими участниками по коммуникативному взаимодействию («*tschöööö*» - пока; «*hoppeldihopp*» - в темпе, мигом; «*okidoki*» - пока, пока; «*depriletto*» - быть в плохом настроении, быть абсолютно истощённым; «*hakuna matata*» - нет проблем, всё в порядке и др.). Кроме того, стимулирующая функция престижа маркируется посредством подмены известного значения лексемы другим значением, т.е. создание полисемии («*Zahn/ Keule*» - девушка/ женщина; «*Stoff*» - наркотик), восклицательных предложений («*Ne, ne, Splitte!! Glick, Gluck!! Durscht! Heh?!*»), эллиптических конструкций («*Bin superattraktiv!*» - (я) суператтрактивен!; «*Normal, oder was!?*» - нормально или что?), эмоционально-окрашенной лексики («*boah ey!*» - восклицание удивления; «*fett*» - хорошо, здорово; «*krass*» - классный, супер).

• *функция защитной дистанции* базируется на основе сопоставления значимости отдельных коммуникантов, оценки и ранжирования. Значение престижа дистанцирует статус коммуникантов молодёжной группы от других возможных групп. При этом престиж объединяет людей внутри одной группы по образу жизнедеятельности, характерным моделям поведения, символам, способствуя становлению элементов престижной идентификации и дистанцирует от представителей других групп, которые не соответствуют ожиданиям. Престиж регулирует деятельность людей в социуме, являясь катализатором социальной мобильности. Данный признак защитной дистанции выражается в использовании лексем, которые указывают на восприятие молодыми коммуникантами людей и объектов как старомодные отжившие свой век («*Ötzi*» - предки, стариканы от ледяной мумии человека эпохи халколита, обнаруженной в 1991 г. в тирольских Альпах). Данный признак престижа как защитной дистанции объясняется чрезмерным желанием взрослых войти в «круг своих» у молодёжи. Так, часто англицизмы, заимствованные из сферы музыки или средств массовой информации, часто выполняют функцию защитной дистанции («*chillen*» - расслабиться; «*abloosen*» - не оправдать ожиданий; «*fooden*» - кушать; «*coole Sache*» - классная, стоящая вещь).

• *функция символического опознания*. В условиях динамично развивающегося общества возрастает значение символов престижа. Символы, выполняя знаково-информационную роль, являются средством ориентировки человека в его многочисленных контактах. Кроме того, символы дают возможность личности самовыразиться в контексте представлений о своей личности ценности и идентификации. Отсюда, обязательным атрибутом молодёжного сленга являются новизна, выразительность и оригинальность, где престиж всё более оформляется в символы. Данные символы играют важную роль в поддержании, обозначении границ в данной группе. Создание символов для участников одной коммуникативной группы – это важный момент для конструирования успешного коммуникативного взаимодействия всех участников общения. Такими символами престижа выступают средства языковой экономии – лексические сокращения, аббревиатуры, которые понятны только лицам, принадлежащим к данной молодёжной группе («*Stino*» - нормальный обычный человек; «*Spezi*» - друг, кореш; «*bb/ bis bald*» - до скорого; «*akla/ alles klar?*» - все понятно; «*Kk/ Kein Kommentar!*» - без комментариев). Следует заключить, что на ценности, которые репрезентируются в речевом общении молодёжи,

подвержены варьированию по шкале «престижно/ непрестижно» и проявляются, в частности, в том, какие лексические единицы наиболее популярны среди немецкой молодежи. Критерии оценивания и уровень престижа обусловлены принятой в группе системе ценностей. Система престижных оценок не является неизменной. Она подвержена трансформациям в зависимости от того, какие изменения происходят в обществе, экономике и политике. В результате вполне закономерен процесс, когда могут возникать новые критерии престижа при одновременном существовании прежних.

Отметим, что значение престижа возрастает в связи с интенсивным развитием виртуальной коммуникации. Такое стремительное развитие информационного пространства значительно влияет на виртуализацию престижа, который существует в нескольких реальностях. В результате одновременно могут сосуществовать константный и виртуальный престиж. При этом виртуальный престиж функционирует как имидж престижной личности, вновь возникший в результате успешного коммуникативного взаимодействия. Создание положительного имиджа в виртуальной коммуникации в молодежной среде обеспечивается соответствием атрибутивным признакам престижа: стимулирующему оцениванию партнёров по коммуникативному взаимодействию, установлению защитной дистанции с представителями других групп, а также созданию символов для опознания «своих/ чужих».

Литература

1. Ашнин, Е.С. Метафорическая репрезентация ментальных операций субъекта в языке немецкой молодежи [Текст]/Е.С. Ашнин//Вестник Волгоградского Государственного Университета. Серия 2, Языкознание. – Волгоград, 2015. № 1(25). – С.125-133
2. Гарцуева, О.А. Особенности речевой коммуникации современной молодежи [Текст]/О.А. Гарцуева// Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований». – Издат-во: Институт решения проблем российской государственности на Северном Кавказе, 2011. Выпуск 3. – С.156-162.
3. Жаркова, Т.И. Сленг современной немецкой молодежи как средство развития коммуникативной компетенции студентов. URL: <http://festival.1september.ru/articles/500187/> [Дата обращения: 15.02.2016]
4. Комлева, В.В. Престиж как явление духовной жизни общества [Текст]/В.В. Комлева//Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2000. - №4. – С. 26-32
5. Михальченко, В.Л. Коммуникационная стратегия PR: бренд, имидж, репутация [Текст]/В.Л. Михальченко//Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. – Москва, 2010. - № 4. – С. 207-218
6. Полехина, Е.А. Молодежный жаргон как объект лингвистического исследования [Текст]/Е.А. Полехина// Вестник Волгоградского университета. Серия 2. Языкознание. – Волгоград, 2012. - № 1 (15). – С. 180-184.
7. Степанов, О.В. Престиж личности [Текст]/О.В. Степанов – М.: Социально-гуманитарные знания, 2003. – 216 с.
8. Gross Nicola. Strukturen der heutigen Jugendsprache. Eine soziolinguistische Untersuchung. URL: <http://www.grin.com/de/e-book/50/strukturen-der-heutigen-jugendsprache-eine-soziolinguistische-untersuchung> [Дата обращения: 15.02.2016]
9. Eva Neuland. Jugendsprache und Standardsprache. Zum Wechselverhältnis von Stilwandel und Sprachwandel II//Zeitschrift für Germanistik, Neue Folge 1, 1994. pp. 78-98

References

1. Ashnin E.S. Metaphorical representation of mental activity of a subject in the language of the German youth. Herald of the Volgograd State University. Part 2, Linguistics. Volgograd, 2015. no.1 (25), pp. 125-133
2. Gartsueva O.A. Characteristics of speech communication of the today's youth. Scientific-theoretical journal "Scientific problems of the humanitarian research. Publishing house: Institute of solving the problems of Russian statehood in the North Caucasus. 2011. no.3, pp. 156-162
3. Zharkova T.I. Slang of today's German youth as a method of developing communicative competence of students. URL: <http://festival.1september.ru/articles/500187/> (access: 15.02.2016)
4. Komleva V.V. Prestige as a fact of spiritual life of the society. Herald of the Tambov University. Part: Humanities. Tambov, 2000. no.4. pp. 26-32.
5. Mikhilchenko V.L. Communicative strategy PR: brand, image, reputation. Herald of the Moscow University. Part 10. Journalism. Moscow, 2010. no.4, pp. 207-218
6. Polekhina E.A. The youth slang as an object of linguistics research. Herald of the Volgograd University. Part 2. Linguistics. Volgograd, 2012. no.1 (15), pp. 180-184
7. Stepanov O.V. Prestige of the individual. Moscow: SHK Publ., 2003.
8. Gross Nicola. Strukturen der heutigen Jugendsprache. Eine soziolinguistische Untersuchung. URL: <http://www.grin.com/de/e-book/50/strukturen-der-heutigen-jugendsprache-eine-soziolinguistische-untersuchung> [access: 15.02.2016]
9. Eva Neuland. Jugendsprache und Standardsprache. Zum Wechselverhältnis von Stilwandel und Sprachwandel II. Zeitschrift für Germanistik, Neue Folge 1, 1994. pp78-98

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНАХ ДЖОНА ГРИНА

К.С. Дементьева, Ю.А. Гаврикова

ksuha-dementeva@yandex.ru, y.a_gavrikova@mail.ru

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина –
Кафедра теории и практики иностранных языков и лингводидактики

Данная статья посвящена особенностям перевода окказиональных единиц в художественном тексте на материале романов Джона Грина «Многочисленные Катерины» и «Винноваты звезды». Авторами были рассмотрены основные характеристики окказионализмов и трудности, возникающие при их переводе, и подчеркнута актуальность исследуемого вопроса. Наиболее частыми стратегиями перевода в анализируемом материале оказались описательный метод и прием калькирования.

Ключевые слова: окказионализм, словотворчество, перевод, описательный перевод, калькирование.

THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF NONCE WORDS FROM NOVELS BY JOHN GREEN

K.S. Dementyeva, Y.A. Gavrikova

ksuha-dementeva@yandex.ru, y.a_gavrikova@mail.ru

Minin State Pedagogical University of Nizhny Novgorod –
The Department of foreign languages theory and practice and linguodidactics

The article is devoted to the peculiarities of occasional words translation in fiction on the basis of novels “An Abundance of Katherines” and “The fault in our stars” by John Green. The authors examined the basic characteristics of occasional words and underlined the relevance of the investigated issue. Descriptive and loan translations turned out to be the most frequent in the analyzed material.

Key words: occasional word, nonce word, translation, loan translation, descriptive translation.

На современном этапе развития языка его словарный состав подвергается постоянным изменениям: одни слова выходят из употребления, теряя свою актуальность, а другие появляются для обозначения новых явлений и предметов. Однако существуют еще и такие лексические единицы, которые не становятся общеупотребительными, а функционируют лишь в рамках определенной речевой ситуации. Такие слова называют окказионализмами. Подобные лексемы также называют авторскими неологизмами, возникающими в контексте произведения по существующим словообразовательным моделям или с их нарушением, с целью повышения экспрессивности и эмоциональности высказывания. Подобные лексические единицы, как правило, привлекают внимание читателя своей необычной словоформой, оказывая влияние на восприятие сюжета и характеров героев. При чтении аутентичного текста на иностранном языке читатель самостоятельно интерпретирует значение того или иного окказионализма, полагаясь на языковую догадку и особенности сюжетной линии. Каждый читатель может уловить смысл авторского неологизма по-своему. Тем не менее, если перед нами стоит задача перевода окказионализмов с английского на русский, то возникают определенные трудности. Необычность и неузнаваемость окказиональных единиц, а также типологические различия в системах двух языков осложняют поиски наиболее оптимального варианта перевода, который бы позволил точно донести мысль автора без потери выразительности и художественности текста. Кроме того, перевод окказиональной лексики требует сохранения стилистических особенностей произведения и точности образа, созданного писателем [3, с. 196]. Абсолютная новизна, уникальность, высокая степень выразительности индивидуально-авторских неологизмов, их творимость и одноразовость употребления обуславливают сложность выбора подходящей стратегии перевода.

Актуальность данной проблемы подтверждается тем, что в художественных произведениях все чаще встречаются продукты авторской лингвокреативности в виде окказиональных слов и конструкций, относящихся к разряду труднопереводимой лексики. Выявление и анализ различных способов перевода подобных лексем в дальнейшем облегчают перевод иноязычной литературы.

Целью данного исследования является анализ особенностей перевода окказиональных лексем в двух романах современного американского писателя Джона Грина: “An Abundance of Katherines” («Многочисленные Катерины») и “The Fault in Our Stars” («Виноваты звезды») в переводе В. А. Зайцева и О.А. Мышаковой соответственно.

Следует отметить, что перевод продуктов индивидуально-авторского словотворчества проходит в несколько этапов. Во-первых, переводчику необходимо проанализировать структурную и семантическую сторону окказионализма. Во-вторых, определить, что хотел сказать автор, создавая данное слово. Только после этого он переходит к третьему этапу – непосредственно переводу авторского неологизма с одного языка на другой. При осуществлении перевода особую важность имеют фоновые и лингвистические знания переводчика, поскольку ему необходимо воссоздать картину произведения, правильно трактуя окказиональные новообразования автора. Некорректная интерпретация может привести к искажению смысла и ложным характеристикам героев. Переводчику необходимо проникнуть в замысел писателя с

целью создать нужное эмоциональное и эстетическое впечатление. При анализе материала было выявлено, что одним из наиболее частых способов перевода окказиональной лексики оказался *описательный*. Из-за невозможности подобрать соответствующий эквивалент в языке перевода переводчики прибегают к описательным конструкциям, которые передают значение окказионального слова. При данном способе переводчик объясняет смысл окказионализма с помощью узуальной лексики. Описательный способ перевода иллюстрируют следующие примеры:

“I had ridiculously fat chipmunked cheeks, a side effect of treatment” [5]. «Щеки у меня, не поверите, как у хомяка, — побочный эффект стероидов» [1].

“I was a fairly shy person – not the hand-raising type” [5]. «Я очень замкнутая, не из тех, кто первым тянет руку» [1].

“No problem. We’ll vegetarianize some,” she said” [5]. «Нет проблем, сделаем несколько блинчиков вегетарианскими, — сказала она» [1].

“Colin walked softly past her, and thought to add “muumuu” to his mental list of unanagrammable words” [4]. «Колин осторожно прошел мимо, мысленно добавив «халат» в список слов, для которых анаграмму подыскать невозможно» [2].

Несмотря на то, что описательный метод является достаточно легким и доступным в применении, у него есть существенный недостаток, заключающийся в том, что полученная переводческая трансформация не отличается от общеупотребительных лексем, а, следовательно, не передает оригинальность и экспрессивность исходного индивидуально-авторского неологизма. Не менее популярным можно назвать способ *калькирования*. Он предполагает сохранение внешней формы и внутреннего содержания окказиональной единицы путем буквального перевода её составных частей. Полученный эквивалент чаще всего достаточно точен, так как адекватно передает смысл лексемы без потери необычности словоформы:

“I told Mom I wanted to call Augustus to get her out of the room, because I couldn’t handle her I-can’t-make-my-daughter’s-dreams-come-true sad face” [5]. «Мне хотелось, чтобы она вышла из комнаты, потому что я не могла видеть ее опечаленное лицо «я не могу исполнить мечту своей дочери» [1].

В данном случае переводчик заключает часть авторского неологизма в кавычки, для того, чтобы акцентировать на нем внимание читателя. Хотя в этом примере переводчик не передает форму синтаксического сложного слова, смысл фразы не искажается. По такому же образцу были переведены сложные окказионализмы, выполняющие атрибутивную функцию, в следующих примерах:

“...but I wasn’t allowed to check it because we have a strict no-phones-during-dinner rule” [5]. «Мне не позволили кинуться отвечать, потому что у нас в семье строгое правило — «никаких звонков во время ужина» [1].

“It featured a sentence-to-corpse ratio of nearly 1:1, and I tore through it without ever looking up” [5]. «Соотношение трупов и предложений в этой книжке было приблизительно один к одному, и я продиралась сквозь текст, не отрываясь» [1].

“And then The Other Colin (TOC) and Jeans Are Too Tight (JATT) and Short One Chewing Tobacco (SOCT) and Katrina were all abuzz, talking and laughing and asking Lindsey questions” [4]. «Другой Колин (ДК), Джинсы Слишком Узки (ДСУ), Коротышка, Жующий Табак (КЖТ) и Катрина пооткрывали рты» [2].

Полученные окказиональные аббревиатуры представляют собой точные эквиваленты оригиналов.

В некоторых случаях переводчики не считают первостепенным включать окказионализм в перевод фразы. Такой прием носит название *опущения*. Обратимся к следующим примерам:

“Eighteen out of nineteen Katherines worked, but this utterly insignificant blip on the Katherinadar came out looking like a jacked-up smiley face every time” [4]. «С восемнадцатью из девятнадцати Катерин все было в полном порядке, но в случае с третьей Катериной, которая на фоне других играла совсем уж незначительную роль, почему-то каждый раз получался издевательски ухмыляющийся график» [2].

“Those hours of unsleepthroughable loudness allowed him ample time to wonder about everything from when Katherine last thought of him to the number of grammatically correct anagrams of rooster” [4]. «Спать было невозможно, и у Колина образовалось достаточно времени, чтобы подумать обо всем на свете: от Катерины (ему хотелось бы знать, когда она в последний раз вспоминала о нем) до количества грамматически правильных анаграмм слова «Кукареку» [2].

В вышеперечисленных примерах переводчик решил, что для передачи основного смысла предложения нет необходимости сохранять окказионализмы, использующиеся в оригинальной версии. При таком способе предложение на русском языке несколько уступает исходному варианту в степени выразительности. При отсутствии точного эквивалента в языке перевода переводчики иногда применяют такой способ, как **функциональная замена**. В этом случае переводчик ищет замену, которая была бы сходна по семантике и эмоциональной окраске:

“I kissed Katrina,” Hassan said. And then Colin put his pencil down and turned around in his chair and said, “You whated who?” “Whated isn’t a word,” mimicked Hassan” [4]. «Я поцеловал Катрину», – сказал Гассан. Колин отложил карандаш. «Ты поцело...чё? Кого?» «Нет такого слова: «чё», – передразнил его Гассан [2].

В языке оригинала окказиональная лексема образована с помощью конверсии: автор сделал вопросительное слово “what” глаголом. Действительно, полученную лексическую единицу практически невозможно перевести буквально, поэтому переводчик предпочел заменить его словом “че” – разговорной формой вопросительного местоимения “что”. Несмотря на принадлежность данного слова к другой части речи, оно достаточно экспрессивно ввиду своей стилистической принадлежности.

Транслитерация и **транскрипция** как способы перевода индивидуально-авторских новообразований подразумевают передачу графической или звуковой формы окказионализма. В анализируемых произведениях транскрипция и транслитерация не представлены в чистом виде. Однако следующий пример может служить иллюстрацией смешанного типа перевода, включающего в себя сочетание транскрипции части существительного и добавления к нему подходящего по смыслу суффикса:

“Your sitzpinkling disgusts me,” Hassan said, but he gave the Hearses some extra gas and shot past the exit” [4]. «Твое зитцпинклерство отвратительно», – сказал Гассан, но все же поддал газу и проехал поворот» [2].

Заметим, что значение данного новообразования довольно сложно интерпретировать, поскольку оно является заимствованием из немецкого. Читатель должен обладать необходимыми лингвистическими знаниями, чтобы правильно понять семантику окказионализма, означающего постыдное для представителя мужского пола поведение. Наконец, проиллюстрируем пример **создания собственного окказионализма** на основе авторского:

“But enough about me. What is new in the Hazel-verse?” [5] «Но хватит обо мне. Что нового в Хейзелграде?» [1]

Переводчик заменил вторую часть окказионализма (часть слова “universe”, образованного с помощью афезы) на слово “град”. Данный пример отражает словотворческую деятельность переводчика в ходе адаптации окказионализма на русский язык.

На основе анализа материала можно сделать вывод о том, что преобладающими приемами перевода в нем являются описательный и калькированный переводы. Наименее частым оказался прием транскрипции. Кроме того, были отмечены случаи применения функциональной замены, опущения и создания собственных окказионализмов.

Литература

1. Грин, Дж. Виноваты звезды [Текст]/ Дж. Грин. - М.: РИПОЛ классик, 2014.
2. Грин, Дж. Многочисленные Катерины [Текст]/ Дж. Грин. - М.: РИПОЛ классик, 2015.
3. Смирнова, Е. А. Способы и стратегии перевода авторских окказионализмов на примере романа Дж.К. Роулинг 'Гарри Поттер и дары смерти'/Е. А. Смирнова, А. А. Кузнецова// Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2013. - №3 (21): в 2-х ч. Ч. II. - С. 196-199.
4. Green, J. An Abundance of Katherines. – New York: Dutton books, 2006.
5. Green, J. The fault in our stars. – New York: Dutton books, 2012.

References

1. Grin J., The Fault in Our Stars. New York, Dutton Books, 2012. 313p. (Russ. ed.: Grin J., Vinovaty zvezdy. Moscow, RIPOL classic Publ, 2014. 288p.).
2. Grin, J. An Abundance of Katherines. New York, Dutton Books, 2006. 256p. (Grin, J. Mnogochislennye Kateriny. Moscow, RIPOL classic Publ, 2015. 256p.).
3. Smirnova E. A., Kuznetsova A. A. Ways and strategies for author's occasional words translation by the example of novel "Harry Potter and the Deathly Hallows" by J. K. Rowling. Filologicheskie nauki Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory and practice], 2013, no.3, pp. 196-199.
4. Green, J. An Abundance of Katherines. New York, Dutton books, 2006. 256p.
5. Green, J. The fault in our stars. New York, Dutton books, 2012. 288p.

УДК 80

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНЕНИЯ И ОЦЕНИВАНИЯ («КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ») В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ЭКОНОМИСТАМ В ВУЗЕ РФ

А.В. Долгополов

marystrip@mail.ru

Санкт-Петербургский Политехнический институт имени Петра Великого, институт
Международных Образовательных программ

Исследуется явление сравнения и оценки качеств и свойств предметов, состояний предметов, событий и процессов (компарации). Применяется лингвистический подход в описании синтаксических единиц речи экономистов, которые сравнивают одни ситуации с другими, оценивают те или иные факты и события экономики. Глубокий анализ мыслительных операций по сравнению и оцениванию ситуаций, имеющих место быть в экономике, проводится (реализуется) на материале русского языка. Анализируются также и антонимы и формы выражения компаративных конструкций на синтаксической основе (базе). В конце статьи подводятся итоги (выводы) наблюдений и дается информация об

актуальности и необходимости изучения сравнения и оценки в процессе преподавания русского языка как иностранного в российском техническом вузе.

Ключевые слова: сравнительные конструкции, сравнение, оценивание, оценка, антонимы, компаратив, компарация, компаративная конструкция, антонимия, дихотомия, оппозитивность, адъективность, синтаксическая единица (синтаксема), лексика, значение, параметры анализа, маркирование, семантика, лингвистика.

LINGUISTIC ANALYSIS OF SYNTACTIC CONSTRUCTIONS WITH THE MEANING OF COMPARISON AND EVALUATION (THE "COMPARATIVE STRUCTURES") IN THE COURSE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE FOR ECONOMISTS IN A UNIVERSITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dolgoplov A.V.

marystrip@mail.ru

St. Petersburg state Polytechnic University named after Peter the Great
Institute of International Educational Programs

The article examines equalization and assessment of the qualities and properties of objects, states of objects, events and processes (called comparison/comparison in the article). It applies linguistic approach in describing the syntactic units in the speech of economists, which compare one situation with others, assess certain facts and events in the economy. In-depth analysis of mental operations in comparison and evaluation of situations in the economy has been carried out (implemented) on the base of the Russian language material. Examples of usage of studied (analyzed) comparative and evaluative statements (syntaxemes) in speech have been given. The results (conclusions) of the observations have been summarized. Relevance and necessity of studying of constructions of comparison and evaluation in the course of teaching Russian as a foreign language in Russian technical universities has been outlined in the end of the article.

Key words: comparative construction, comparison, evaluation, assessment, antonym, comparative, comparison, comparative construction, antonyms, oppositivity, dichotomy, adjectival, syntactical unit (syntaxeme), lexis, meaning, analysis parameter, marking, semantics, linguistics.

При изучении русского языка как иностранного актуальным признается преподавание речевых способов организации живой речи, содержащей внутри себя семантику сравнения (компарации). Необходимо обучать всем видам построения речевого целого, чтобы студенты умели воспринимать и правильно использовали в общении речевые обороты, содержащие в себе сравнительные конструкции и степени сравнения, а также местоименно-соотносительные сложноподчиненные предложения.

Традиционным считается обучение употреблению компаративных синтаксических структур, когда начинают изучать сначала простую и составную сравнительную степень прилагательных и наречий, а затем переходят к преподаванию способов построения и использования местоименно-соотносительных предложений [1]. Стоит сделать акцент на формировании мыслительных навыков по формированию грамматических умений составлять и отправлять коммуникативные акты, состоящие из компаративных структур и знаков. Обучение использованию компаративных синтаксем осуществляется на основе анализа мыслительных и логических операций, состоящих в вербализации процессов и результатов сравнения двух и более объектов анализа [5]. Мы считаем, что обучение экономистов и инженеров заключается в постоянном исследовании трансформаций и различных причинно-следственных изменений картины мира, поэтому сравнение как метод измерений и анализа объектов материального и духовного миров является базовым [2]. Привитие умений и навыков по формированию компаративных синтаксических структур должно включать в себя широкий спектр и богатую палитру средств выражения (экспликации) сравнения в ходе

изучения языковой системы русского языка [14]. В процессе анализа компарации и оценивания (сравнивания и аксиологии) мы обязаны следовать лингвистической традиции обосновывать свои гипотезы и предположения относительно лексических и грамматических явлений с помощью обращения к философии и логике [7]. В связи с этим при анализе любых семантических явлений, связанных с использованием лексики, стоит всегда затрагивать вопросы лингвистики [10].

Проблема изучения сравнивания и оценивания сводится к тому, что говорящий направляет свою мысль на противоположные категории мышления, опирающиеся на дифференциацию фактов картины мира [5]. Подобные категории содержатся в фактах употребления антиномии как средства построения лексических единиц текста [10]. Без изучения и учета антонимов невозможно правильно и адекватно понять любое сравнение или любое оценивание. Глубинная эмоциональность и экспрессия пронизывают многозначную лексику русского языка, показывая ее широкие возможности и способности по выражению противоположных логических категорий мышления. Антонимы, таким образом, насыщают речь и обогащают текстовую структуру речевого сообщения [16]. Антонимы выражают противоположные значения или в виде контрарной оппозиции свойств, или в виде качеств предмета, или в форме комплементарной дихотомии явлений картины мира [18]. Антонимы в зависимости от выражаемого типа противоположности подразделяются на контрарные и комплементарные, а также на принадлежащие к области энантосемии [12]. Логическая противопоставленность антонимов базируется на выделении какого-то особого ядерного или периферийного смыслового параметра или индекса, с помощью которого два полярных и ограниченных своими пределами понятия могут быть направлены как в прямую, так и в обратную сторону движения положительного или отрицательного содержания вектора выражения значений [9]. Направленность действий или свойств предметов и лиц формирует вектор движения качеств и свойств в двух логических областях – они имеют бинарное содержание в реальной картине мира (двучленность семантики явно выражается и может быть представлена наглядно в физическом, химическом, графическом, чувственном или мыслительном виде). Один определенный тип значений, центральный семантический признак или всеобъемлющий смысл становятся логическим конструктором для создания шкалы противопоставления на лексическом и семиотическом уровне формирования информационной единицы текста [12]. Внутри единой сущности или внутри целостного поля значений любого рода и любого содержания существует два вектора или два полюса – два предела выражения значения. Типовая семантика данной целостной смысловой области или сферы включает в себя две – а иногда и три – единицы противопоставления [13]. Будучи категорией лексико-семантической системы любого языка (а мы изучаем русский язык с его богатой парадигмой антонимов), антонимия представляет собой особую языковую **универсалию**, базирующуюся на дихотомии и оппозиционности смысловых значений, свойственную логическому мышлению в ситуации выяснения пределов или обратных значений [3]. Дифференциация явлений картины мира и дифференциация свойств и признаков предметов и лиц, процессов и событий мотивируют и обуславливают появление антиномии как таковой [5]. Формирование понятий об отличиях и отсутствии сходства и тождества реализуется в мышлении и вербализуется в разведении и противопоставлении особых логических категорий на основе выделения общих (единых) логических параметров и индексов. Маркированием антонимии в речи является использование антонимов на синтагматической оси текстоорождения. Приведем примеры антонимов, употребляемых внутри сравнительных оборотов речи, в компаративных и оценочных суждениях и высказываниях:

1. Это более легкий и правильный путь решения экономических проблем, более затратный, чем предыдущие реформы, однако и менее популярный, трудный, но и быстрый, в отличие от более долгих неоправданных путей развития экономики».

2. «Чем более мы стараемся сделать экономику хорошей и удобной для потребителя, тем более понимаем, что для потребителя нищего и бедного всякая экономика будет плохой и неудобной».

3. « По сравнению с выгодной и дорогой политикой повышения цен и стоимости товаров и услуг за счет потребительского кошелька, существуют и другие, менее прибыльные и дешевые тенденции и направления в экономических теориях».

4. «По мере того как вырастает до огромных размеров потребность в приобретении большого количества товаров, покупательная способность падает до наименьших пределов, и купить становится возможно только самое необходимое».

Мыслительные операции и процессы, возникающие в ходе сравнения:

1. Использование антиномии двух и более дивергентных латентных объектов (дихотомичных оппозитивов) основной принцип образования мыслительных механизмов сравнения и оценки. Противопоставление двух разных родственных категорий, отличающихся индексом (положительное или отрицательное), - это и есть основа сопоставления и сравнения (оценивания).

2. Определение (детерминация) движения объема и модусного вектора признаков, свойств и характеристик двух и более объектов при сравнении является целью и задачей всякого исследователя, который стремится сравнивать и оценивать что-либо. Всякое свойство предмета (объекта анализа) понимается не стабильным, а движущимся, латентным и диффузным. Это движение можно визуализировать в графиках и схемах.

3. Градационные способы передачи трансформации характеристик и свойств, признаков двух или более объектов (указание на степень и уровень изменений) - это методы описания происходящих процессов в какой-либо динамично развивающейся системе (экономике).

4. Выявление общих (единых) и однородных оснований (мотивов) причин, а также определение свойств и характеристик при сравнении - это поиск каузативных зависимостей, на основе которых возникает сам механизм сравнения чего-либо или оценки.

5. Одновременность (одномоментность) и общая каузативная связанность и зависимость (когерентность) процессов, характеризующих движение свойств и качеств - это признак и характеристика процессов сравнения и оценивания.

6. Аттракция или резонансность (возвращение в исходное состояние и движение вперед) считается внутренним движением в мышлении человека, возвращающегося в своих ассоциациях к хранящимся в его памяти блокам информации об исходном состоянии объекта анализа. Колебание от одной границы качества до другой границы - и наоборот, а также параллелизм изменений: это логическая структура построения синтаксических единиц, вербализующих механизм сравнения или оценки («Чем выше поднимается покупательная способность, тем выше становится спрос на товары» и «Чем быстрее цена опускается до своих нижних границ, тем скорее повышается спрос до своих верхних границ»).

7. Координация взаимозависимых и взаимосвязанных качеств при сравнении и оценивании ситуаций - это влияние одних процессов на другие и одних результатов на другие - обычно это можно наблюдать в правой и левой частях высказывания. Подобные синтаксемы мы способны видоизменить в сложноподчиненные предложения с условными придаточными (с союзом «если...то»).

8. Взаимная параллельность трансформаций из-за двунаправленной волновой каузативности (причинном изменении свойств объектов) говорит о том, что общая каузация и общая темпоральность приводит к единым изменениям, обладающим изоморфизмом и конвергентностью.

9. Интерференция инвенций – это свойство данных механизмов мышления и речи. Совпадение и наложение бинарных оппозитивных качеств в их совместном движении внутри замкнутого пути и пространства (параметральной среды изменений) приводит к явным результатам - следствиям. Явление «туда - сюда» и явление «туда - обратно» очень наглядно показывает линии трансформаций одних синтаксем в другие (это часто используют методисты при составлении упражнений по развитию грамматических навыков).

10. Регресс и прогресс в динамике трансформаций признаются векторами мышления и речеобразования. Они формируют положительные и отрицательные направления движения свойств и качеств какого-либо объекта анализа.

11. Соотносимость в сравнении – это закономерность и правило соположения сравниваемых и оцениваемых явлений. Изоморфность (уподобление и сходство, приобретение сходства при объединении процессов трансформаций).

12. Векторный модус управляет созданием мыслительной модели высказывания, и размещением лексико-грамматических элементов в цепи вербальных знаков выражения компаративной и оценочной семантики. Гипербола и литота в экспликативном движении - это направление движения свойств по убывающей и по нарастающей линии (преувеличение и преуменьшение). Бинарный Хиазм (перекрещивание свойств при объединении внутри одной информационной единицы).

13. Закон перехода движения в энергию и закон сообщающихся сосудов в физике изоморфен законам порождения подобной компаративной семантики. Перетекание и становление (динамическая дескрипция) свойств и признаков объектов анализа могут быть даже отображены на схемах и графиках. Это происходит благодаря взаимному влиянию и взаимной зависимости одних процессов и результатов от других («По мере того как предложение на рынке товаров возрастает, потребность в приобретении может также увеличиваться, а цены могут также подниматься до самого высокого уровня»).

14. Траектория бинарных изменений по шкале анализа – это и есть параметральные изменения. Синусоида котрансформаций - это совместное изменение по волновой линии модусного вектора (то есть ориентира изменений). Это явление можно назвать – уан-тайм (от английского –one-time) или ресипрокементность (от французского – reciproquement).

ИСЧИСЛЯЕМОСТЬ как категория, на основе которой проходит параметральный анализ каузативных изменений (изменений свойств и качеств двух и более объектов), формирует основы для анализа любых содержательных элементов и их изменений внутри исследуемого объекта.

В ходе осуществления анализа объектов в процессе языкового мышления происходит реализация категорий исчисляемости и параметрального анализа. Это происходит при выявлении размера, объема, формы, уровня, градации наблюдаемых в физическом и психическом мирах процессов.

Число, объем, размер, скорость, степень, уровень, стадия, форма, вид, градус, вектор, и другие категории (цвет, энергия, возраст, цена, температура и т.п.) участвуют в образовании области и сферы причинно-следственных изменений временного рода, что усугубляет параметральный анализ введением в него категорий математики и физики, химии и других наук о природе [3]. Идея математического исчисления обуславливает точный категориальный анализ на основе эксплицитных параметров каузативных изменений каких-либо качеств, свойств, признаков двух и более объектов

при сравнении. Компаративный анализ вербализуется и формализуется за счет грамматических и синтаксических маркеров, с лексическим наполнением, которое свидетельствует о принадлежности и к исчисляемым категориальным понятиям (аналитической семантике движения при изменении качеств во времени). Темпоральность в этом случае способствует раскрытию параметрально исчисляемой семантики в языке и речи [4]. Двойная каузативность состоит из двух средств и инструментов анализа:

1. на основе чего ведется анализ (базовые категории);
2. с помощью чего происходит анализ: благодаря каким каузативным и темпоральным категориям реализуется исчисление движения качеств.

В этом случае мы наблюдаем каузативное ядро и каузативную оболочку при сравнении или компарации объектов действительности или мышления. Тройная каузация появляется в ситуации, когда в анализ и размышление над изменением качеств и свойств объектов, оппозитивов и дивергентов привносится новая категория «следствия», то есть результата наблюдаемых и анализируемых процессов. Это явление мы называем анализом консекентности (от французского – consequence). Новые свойства компаратива как мыслительного механизма, зависящего от способностей индивида к анализу и от его языкового уровня владения всеми формами выражения смысла в вербальной форме, - это психологические свойства речепорождения [6]. Пластичность, волнообразность трансформаций свойств каких-либо объектов анализа начинает приобретать конкретное языковое выражение, если говорящий и слушающий знают способы и методы формализации подобных признаков и характеристик объектов в звучащей и письменной речи в соответствии с правилами вербализации данного языка как системы.

Необходимо отметить также тот факт, что категория роста и падения (подъема и уменьшения) чрезвычайно важна и актуальна для образования компаратива в сознании коммуникантов. Знание о том, что все явления движутся в прогрессивном и регрессивном направлении, включается нами в ядерные каузативные механизмы мышления, которые становятся базой и причиной появления самого факта сравнения на логическом уровне [7]. Какие-то качества увеличиваются во времени, какие-то уменьшаются из-за определенных факторов или причин. В связи с этим анализ факторов и последствий также относится к одному из этапов порождения компаратива. Двойная и тройная каузаивность как универсальные инструменты языкового мышления и речи объединяют внутри себя анализ выше названных факторов, так как необходимо уяснить не только причины происходящих событий и процессов, но и определить прогнозируемые следствия и сопутствующие мотивы параметральных изменений. Трансформация начинает анализироваться уже с точки зрения прагматики, полезности или бесполезности, если мы говорим о явлениях социально значимых для человека в частности или общества в целом [2].

В русском языке подчинительные синтаксические конструкции как маркеры логической субординации мышления выражают и сигнализируют о противопоставлении главных (первостепенных) и сопутствующих (второстепенных) изменениях картины мира. В этом случае вторичная информация всегда обслуживает первичную, подчиняется ей, зависит от нее, несмотря на тот факт, что вторичная информация любой семантики влияет на восприятие первичной информации со стороны говорящего (слушающего, читающего). В русском языке подчинительные союзы и сложноподчиненное предложение (в первую очередь, местоименно-соотносительное с союзами « чем – тем») маркируют область доминантной и субординантной информации на синтаксическом уровне. Условные конструкции с союзом «если», а также с союзом «как только» также принадлежат к данному типу

темпоральной каузативной семантики движения качеств объекта анализа при сравнении. Таким образом, можно сделать вывод о том, что синусоидность пластического временного движения в эксплицитной форме подвергается градуальному анализу – то есть следует сделать анализ стадий и этапов развития анализируемых качеств и свойств [15]. Низкий, средний и высокий уровень градации может быть выражен в визуализированных объектах – например, графиках и схемах. Этот факт дает нам право утверждать, что идея исчисляемости как база для порождения компаративного анализа является формой дескрипции, описания наблюдаемых трансформаций [17].

Прогрессия и регрессия, а также проспекция и ретроспекция участвуют в образовании компаративной семантики на этапе формирования внутренней речи, что закладывают глубокие интенции в формируемые вербальные комплексы маркеров и лингвистических знаков [13]. Идея взаимного протекания процессов становится способом объединения и методом сближения антонимичных понятий (оппозитивов), которые испытывают конвергенцию, то есть слияние во времени. В этом случае мы наблюдаем появление синтаксических синонимов, которые могут быть средствами углубления и расширения контекста повествования в научном тексте, то есть способом нарративного развития сюжета. Приведем примеры из текстов по анализу экономики:

1. «Чем выше, ярче и быстрее становятся процессы и объемы продаж и рекламных акций, тем активнее, дороже и лучше становятся процессы инвестирования и получения прибыли в данном виде коммерции»;

2. «Как только более яркими и более активными становятся продажи и промоакции, то сразу же, по сравнению с наихудшей ситуацией, возрастают и улучшаются процессы инвестиций и получения прибыли, так как деятельность протекает в более динамичной и выгодной форме».

3. «Если мы начинаем сравнивать сегодняшние и предыдущие факты продажи и реализации товаров и услуг, то мы можем увидеть, что качество и цена товаров стала более привлекательной и доступной после того, как выросла и укрепилась покупательная способность населения. Чем более стабильна покупательная способность населения, тем более выгодны покупки и дороже вещи и услуги. И тем прибыльнее продавать в данном регионе.

Во всех микротекстах мы наблюдаем наращивание и прогрессию динамических каузативных смысловых изменений, то есть анализ качеств и свойств экономических трансформаций осуществляется благодаря введению некоторых параметров, модальных векторов и каузаций конвергентности оппозитивов – «плохо было раньше!» и «а теперь стало хорошо!».

Приведем примеры из текстов по анализу экономических трансформаций в обществе:

1. Чем выше цены, тем шире выбор покупаемых товаров и услуг.

2. Чем выше цены, тем ниже покупательная способность у бедных слоев общества.

3. Как только возрастает покупательная способность, товаров становится больше, и сама продукция улучшается по своему качеству».

A1. Чем более возрастает цена, тем более поднимается спрос.

B1. Если цены становятся более высокими, то тем самым понижается покупательная способность бедных слоев общества, если сравнивать то, что есть и то, что было.

B1. При последовательном возрастании спроса, все более и более увеличивается объем предложения и качество товаров делается более высоким, по сравнению с предыдущим этапом нашего анализа.

В данном случае текстовые синонимы и трансформационный генеративный синтаксис показывает, как богат и разнообразен компаратив в его эксплицитных формах в ходе анализа реальных компаративных и оценочных высказываний [8].

Преувеличение и преуменьшение, а также перекрещивание смысловых блоков при сравнении считается интереснейшим лингвистическим явлением, поскольку данные лексические приемы образования содержания текста служат акцентированию прошлых и настоящих свойств сравниваемых объектов (проспекция и ретроспекция) [19].

Совместное одновременное параллельное изменение свойств двух и более объектов имплицитно в едином блоке синтаксических синонимов, который может быть эксплицитно в разных формах компаративных структур. Сравним то, что мы говорили о сложноподчиненном предложении с тем, что существует и происходит внутри простого предложения: «Это пример того, что цены стали более высокими, а продукция стала более престижной»; « Это более выгодно покупать, чем продавать»; «Самым важным и более необходимым становится приобретение и покупка ценных вещей, по сравнению с тем, что было раньше»; «Более дорогие вещи покупаются быстрее и чаще, чем дешевые, если сравнивать то, что было и то, что есть сейчас».

Замкнутость и ограниченность импликации внутри простого предложения противостоит открытости и безграничности экспликации внутри сложного предложения [9]. Идея исчисляемости и все виды параметрального анализа углубляют и расширяют каузативные зависимости более рельефно и более ярко, нежели внутри простого предложения, в котором контекст узок и зажат рамками первичной предикации [3]. Весь процесс обучения строится на признании доминантности семантического подхода к анализу адъективных признаков с точки зрения морфологии и функциональной грамматики, поэтому синтагматика и парадигматика средств выражения компаратива базируются на принципах генеративного синтаксиса, описывающего все многообразие грамматических средств выражения с опорой на смысловую синонимию [20].

Можно представить систему компаратива в русском языке и его виды. Компаратив в сложноподчиненных и простых предложениях и их модификация может быть представлен следующим образом:

А.\Тенденциозный стилистический нормативный обязательный разряд или вид:

Приведем пример:

«Чем...тем...» маркирует экспликационал компарации: «Чем больше цена, тем выше спрос».

Тут есть синтаксический параллелизм, скрепы, координация мысли и структурного наполнения формальной «синтаксемной» схемы предложения.

Б.\Идиоматическая нерасчлененность фразы. Близость к фразеологичности подчеркивает значение сравнения и оценивание как важных мыслительных процессов. Пример: « Это более чем известно».

В.\Градация процессуальная или событийное преувеличение или преуменьшение обуславливает появление **градуированного компаратива**. Приведем пример: «Это была более выгодная сделка, чем предыдущая. Она была совершенна с большой степенью полезности, нежели прошлые сделки данной фирмы». Собственно адъективный процессуальный признак, развивающийся по линии синтагматики, принимает на себя все главные мотивировки и каузации.

Г.\Инклюзивный (включенный) имплицитный компаратив внутри местоименно-соотносительного предложения вскрывает взаимозависимости или координации включенных и аргументируемых процессов как общих фактов. Трансформация смысла обсуждаемой тематики и ее структурное преобразование в следственную

синтаксему быстрой смены событий и качеств может быть яркой и наглядной. Взаимное влияние первой и второй предикативных структур отражается в союзной (конъюнктивной) экспликации и в имплицитной конвергентности, нерасчлененности двух элементов внутри целостного языкового знака [11].

Приведем пример: «Чем более выгодной может быть сделка, тем более быстрыми становятся сам процесс заключения контракта и процесс получения прибыли». Адъективность присутствует в центре предикативного ядра [19].

1. Возникновение сравнения как мыслительной категории и процесса построения фразы мотивирует появление особой компаративной деятельности и оценивания ситуаций.

2. Мыслительные операции по сравнению объектов, признаков и процессов внедряются в речевое сознание говорящего и слушающего.

3. Появление и формализация вербального процесса сравнения одного или нескольких объектов по каким-либо признакам, параметрам и индексам внутри единой целостной нерасчлененной предикативной языковой единицы – это появление компаратива.

4. Модели обучения и анализа компаратива: а) от предложения к тексту (визуальная); б) от текста к предложению (аудиальная); в) индуктивно-дедуктивные методы изучения языковых единиц.

Зрение и слух как категории сензитивного восприятия или рецепторной когнитивности участвуют в процессах отдельного анализа и синтеза компаративных блоков внутри целостного единого нерасчлененного знака – сложноподчиненного или простого предложения. Педагогические и методические объекты в системе преподавания РКИ в вузе - это целесообразность, динамическая интеллектуальность, актуальность и необходимость изучения компаратива как особой ментальной и лингвистической категории мышления и речи.

5. Сравнительная степень прилагательных и наречий в качественной предикации и детерминативной номинации.

А. Качественная (вторичная, ассоциативная) и дополнительная предикация как явление бинарной грамматикализации и сопоставительной семантики представляет собой сложный смысловой и структурный комплекс [11]. Метод сравнения как мыслительная опора для вербализации первичной и вторичной предикации реализуется на основе механизмов логического и ассоциативного мышления субъекта речепорождения.

Б. Конвергенция как основа соположенного анализа двух и более объектов изоморфизма (уподобления). Роль изоморфизма в процессе образования компаративной семантики очень важна.

В. Изоморфизм как параметральный принцип конвергенции семантических объектов и признаков в единый словесный знак. Роль градуальности и градации как механизмов и способов мышления и вербализации также представляется нам чрезвычайно важной.

Г. Динамика в градуированном изоморфизме и конвергенции приводит к появлению **Детерминативной номинации и Дескриптивной предикации**, что сказывается на применении фоновых и получаемых знаниях о картине мира. Этот факт обусловил порождение в речи описательно-определяющих конструкций синтаксиса и грамматики, которые выполняют функции предикации и номинации внутри единого изоморфно построенного конвергентного знака, где сравниваемые объекты и признаки находятся в нерасчлененном подчиненном виде (субординация) и создают баланс или соответствие (координация) при взаимовлиянии и взаимной зависимости [14]. Трансформация одного блока компарации влечет градуальное и вполне предсказуемое

изменение второго блока сравнительного оборота качеств и признаков двух сопоставляемых объектов либо процессов. Возникает качественное новое объединение и слияние сравниваемых категорий и параметров объектов и процессов мышления.

Д. Компаратив в подчинительных и утвердительных логических схемах и структурах опирается на параллельную трансформацию, на одновременное протекание слияния и влияния двух и более конвергируемых изоморфных процессов, объектов, признаков и качеств в блоках компарации. Параллелизм и координационное управление с целью отождествления и различения объектов, процессов и признаков качеств состоит в том, что говорящий устанавливает четкие параметры по сравнению данных категорий мышления. Это маркируется и эксплицируется в лингвистических знаках и способах выражения (союзах и компаративе).

Е. Принцип каузации и каузативности – причинно-следственные связи и обоснования, мотивировки тех или иных действий и процессов внутри двух конвергируемых смысловых миров. Причины сравнения достаточно ясны.

Пример. «Параметр – объем и величина. Индекс трансформации при слиянии и взаимном влиянии двух объектов - изменение потребностей в покупке товара покупателем. Качество изоморфизма – цены и объем предлагаемых товаров подобен уровню потребностей на приобретение данных товаров по данным ценам. Отождествление потребностей и объема и способов их удовлетворения – основа координации при градуированном изменении двух объектов компарации. Принцип конвергенции – чем выше уровень потребностей и чем выше уровень покупательной способности, тем больше продукции на рынке и качественней и дороже данный ассортимент предлагаемых и ожидаемых товаров. Повышение обуславливает Увеличение [20].

Детерминация – это характеристика цены-- она зависит от одновременного и совпадающего в стадиях и этапах процесса потребления и производства товаров и услуг (определение тематики и главной семантики). Каузация – появление причин – это появление острого спроса и острой необходимости в покупке товаров у потребителя. Каузативность – появление следствий – это повышение цены и увеличение предложения на рынке товаров и услуг (в мире производителя). Дескрипция – описание поведения на рынке производителя в зависимости от модели поведения потребителя. Вербализация данной семантики выглядит таким образом:

«Чем более сильным и ярким является желание потребителя купить чай и сахар при наличии у него хорошей покупательной способности, тем более широкий выбор товаров и услуг (наличие всех видов чая, кофе, сахара и услуги по обслуживанию в кафе и столовых) предоставляет производитель в наших магазинах, и тем более высокой становится цена на данные товары и услуги, поскольку чем динамичнее и стабильнее спрос, тем увереннее растут цены, так как ничего не мешает использовать потребителю свои денежные ресурсы для удовлетворения своих желаний». Роль каузации (мотивировок и причинного обуславливания) очень важна при компарации [19].

Обучение употреблению всего перечня и спектра компарации в русской языковой системе на уроках русского языка как иностранного связано с использованием в профессиональной речи всего многообразия средств выражения компарации, средств выражения оценки и оценивания наряду с непосредственным сравниванием. В связи с этим чрезвычайно актуальным считается преподавание всех форм вербализации компарации в процессе формирования коммуникативной и профессиональной компетенций будущих экономистов. Методическая целесообразность изучения компаратива в профессиональной речи мотивировано и обусловлено задачами и целями обучения в российском вузе – воспитать достаточно активную социально

адаптированную личность будущего специалиста, привить необходимые речевые и социальные навыки по построению речевых сообщений и по пониманию профессиональной и общекультурной информации.

Литература

1. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст]/Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – С.15.
2. Арутюнова, Н.Д. Американский структурализм [Текст]: монография «Основные направления структурализма»/ Н.Д. Арутюнова, Г.А. Климов, Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1964.-С.44.
3. Бодуэн де Куртене, И.А. Избранные труды по языкознанию [Текст]/ И.А. Бодуэн де Куртене. – М.: Наука, 1963. — Т. 2. - С.36.
4. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии[Текст]/ А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983.-С.50.
5. Булыгина, Т.В. Грамматика оппозиций, в книге: «Исследования по общей теории грамматики» [Текст]/ Т.В. Булыгина. – М.: Наука, 1968.- С.34.
6. Выготский, Л.С. Мышление и речь [Текст]: собрание сочинений/ Л.С. Выготский. – М.: Наука, 1982. - Т.2. - С. 81.
7. Есперсен, О. Философия грамматики [Текст]/ О. Есперсен. – М.: Наука, 1958.- С.74.
8. Звегинцев, В.А. История языкознания 19 – 20 веков в очерках и извлечениях[Текст]/ В.А. Звегинцев. – 3-е издание. — М.: Наука, 1965. – Т. 2. - С.28.
9. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка[Текст]/Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973.- С.31.
10. Иванова, В.А. Антонимия в системе языка[Текст]/ В.А. Иванова. – Кишинев: Наука, 1982. - С. 12.
11. Кантино, Ж. Принципы типологического анализа языков различного строя[Текст]/ Ж. Кантино – М.: Наука, 1972.- С.17.
12. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение [Текст]/ С.Д. Кацнельсон – М.-Л.: Наука, 1965.-С.19.
13. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику [Текст]/ Дж. Лайонз. – М.: Наука, 1978. -С. 39.
14. Ломтев, Т.П. Предложение и его грамматические категории[Текст]/. Т.П. Ломтев – М.: Наука, 1972. -С. 66.
15. Мартине, А. Основы общей лингвистики[Текст]/ А.Мартине. – М., 1963. – С.52.
16. Новиков, Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике) [Текст]/Л.А. Новиков – М.: Наука, 1973.- С.77.
17. Реформатский, А.А. Введение в языковедение[Текст]/ А.А. Реформатский – М.: Наука, 1967. - С. 8.
18. Степанова, М.Д. Методы синхронного анализа лексики[Текст]/ М.Д. Степанова.–М.: Наука, 1968. - С. 44.
19. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса[Текст]/ Л. Теньер. – М.: Наука, 1988. - С. 26.
20. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса[Текст]/ Н. Хомский. – М.: Наука, 1962. - С.37.

References

1. Apresian Y.D. Leksitcheskaya semantika. Moskva, Nauka Publ., 1974. p. 15.
2. Arutiunova N.D., Klimov G.A., Kubriakova E.S. Amerikankiy strukturalizm. Osnovnyye napravleniya strukturalizma. Moskva, Nauka Publ., 1964.p. 44.

3. Boduin-de-Courtene I.A. Kolitchestvennost v yazykovom myshlenii. Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu. Moscow, Nauka Publ., 1963. i.2, p. 36.
4. Bondarko A.V. Printsipy funktsionalnoy grammatiki I voprosy aspektologii. Leningrad, Nauka Publ., 1983. p. 50.
5. Bulyghina T.V.: Grammatika oppozitsiy. Issledovaniya po obschey teorii grammatiki. Moskva, Nauka Publ., 1968. p.34.
6. Wygotskiy L.S. Myshleniye I Retch. Sobraniye sotchineniy. Moskva, Nauka Publ., 1982. p. 81.
7. Yespersen (Jespersen) O. Filosofiya grammatiki. Moskva, Nauka Publ., 1958. p.74.
8. Zveghintsev V.A. Istoriya yazykoznaniya 19—20 vekov. Moskva, 1965. i.2, p. 28.
9. Zolotova G.A. Otcherk funktsionalnogo sintaksisa. Moskva, Nauka Publ., 1973. p. 31.
10. Ivanova V.A. Antinomia v sisteme yazyka. Kishinev, Nauka Publ., 1982. p.12.
11. Cantineau J. Les oppositions significatives. (Signifikativnyye oppozitsii) Traduction de fransais. Les principes d'analyse typologique des differentes langues des differentes familles. Moskva, Nauka Publ., 1972. p.17.
12. Katznelson S.D. Soderzhaniye slova – znatcheniye - oboznatcheniye. Moskva, Nauka Publ., 1965. p. 19.
13. Lyonse George. Vvedeniye v teoreticheskuyu lingvistiku. Moskva, 1978. p.39.
14. Lomtev T.P. Predlozheniye I yego grammaticheskiye kategorii. Moskva, Nauka Publ., 1972. p.66/
15. Martinet Andre. Osnovy obschey lingvistiki. Obschaya lingvistika. Moskva, Nauka Publ., 1963. p.52.
16. Novikov L. A. Antonimiya v russkom yazyke (semanticheskiy analiz protivopolozhnostey v leksike). Moskva, Nauka Publ., 1973. p.77.
17. Reformatskiy A.A. Vvedeniye v yazykovedeniye. Moskva. Nauka Publ., 1967. p.8.
18. Stepanova M.D. Metody sinkhronnogo leksicheskogo analiza. Moskva, Nauka Publ., 1968. p.44.
19. Teniere L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. Moskva, Nauka, 1988. p. 26.
20. Homsky N. Aspekty teorii sintaksisa. Moscow, Nauka, 1962. p.37.

УДК 80

НАУЧНЫЕ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРИНЦИПЫ ВВЕДЕНИЯ ЛЕКСИКИ МАТЕМАТИКИ И ГЕОГРАФИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО В ВУЗЕ

А.В. Долгополов, М.Х. Мукбиль

marystrip@mail.ru, mansour@list.ru

Санкт-Петербургский Политехнический институт имени Петра Великого,
институт Международных Образовательных программ

В рамках предвузовской подготовки иностранных студентов для экономических специальностей большую роль играют курсы математики и экономической и социальной географии, в которой статистические показатели занимают важное место. На примере географии населения раскрывается значение статистических данных при изучении различных явлений и процессов и место конкретных приемов статистического метода: статистического наблюдения, сравнения статистических характеристик, сравнительной характеристики населения двух стран, определения обобщающих статистических показателей, расчетных демографических задач, графических и картографических

изображений. В результате студенты формируют и закрепляют знания и умения работы с цифровой информацией.

Ключевые слова: населения, математика, география, студент, предвуз, демографические показатели, статистический метод.

SCIENTIFIC AND DIDACTIC FEATURES AND PRINCIPLES OF THE INTRODUCTION OF THE VOCABULARY OF MATHEMATICS AND THE ECONOMIC AND SOCIAL GEOGRAPHY IN THE STUDY OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE UNIVERSITY

Dolgopolov A. V., Mukbil M.H.

marystrip@mail.ru, mansour@list.ru

St. Petersburg state Polytechnic University named after Peter the Great

Institute of International Educational Programs

Under the pre-university training of foreign students of economics plays a major role of mathematics courses and economic and social geography, where statistics take an important role. For example, human geography, we can learn the importance of statistical data, the study of the various events and processes and the place of statistics methods: method of observation statistics, comparison of statistical characteristics, comparative. An analysis of the population of the two countries, the definition of common statistical interest rates, calculated demographic challenges, graphic and cartographic images. As a result, students learn and consolidate the skills to work with information about the numbers of information.

Key words: the population, mathematics, geography, student, pre-university, demographic data, statistic technique.

Изучение лексики и терминологии по географии и математике чрезвычайно важно для изучающих русский язык как иностранный, поэтому мы вводим уже на этапе предвузовской подготовки те наиболее важные и необходимые термины и понятия, которые используются в речи преподавателей математики и географии. Аналитичность и прозрачность лексики дает возможность адекватно воспринимать и понимать математическое содержание уроков и географическое содержание лекций по экономической географии. На основе сознательного практического метода и коммуникативного метода преподавания математики и географии преподаватель также занимается формированием знаний по русскому языку и по культуре изучения науки в вузе. Он прививает также и общие когнитивные и практические навыки и умения писать, читать, произносить и понимать те или иные смысловые единицы текста профессионального рода. Русский язык и его грамматическая система изучается не только на уроках по усвоению именно лингвистических знаний и на занятиях по развитию речевых умений, которые ведет собственно русист. Этот процесс базируется и на использовании географии и математики в качестве новых сфер и областей знаний и умений, он употребляется как механизм и инструмент познаний русского языка в его когнитивном многообразии и в вариантной модификации (подъязык математики и подъязык географии). Это свойство мы называем системностью и структурностью. Перцептивность проявляется в следующем. Способом перцепции и воздействия на внутренний психический мир студента становится не только языковая система, представленная в уроках русского языка, но и в педагогическом модуле «математика и география», существующем в ИМОПе. Однозначность лексики, ее привязанность к точному логическому объекту, который базируется на исчислениях и вычислениях, имеет свои особенности. Наличие графиков, формул, алгоритмов приучают сознание говорящих и слушающих к контролю и стройному управлению всеми логическими операциями, действиями и реакциями на уровне мышления и речи. Обучение логике и

алгоритмизации формирует особое психо-эмоциональное поле вокруг предметов естественнонаучного и математического разряда. Отношение к изучаемым областям точных наук выражается в уважении к размышлению, точному анализу, целесообразности. Это накладывает на сам процесс преподавания воспитательные функции и делает образовательную деятельность осмысленной и живой. Лексика математики связана с логическим познанием картины мира. Изучение географии всегда сопряжено с визуальным изображением и картографической семиотикой (системой образных топографических знаков на карте и глобусе). Дискретность и наглядность лексики усугубляется тем, что каждая единица понятийного блока математических знаний и образов складывается из параметрально измеряемых точно очерченных содержательных элементов, которые увеличиваются по мере приближения к целостной единице, возглавляющей ряд (парадигму) понятийного ряда (от числа и цифры – к формуле и тождествам). Презентация лексики происходит в порционном режиме, под влиянием метода от простого к сложному, что явно подтверждает правильность и целесообразность насущных дидактических принципов методики и педагогики. Преподаватель рассматривает всю сумму необходимых для презентации смысловой единицы элементов лексического, грамматического и семиотико-графического рода (например, слово как образ, глагольные и синтаксические явления, содержащие данную лексему как конститутивный элемент, а также символы и обозначения графического и визуального рода). Связанность (когерентность) процесса введения терминов и понятий укрепляет и поддерживает в сознании студентов логические компоненты изучаемого объекта анализа, не дает рассыпаться и разъединиться целостному восприятию смысловой и графической структур и систем языкового и профессионального рода. Пресуппозиция на текст или лекцию формируется с первых уроков, то есть преподаватель настраивает и подводит к изучению главного и первостепенного только после того, как обозначит предвидение и прогностическую открытость своего материала – то есть подготовит слушателя или читателя к тому, о чем он собирается сказать в дальнейшем. Проспекция и пропедевтика управляют процессом преподавания русского языка как иностранного и процессами преподавания математики и географии. Каждый студент знает, что без детального анализа информации и без пошагового изучения всей цепи элементов и блоков урока ему не справиться и не удастся понять дальнейших компонентов методической когерентности. Если он что-то пропускает, то логика занятий и осознания истин уходит и испаряется. Он должен определить каузативные и мотивационные связи (причинно-следственные механизмы построения блоков учебной информации). Иначе студент теряет нить и не может восстановить смысловые лакуны в лекции или в конспекте лекций. Лексика представляет собой также и опору и стержень, ось, на которых основывается математика и география. Наличие ошибок и неточностей в данных науках чреваты катастрофами. Эти неправильные алгоритмы и ошибочные результаты вычислений приводят к плачевным ситуациям. В связи с этим адекватное усвоение лексики и правильное ее использование в точных науках имеет воспитательный характер. Наличие обратной связи между преподавателем и студентов обеспечивается как дистанционными методами обучения, так и контактными аудиторными. Без проверки и учета знаний и навыков научиться математике и географии нельзя. Всегда требуется контроль за тем, как студент говорит и пишет, и за тем, как он понимает то или иное логическое и математическое явление. Если он не может объяснить этого по-русски, если он не может правильно построить фразу и высказывание, содержащие схему и алгоритм вычислений, то студент попросту не владеет ни языком, ни логической информацией. Актуальным признается формирование речевых навыков совместно с привитием логических математических навыков, поскольку процессы размышления и логического суждения изоморфны,

схожи. Параллелизм между структурой логического рассуждения и алгоритмом математического вычисления возможно заметить невооруженным взором. Метод использования наименьших проблем и трудностей требует употребления 3 или 5 новых единиц лексики, или 7 максимум, так как это нормальный порог восприятия любой новой языковой информации. Последовательность становится еще одним принципом введения новой лексики в ткань урока, она способствует наилучшему и эффективному пониманию и восприятию изучаемого материала. Приведем пример: «Сегодня мы будем изучать математические действия или операции. Вы прекрасно знаете знаки – плюс, минус, делить, умножить...А теперь давайте запишем эти глаголы – в тетрадь, они все очень важные слова, которые вы должны выучить наизусть(преподаватель пишет на доске глаголы в инфинитиве и дает их перевод на английский язык). Читайте и пишите...«Умножить...на что? (винительный падеж)...Делить на что (Вин.п.)...Прибавить (к чему? Что?) дательный и вин. падежи...сложить (что? с чем?) вин. и творительный падежи...Вычсть (что? от чего?)...вин.п. и родительный падеж...отнять (что? От чего ?) вин.п. и родит.п....а это слово РАВНО – можно говорить еще: БУДЕТ...вы знаете это...пишите эти слова в тетрадь...Пример...задача...надо найти...давайте переведем их на ваш язык...Вот хорошо (немного подождав преподаватель строит фразы и произносит их, он читает и пишет, а студенты повторяют эти фразы и записывают в тетрадь). «Два прибавить к двум – будет четыре...Четыре отнять два будет два...Два умножить на два - равно четырем...Четыре поделить на два – равняется (так тоже можно говорить) два...Очень хорошо. Это ваше домашнее задание: запоминать эти термины и слова. Они вам очень нужны». Все принципы применяются одновременно и взаимосвязано.

Литература

1. Арсеньев, Д.Г., Интегративные учебные планы к программе предвузовской подготовки иностранных студентов [Текст]/Д.Г. Арсеньев, В.А. Долгополов, О.В. Дорохова, Г.И. Кутузова, А.И. Сурыгин// Проблемы гуманизации и роль исторической науки в процессе подготовки студентов. Материалы международной конференции. – М.: РУДН, 2001.
2. Дружинин В.Н. Психология общих способностей[Текст]/В.Н. Дружинин. – М.: «Лантерна», 1995.
3. Эрдниев, П.М. Укрупнение дидактических единиц в математике[Текст]/ П.М. Эрдниев, Б.П. Эрдниев. – М.: Просвещение, 1986.
4. Васильева, Т.В. Отбор и описание лексико-грамматического материала: подязыки специальности для иностранных учащихся инженерного профиля[Текст]: монография/ Т.В. Васильева. - М.: ИЦ ГОУ МГТУ «Станкин», Янус-К, 2005.
5. Холина, В.Н. Социально-экономическая география мира [Текст]: справочное пособие (карты, диаграммы, графики, таблицы)/В.Н.Холина, А.С. Наумов, И.А. Родионова. - М.: Дрофа, 2009.

References

1. Arsen'ev D.G., Dolgopolov V.A., Dorohova O.V., Kutuzova G.I., Surygin A.I. Integrativnye uchebnye plany k programme predvuzovskoj podgotovki inostrannyh studentov. Problemy gumanizacii i rol' istoricheskoy nauki v processe podgotovki studentov. Materialy mezhdunarodnoj konferencii. Moscow, RUDN, 2001.
2. Druzhinin V.N. Psihologija obshhikh sposobnostej. Moscow, «Lanterna» Publ., 1995.
3. Jerdniev P.M., Jerdniev B.P. Ukрупnenie didakticheskikh edinic v matematike. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1986.

4. Vasil'eva T.V. Otbor i opisaniye leksiko-grammaticeskogo materiala: podjazyki special'nosti dlja inostrannyh uchashhihsja inzhenernogo profilja. Moscow, IC GOU MG TU «Stankin», Janus-K Publ., 2005.

5. Holina V.N., Naumov A.S., Rodionova I.A. Social'no-jekonomicheskaja geografija mira: spravochnoe posobie (karty, diagrammy, grafiki, tablicy). Moscow, Drofa Publ., 2009.

УДК 811. 162. 2' 373. 613

ОСОБЛИВОСТІ МОТИВАЦІЙНИХ ЗВ'ЯЗКІВ ДЕРИВАТИВ ІЗ ПРЕДМЕТНО-ОСОБОВИМ ЗНАЧЕННЯМ

О.О. Дудка, В.Д. Пономаренко
vdponomarenko@ukr.net

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

У статті проаналізовано особливості внутрішньої форми похідних слів, у семантичній структурі яких одночасно реалізується значення особи і значення предмета. Визначено семантичні моделі похідних із предметно-особовим значенням. Установлена залежність між фразеологічністю семантики, властивою для значної кількості похідних, і їхньою внутрішньою формою.

Ключові слова: внутрішня форма, фразеологічність семантики, словотвірне значення, мотивувальна ознака, твірне слово, дериват.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ ДЕРИВАТОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРЕДМЕТА И ЛИЦА

Е.А. Дудка, В.Д. Пономаренко
vdponomarenko@ukr.net

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

В статье проанализированы особенности внутренней формы производных слов, в семантической структуре которых одновременно реализуются значения лица и предмета. Определены семантические модели производных с таким значением. Установлена зависимость между фразеологичностью семантики, свойственной для значительного количества производных, и их внутренней формой.

Ключевые слова: внутренняя форма, фразеологичность семантики, словообразовательное значение, мотивирующий признак, производящее слово, дериват.

THE FEATURES OF MOTIVATIONAL RELATIONS OF DERIVATIVES WITH THE MEANING OF PERSON AND SUBJECT

O.O. Dudka, V.D. Ponomarenko
vdponomarenko@ukr.net

Karazin Kharkiv National University

The article deals with the analysis of derivative peculiarities of the inner form of derived words whose semantic structure reveals both the meaning of person and the meaning of subject. Semantic models of derivatives with a subject-personal meaning have been analyzed. The interrelation between the phraseological semantics characteristic of most derivatives have been determined.

Key words: inner form, phraseological semantics, derivational meaning, motivating characteristics, forming word, derivative.

Похідне слово розглядають як результат номінаційного акту, у якому дійсність, що відображається у категоріях мислення, матеріалізується в значеннях мовних форм. Своєрідним «посередником» між словом і денотатом є внутрішня форма (ВФ) слова, яка розкриває його природу як найменування і пов'язана з ономазіологічним аспектом слова. Вивчення дериватів на основі особливостей їхніх ВФ, на думку В. Бойчука, виводить похідні слова за межі власне словотвірного аналізу, уможливило трактування їх як одиниць мови, у яких закодовано пізнавальну діяльність носіїв мови, їх світобачення [1]. Отже, можемо стверджувати, що наявність внутрішньої форми слова – це типова і важлива риса похідного як складного знака дійсності.

Зазначимо, що ідея ВФ слова належить В. Гумбольдту, який уважав слово не еквівалентом предмета, що сприймається, а еквівалентом того, як цей предмет усвідомлюється мовотворчим актом у конкретний момент народження слова [3]. Подальший розвиток теорія ВФ отримала в наукових студіях О. Потебні, який трактував її досить широко (і як найближче етимологічне значення слова, і образ образу, і як знак значення у слові). «Внутрішня форма слова, зауважує вчений, є відношення змісту думки до свідомості; вона показує, як уявляє людина власну думку. Тільки цим можна пояснити, чому в мові може бути багато слів для позначення того самого предмета і, навпаки, одне слово може позначати різні предмети» [5].

У сучасному мовознавстві також фіксуємо неоднозначне розуміння цієї мовної категорії. Одна з інтерпретацій пов'язана з визначенням ВФ як елемента формально-семантичної структури будь-якого похідного слова (як спосіб мотивування похідного слова (В. В. Іванов), як морфосемантична структура слова, що містить у собі морфемний склад і мотиваційне значення (О. І. Блінова), як спільна семема мотивувального і мотивованого слів (В. М. Русанівський), як мотивувальна ознака, яка кладеться в основу найменування предметів та явищ навколишнього світу, що позначаються похідними словами (В. М. Бойчук).

Пильна увага лінгвістів до проблеми ВФ особливо в останнє десятиліття викликана необхідністю ґрунтовного опису процесів номінації та явищ мотивованості мовних знаків. Оскільки ВФ слова дає уявлення про те, чому саме так щось назвали, яка з ознак предмета обирається свідомістю людини для позначення того чи того предмета, ВФ допомагає «засвоїти» слово, зрозуміти механізм його творення, проникнути у специфіку мови. ВФ слова, як відзначають О. Єрмакова і О. Земська, виражає те розуміння предмета, яке обрано для його найменування, наділено його духовною свідомістю народу [4].

Слідом за О. О. Тараненком внутрішньою формою називаємо мотивувальний образ слова, спосіб мотивації його значення. Вона вказує на ознаку, що з якихось причин була виділена мовцем як визначальна й диференціувальна для певного об'єкта й покладена в основу його назви [6].

Учені відзначають, що у будь-якому похідному слові поняття ВФ, словотвірної мотивації, словотвірного значення взаємозумовлені і взаємозалежні мовні категорії. Але якщо словотвірне значення вказує на загальнокатегоріальне значення твірної бази і її семантику, то ВФ визначає характер смислового відношення похідного слова до твірного, вона конкретизує словотвірні мотиваційні зв'язки, наділяючи їх значущістю.

Досліджуючи різні типи похідних слів, звертаємо увагу на те, що характер ВФ у них неоднаковий. Об'єктом вивчення стали похідні слова, у семантичній структурі яких одночасно реалізується значення особи і значення предмета. Здебільшого це деривати, утворені за допомогою суфіксів **-ник(-альник)**, **-ач**, **-ар**, **-ниц(я)**.

Завдання роботи – з'ясувати, як виявляється ВФ у словах, у семантичній структурі яких одночасно реалізується значення особи і значення предмета.

Ставлення з боку дослідників і лексикографів до такого типу похідних неоднозначне: одні вважають це явище омонімією, інші – багатозначністю. Тлумачні словники української мови також по-різному кваліфікують такі поєднання, здебільшого подаючи їх як багатозначні. Наприклад: *телятник* «1. Хлів для телят. 2. Той, хто доглядає телят»; *травник*¹ «1. Те саме, що гербарій. 2. заст. Книжка, у якій спершу записувались лікувальні рослини, а згодом давалися поради, як їх використовувати. 3. Птах ряду кулікоподібних» і *травник*² «1. Настоянка на травах. 2. Лікар, що лікує травами» [2].

Здатність слова поєднувати в одній семантичній структурі предметні й особові назви свідчить про те, що внутрішня форма таких слів може одночасно поєднувати суб'єктно-об'єктні та об'єктно-об'єктні відношення.

Особливість виявлення ВФ особових значень полягає у з'ясуванні характеру семантики предиката, вираженого у структурі лексичного значення аналізованих слів. Так, наприклад, у похідних *патронник*, *гусятник*, *гусятниця*, *цигарниця*, *собачник*, *пташник*, *ведмежатник* тощо у значенні особи ВФ розкривається через предикати «виготовляє», «розводить і доглядає», «виготовляє або торгує», «любитель», «доглядає», «полює і водить». Як бачимо, різні значення цих дериватів, утворених від категоріально однотипних твірних основ, спричинені їхніми різними мотивувальними ознаками, покладеними в основу найменувань. Однак трапляються випадки, коли значення особи того самого деривата ґрунтується на різних мотивувальних ознаках, а отже різним є характер семантики предиката, що входить до структури лексичного значення (наприклад, ВФ похідного *цигарниця* «та, що виготовляє цигарки або торгує ними» вказує одночасно на ознаку результативності (предикат «виготовляє») і ознаку об'єктності (предикат «торгує»). Отже, аналіз особових значень дериватів, які одночасно поєднують у семантичній структурі значення особи і значення предмета, дає змогу зробити висновок про відображення внутрішньою формою особових назв складних відношень, у які може вступати особа з різноманітними предметами (здебільшого це стосується субстантивів зі значенням істоти).

Предметні значення, які виокремлюються у семантичній структурі названих дериватів, репрезентують різнопланові відношення, що існують між предметами навколишнього світу. Таких об'єктно-об'єктних відношень може бути, порівняно з особовими назвами, набагато більше, тому для ВФ субстантивів, у яких реалізуються також неособові значення, властивою є певна автономність. Так, наприклад, ВФ похідних *рибник* «пиріг із рибою», *макаронник* «запіканка з макаронів», *яблучник* «яблучне вино» виражає відношення до предмета як до матеріалу, з якого виготовлено об'єкт номінації, а похідні *рибник* і *макаронник* ще й містять указівку на предмет, що входить до складу об'єкта номінації поряд з іншими інгредієнтами.

Фіксуємо також ряд похідних, у семантичній структурі яких наявні дві мотивувальні ознаки (наприклад, у дериватів *патронник* «задня частина каналу ствола у вогнепальній зброї, призначена для вкладання патрона», *телятник* «хлів для телят», *гусятник* «приміщення, пташник для гусей», *собачник* «приміщення, де утримують собак для наукових дослідів», *рибник* «штучне водоймище або судно для живої риби» поєднуються мотивувальна ознака призначення і локативності. А в похідному *нічник* «лампа або інше джерело світла, що засвічується на ніч», реалізується мотивувальна ознака призначення і темпоральності (як і в іншому значенні, що активно побутує в останні десятиліття, – «нічний клуб, ресторан»).

Подекуди трапляються похідні, у яких ВФ і предметного, і особового значення має однаковий характер. Так, наприклад, ВФ обох значень похідного *молочник* («1. Посудина, у якій подають до столу молоко або вершки»; «2. Той, хто торгує молоком і молочними продуктами» вказує на об'єктність, а в похідного *ложкар*

«1. Майстер, що виготовляє ложки»; «2. Інструмент, яким виробляють ложки» фіксуємо ВФ інструментальності. Обидва значення деривата *панцирник* «1. іст. Воїн, одягнений у панцир, латник». «2. Автомобіль, поїзд, військовий корабель, покритий панциром» формуються на основі конститутивності, оскільки ВФ цих значень виражає відношення до матеріалу, з якого складається об'єкт номінації.

Аналіз значної кількості похідних із предметно-особовим значенням дає змогу стверджувати, що такі структури можуть реалізувати різні семантичні моделі: «сукупність предметів, названих мотивувальною основою» – «людина, діяльність якої пов'язана з тим, що названо мотивувальною основою»; (*пісенник, розмовник, травник¹, молитвеник, патронник*);

«предмет, призначений для того, що названо мотивувальною основою» – «людина, діяльність якої пов'язана з тим, що названо мотивувальною основою» (*гусятниця, винищувач, цигарниця, молочник*);

«приміщення для тварин» – «людина, діяльність якої пов'язана з тваринами» (*пташник, телятник, гусятник, собачник, ведмежатник*).

Подекуди в одній семантичній моделі може поєднуватися інструментальне і особове значення (*ложкар* «1. Інструмент, яким виробляють ложки», «2. Майстер, що виготовляє ложки»), або «значення особи» і «значення приміщення» (*запасник* 1. Військовослужбовець, що перебуває в запасі (у 4 знач.); 2. Приміщення, місце для зберігання чого-небудь невживаного, резервного»).

Однозначно стверджувати, яке із значень у таких структурах є первинним, а яке вторинним, не можемо. Уважаємо, що вторинним є значення особи, яке виникає тому, що вже наявна структура з іншим значенням. Повторна реалізація словотвірної моделі викликає породження різних значень як у межах однієї словотвірної структури, так і в межах різних структур. Однією з причин реалізації значення особи у структурі, яка містить назву предмета, є, за термінологією О.Єрмакової, омонімічне притягування.

Для значної кількості похідних слів із предметно-особовим значенням властивою є фразеологічність семантики. Здебільшого це стосується предметних значень. Такі одиниці, що відзначаються ідіоматичністю семантики, мають індивідуальну, образну внутрішню форму. Наприклад, лексичні предметні значення ряду похідних уключають фразеологічні нарощення, тобто компоненти значення, відсутні у сукупності значень їхніх складників (*патронник* «**задня частина каналу ствола у вогнепальній зброї, призначена для вкладання патрона**»; *розмовник* «**посібник для вивчення іноземної мови, в якому подано зразки розмов на різноманітні теми**», *нічник* «**лампа або інше джерело світла, що засвічується на ніч**» тощо).

Що ж до ВФ похідних із фразеологічністю семантики, то в деяких випадках вона може не містити нарощених семантичних компонентів, тому ВФ таких слів збігається зі словотвірним значенням. Так, зокрема, ВФ слова *винищувач* – «бойовий, швидкохідний літак із сильним озброєнням, призначений для знищення в повітрі ворожих літаків», на відміну від лексичної семантики, не містить нарощених компонентів. У такому випадку ВФ збігається зі словотвірним значенням. Інші приклади доводять, що й ВФ може містити семантичні нарощення (молочник – «той, хто **торгує** молоком і молочними продуктами»). Здебільшого фразеологічні нарощення, наявні у ВФ слів, містять регулярні нарощені значення процесуального характеру. Найчастіше це простежується у похідних з особовим значенням.

Фразеологічність семантики деяких похідних викликає розширення значення і втрату словом (або значенням) ВФ (*гусятниця* «довгаста посудина з покриттям для засмажування гусей, качок та ін. великої птиці, а також поросят»).

Отже, ВФ слова вказує на характер смислового відношення між похідним та твірним і є важливою рисою похідного як складного знака дійсності. Поняття ВФ

допомагає, на нашу думку, точніше виявити семантику похідних слів та їхню ономаціологічну структуру. Аналіз дериватів, які об'єднують у семантичній структурі предметні й особові значення, дає змогу зробити висновок, що такі одиниці мають різну ВФ, хоча й не всі індивідуальну. Здебільшого тип ВФ залежить від мотиваційних ознак, покладених в основу номінації. Тому важливим також є з'ясування структурно-семантичних особливостей і категоріального значення мотивувальних слів, що може бути ще одним напрямком дослідження.

Литература

1. Бойчук, В. М. Типологія внутрішньої форми слова у десубстантивному словотворі [Текст]: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук / В. М. Бойчук. — Івано-Франківськ, 1997. — 18 с.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови / В. Т. Бусел. — К.; Ірпінь : ВТФ «Перун», 2005. — 1728 с.
3. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества [Текст] / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. — М., 1984. — С. 97 — 124.
4. Ермакова, О. П. Сопоставительное изучение словообразования и внутренней форма слова [Текст] / О. П. Ермакова, Е. А. Земская. — Серия литературы и языка. — 1985. — Т. 44. — № 6. — С. 518 — 525.
5. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потебня // Звегинцев В. А. История языкознания 19 — 20 вв. — М., 1964. — Ч. I. — С. 195 — 213.
6. Українська мова : Енциклопедія / Редкол. В. М. Русанівський та ін. — К. : Українська енциклопедія, 2000. — 752 с.

References

1. Wojchuk V. M. Typolohiya vnutrishn"oyi formy slova u desubstantyvnomu slovotvori : avtoref. dys. na zdobuttya nauk. stupenya kand. filol. nauk. Ivano-Frankivs"ka, 1997. 18 p.
2. Velykyj tлумachnyj slovnyk suchasnoyi ukrajins"koyi movy. Kiev. ; Irpin" : VTF «Perun», 2005. 1728 p.
3. Humbol"dt V. O razlychyj stroenyja chelovecheskyx yazykov y eho vlyyanyu na duchovnoe razvytye chelovechestva. Yzbrannye trudy po yazykoznanyyu. Moscow, 1984. pp. 97 — 124.
4. Ermakova O. P., Zemskaya E. A. Sopostavytel"noe yzuchenye slovoobrazovanyja y vnutrennyaja forma slova. Seryja lyteratury y yazyka. 1985. T. 44. no.6. pp. 518 — 525.
5. Potebnya A. A. Mysl"y yazyk. Zvehincev V. A. Ystoryja yazykoznanyya 19 — 20 vv. Moscow., 1964. Part I. — pp. 195 — 213.
6. Ukrajins"ka mova : Encyklopediya / Editor V. M. Rusanivs"kyj ta in. Kiev, Ukrajins"ka encyklopediya, 2000. 752 p.

УДК 80

ОБРАЗ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В 40-Х-60-Х ГОДАХ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ)

Н.М. Колоколова, Ю.В. Белякова

kolokolovan@rambler.ru, julia_bell@bk.ru

Астраханский государственный университет

Почти все современные науки уделяют внимание исследованию гендера в том или ином формате. В современном языкознании и лингвистике тема гендерных исследований остается актуальной уже более полувека, но до сих пор остаются неисследованными многие грани различных наук, которые представляют для ученых интерес с точки зрения феминности и маскулинности. В данной статье делается попытка описания физического и духовного образа русской женщины в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов и в послевоенное время на материале историографических данных и литературных произведений, ее общественной и социальной роли. В статье исследуются типичные феминные признаки героини Л. Павличенко и их трансформации в маскулинные под действием форсмажорных внешних обстоятельств.

Ключевые слова: гендерные исследования, феминные признаки, образ, русская женщина, Л.Павличенко, герои Великой Отечественной войны.

THE IMAGE OF RUSSIAN WOMEN IN 40-60-IES OF XX CENTURY (ON THE BASIS LITERARY WORKS OF SOVIET AUTHORS AND HISTORIOGRAPHICAL FACTS)

*Kolokolova N.M., Beliakova U.V.
kolokolovan@rambler.ru, julia_bell@bk.ru
Astrakhan State University*

Almost all modern science paying attention to the study of gender in a particular format. In modern linguistics and gender studies linguistics topic remains relevant more than half a century, but still remain unexplored, many facets of the various sciences, which are of interest to scientists in terms of femininity and masculinity. This article is an attempt to describe the physical and spiritual image of Russian women in the period of the Great Patriotic War of 1941-1945, and in the postwar period in the historiography of these materials and literary works, its public and social role. The article investigates the typical signs of feminine heroine L. Pavlichenko and their transformation into a masculine force majeure under the influence of external circumstances.

Keywords: gender studies, feminine signs, image, Russian woman L.Pavlichenko, Great Patriotic War's heroes.

В соответствие с современными требованиями стандартов высшего образования Российской Федерации, студенты ВУЗов занимаются научными изысканиями в изучаемых ими отраслях науки, в том числе и гендерными исследованиями [3]. Патриотическое воспитание молодежи также является одним из требований современности [2]. Настоящее исследование, представленное в данной статье, основано на литературных и историографических материалах. Тема «образа русской женщины» вызывает особый интерес у исследователей [1], особенно когда «женский характер» проявляется в сложных, опасных ситуациях, в страшное военное время. Эпиграфом к нашей статье могут служить строки Татьяны Шороховой:

*«За праведное сердце
Она – Отчизны щит.
Врагам не отвернется
За всех, кто был убит.
Все взвесив «за» и «против» –
Захватчиков гроза –
Она ещё посмотрит
И Киеву в глаза!
Фашистов ставят к стенке
Всегда. За беспредел.
Людмила Павличенко
Опять смотрит в прицел.»*

Мы с самого детства слышим фразу: «У войны не женское лицо». Однако у войны нет лица – это оскал смерти; а война – удел мужчин. Женщина предназначена [3] дарить новую жизнь, война жизнь забирает. Но так уж повелось на Руси, что женщины всегда сопровождали мужчин и воевали с ними плечом к плечу во всех войнах, во все времена.

При этом до Великой Отечественной войны официально женщины в частях Красной Армии не служили. Однако с ее началом советские женщины взяли в руки винтовки и надели солдатские шинели: так как уже к августу 1941 года стало очевидно, что без женщин в этой войне не обойтись.

Примечательно, что Красная армия стала первой европейской армией XX века, включившей в себя отдельные женские боевые подразделения на регулярной основе.

Официальная российская историография предполагает, что общая численность женщин, участвовавших в боевых действиях на стороне СССР, составила 800000 человек, а в определенный момент женщины составили примерно 8% личного состава Красной армии. Двести тысяч из них награждены боевыми орденами, 90 стали Героями Советского Союза. Свыше двухсот женщин были удостоены высшего знака солдатской доблести V ордена Славы, который невозможно получить ни за какие заслуги, кроме подвига на поле боя. Четыре женщины стали полными кавалерами этого ордена. Давая оценку ратному подвигу советских женщин, прошедших с воинами - мужчинами весь боевой путь, Маршал Советского Союза А.И. Еременко писал: «Едва ли найдется хоть одна военная специальность, с которой не справились бы наши отважные женщины так же хорошо, как их братья, мужья, отцы». При этом до сих пор неизвестны соотношение военнослужащих, добровольцев и мобилизованных, их состав и семейное положение. Историки, юристы, политологи не выделяют женщин в отдельную группу при подсчете военных потерь, умалчивает о количестве раненых, контуженных и ставших инвалидами женщин-комбатантов. Закрытой остается и тема участия женщин в партизанском движении [4].

История участия женщин в Великой Отечественной войне пока остается ненаписанной, несмотря на рост интереса исследователей к этой теме в последние годы.

Конечно, Великая Отечественная Война 1941-1945 известна различными людьми, защищающими нашу Родину, стоящими на её границах и обороняющими её от немецко-фашистских захватчиков. Не все, наверное, знают о людях войны, о военных годах, так как не у всех людей в семьях остались ветераны, защищавшие права и свободы на жизнь в своем родном государстве.

В этой статье рассматривается небольшая, но очень значимая часть жизни одной женщины. Это легендарная девушка наравне с мужчинами сражалась за Родину, отстаивала наши свободы и право на жизнь на территории Российской Федерации и Союза Советских Социалистических Республик.

Её зовут Людмила Михайловна Павличенко. Она – советский военный деятель, герой Великой Отечественной войны, снайпер Чапаевской стрелковой дивизии. Герой Советского Союза 1943 года. После окончания войны была сотрудником Главного штаба ВМФ СССР в звании майора войск береговой обороны.

Людмила Павличенко — самая успешная женщина-снайпер в мировой истории, имевшая на своём счету 309 подтверждённых смертельных попаданий в солдат и офицеров фашистских оккупационных войск.

Родилась Людмила 29 июня (12 июля) 1916 года в посёлке Белая Церковь, ныне город Киевской области Украины, в семье служащего. Русская. Окончила 4 курса Киевского государственного университета. Участница Великой Отечественной Войны с июня 1941 года – доброволец. Когда на территорию СССР вторглись немцы и

румыны, Людмила Павличенко жила в Одессе, где проходила дипломную практику. Как она рассказывала в дальнейшем, «девушек в армию не брали, и мне пришлось пойти на всевозможные уловки, чтобы тоже стать солдатом» [5].

Людмиле упорно советовали пойти в медсестры, но она не соглашалась. Чтобы убедиться в ее умении владеть оружием, военные ей устроили импровизированное «испытание» неподалеку от холма, который защищали советские солдаты. Людмиле вручили ружье и указали на двух румынов, работавших с немцами. «Когда я расстреляла их обоих, меня наконец-то приняли». Эти два выстрела Павличенко не включила в свой список победных — по ее словам, они были всего лишь пробными. Рядовая Павличенко была сразу же зачислена в 25-ю стрелковую дивизию имени Василия Чапаева. Людмиле не терпелось попасть на фронт. «Я знала, что моим заданием будет стрелять в людей,- говорила она. — В теории мне все было ясно, но я понимала, что на практике все совсем иначе». В свой первый же день на фронте она столкнулась с врагом лицом к лицу. Парализованная страхом, Павличенко была не в силах поднять оружие. Рядом с ней оказался молодой солдат, чью жизнь мгновенно забрала немецкая пуля. Людмила была потрясена, шок побудил ее к действию. «Он был прекрасным счастливым мальчиком, которого убили прямо на моих глазах. Теперь уже ничто не могло меня остановить».

Павличенко получила боевое крещение, открыв боевой счет. В одном из боев она заменила погибшего командира взвода, разорвавшимся вблизи снарядом была контужена, однако поле боя не покинула и вообще отказалась идти в госпиталь. Каждый день, как только забрезжит рассвет, снайпер Л. Павличенко уходила «на охоту». Часами, а то и целыми днями, в дождь и на солнцепеке, тщательно замаскировавшись, лежала она в засаде, дожидаясь появления «цели». Не раз выходила победителем и в дуэлях с немецкими снайперами.

Нередко на боевые операции она ходила вместе с Леонидом Куценко, который в дивизию пришел одновременно с ней.

Однажды командование приказало им уничтожить обнаруженный разведчиками командный пункт противника. Когда Павличенко и Куценко находились в засаде, фашисты обнаружили их и тут же открыли ураганный минометный огонь. Осколками близко разорвавшейся мины Леонид был тяжело ранен, ему оторвало руку. Людмила сумела вынести его и под огнем пробраться к своим. Но спасти Леонида не удалось — раны оказались слишком тяжелыми.

Павличенко мстила за своего боевого друга. Истребляла врагов сама и вместе с другими опытными снайперами обучала меткой стрельбе бойцов, передавая им боевой опыт. За период оборонительных боев она воспитала десятки хороших снайперов, которые, следуя ее примеру, истребили не одну сотню гитлеровцев.

На скалистой земле Севастополя встретила снайпер Люда Павличенко свою первую военную осень в горах и первую зиму. В три часа утра обычно она уже выходила в засаду. Иногда она тонула в тумане, иногда искала спасительного укрытия от прорвавшегося сквозь облака солнца, лежала на мокрой, сочащейся влагой земле. Стрелять можно только наверняка, и до выстрела иногда лежала дорога терпения длиною в день или два. Ошибки быть не должно — если обнаружишь себя, то уже не будет спасения.

В октябре 1941 года Приморская армия была переброшена в Крым и после боев на севере полуострова встала на защиту Севастополя. Людмила сражалась в составе прославленной 25-й стрелковой дивизии им. В. И. Чапаева, которая входила в Приморскую армию. Она вместе с воинам Приморской армии и моряками Черноморского флота мужественно защищала этот город русской воинской славы.

К июлю 1942 года из снайперской винтовки Людмила Павличенко уничтожила 309 гитлеровцев. Она была не только отличным снайпером, но и прекрасным педагогом. За период оборонительных боёв она воспитала десятки хороших снайперов, которые, следуя её примеру, истребили не одну сотню гитлеровцев.

Помимо военной деятельности, Людмила Павличенко осуществляла и дипломатическую миссию по вопросу скорейшего открытия второго фронта в Европе. И блестяще справилась с этой задачей, побывав у американского президента Франклина Рузвельта. Его супруга, Элеонора Рузвельт, пригласила Людмилу Павличенко в поездку по стране. Русская героиня побывала во многих американских городах, но больше всего публике запомнилось её выступление в Чикаго. «Джентельмены» - сказала она, обращаясь к собравшейся публике, - «мне 25 лет, на фронте я уже успела уничтожить 309 фашистских захватчиков. Не кажется ли вам, джентельмены, что вы слишком долго прячетесь за моей спиной?» Замершая на минуту толпа, взорвалась неистовым шумом одобрения. Русская женщина - героиня, настолько впечатлила Америку, что популярный певец Вуди Гатри, написал про неё песню под названием «Miss Pavlichenko».

Несомненно, велика роль таких девушек-снайперов в годы Великой Отечественной войны. На долю этих девушек, женщин выпала тяжелая мужская работа защищать свою Родину наравне с мужчинами [6].

Многие из них уже никогда не вернутся домой, не станут женами, матерями, не узнают, что ценой их жизней наша Родина будет свободна и независима. Мы восхищаемся смелостью, силой и мужеством [2] этой легендарной девушки. Людмила Павличенко сражалась с немецко-фашистскими захватчиками и защищала нашу Родину от врагов. Сколько мужества, героизма и боли было перенесено на плечах этой хрупкой девушки! Именно на таких примерах и должна воспитываться наша молодежь. Никогда нельзя забывать, какой ценой завоевано это счастье - жизнь!

Литература

1. Багринцева, О.Б. Лексические единицы Бабки, Батя, Братья, Дядя в воровском жаргоне (на примере лексикографического издания Словарь «Воровского жаргона» www.Lib.run.ru) [Текст]/ О.Б. Багринцева// Сборник статей III Международной научно-практической конференции: Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях. – 2014. - С. 5-8.

2. Багринцева, О.Б. Некоторые особенности современных рекламных жанров (на материале рекламы образовательных услуг) [Текст]/ О.Б. Багринцева, Н.М. Колоколова, Л.Д. Кривых, М.В. Пителина// Гуманитарные исследования. - Астрахань: ФГБОУ ВО «АГУ», 2016. – Вып.2(58). – С.54-61.

3. Колоколова Н.М. Теоретические исследования гендерного направления в лингвистике. Методология гендерных исследований. Альманах современной науки и образования [Текст]/ Н.М. Колоколова// Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: в 3 ч. – Тамбов: «Грамота», 2008. – Ч. 2, №2 (9) - с. 242., С. 89-91.

4. URL.: <http://airaces.narod.ru/snipers/w1/pavlichn.htm>

5. URL.:<http://statehistory.ru/723/ZHenshchiny-snaypery-Velikoy-Otechestvennoy--Supersnayer-Lyudmila-Pavlichenko/>

6. Героини. Вып. 2. (Очерки о женщинах — Героях Советского Союза). - М., Политиздат. - 1969.

References

1. Bagrineva, O.B. Leksicheskie edinicy Babki, Batja, Brat'ja, Djadja v vorovskom zhargone (na primere leksikograficheskogo izdanija Slovar' «Vorovskogo zhargona»

www.Lib.run.ru). Sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: Osnovnye voprosy pedagogiki, psihologii, lingvistiki i metodiki prepodavaniya v obrazovatel'nyh uchrezhdenijah. 2014. pp. 5-8.

2. Bagrinceva, O.B. Nekotorye osobennosti sovremennyh reklamnyh zhanrov (na materiale reklamy obrazovatel'nyh uslug). Gumanitarnye issledovaniya. Astrahan, FGBOU VO «AGU» Publ., 2016. pp.54-61.

3. Kolokolova N.M. Teoreticheskie issledovaniya gendernogo napravleniya v lingvistike. Metodologiya gendernyh issledovanij. Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. Jazykoznanie i literaturovedenie v sinhnorii i diahnorii i metodika prepodavaniya jazyka i literatury. Tambov, «Gramota» Publ., 2008. Part 2, no.2 (9), p.242., pp. 89-91.

4. Available at: <http://airaces.narod.ru/snipers/w1/pavlichn.htm>

5. Available at: <http://statehistory.ru/723/ZHenshchiny-snaypery-Velikoy-Otechestvennoy--Supersnayper-Lyudmila-Pavlichenko/>

6. Geroini. Vyp. 2. (Ocherki o zhenshhinah — Gerojah Sovetskogo Sojuza). Moscow, Politizdat Publ., 1969.

УДК 82

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ С ДРЕВНОСТИ И ДО НАШИХ ДНЕЙ

Н.М. Колоколова., В. Сорокин, А. Медведева

Астраханский государственный университет

В данной статье исследуется изучение Солнечной системы в хронологическом порядке. Особое внимание уделяется первым астрономическим записям о небесных телах и о космосе в целом, наблюдательным данным оценки расстояния до небесных светил, систематическим наблюдениям звездного неба, основанию обсерваторий, открытию новых спутников и планет, новых свойств Вселенной и новых галактик. Результатом данного исследования явился вывод о том, что благодаря техническому прогрессу, происходило не только накопление знаний о Солнечной системе с помощью новых способов добычи информации, но и совершенствование человеческого сознания, стремящегося к познанию Солнечной системы и других галактик.

Ключевые слова: Солнечная система, астрономические открытия, обсерватория, телескоп, спутник, планета, внутренне строение звезд.

HISTORY OF THE STUDY OF THE SOLAR SYSTEM FROM ANTIQUITY TO THE PRESENT DAY

Kolokolova N.M., Sorokin V., Medvedeva A.

Astrakhan State University

This article explores the study of the solar system in chronological order. Particular attention is paid to the first astronomical records of celestial bodies and the cosmos as a whole, the observational data to assess the distance of the heavenly bodies, the systematic observation of the starry sky, the ground observatories, the discovery of new satellites and planets, new features and new galaxies of the universe. The result of this study was the conclusion that due to technical progress, was not only the accumulation of knowledge about the solar system with the help of new methods of information extraction, but also the improvement of the human consciousness, striving for knowledge of the solar system and other galaxies.

Keywords: Solar System, astronomical discoveries, observatory, telescope, satellite, planet, internal structure of stars.

Изучение солнечной системы и около космического пространства издревле заботила людей. Тяга к осознанию неизведанного, побуждала людей активно заниматься этим вопросом даже в суровых условиях древности, когда уровень науки был лишь на зачаточном состоянии и позволял получать знания только с помощью методов наблюдения и построения теорий и гипотез, без применения какой-либо техники [1,5,6].

Так, например, по птолемеевой системе, Земля располагалась в центре Солнечной системы, и вокруг неё (по порядку) обращались: Луна, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн. Насчёт Венеры и Меркурия у древних греков были разногласия. Солнце же и Луну считали планетами. В Древней Греции за основу была принята именно эта система. И уже в дальнейшем древние философы и ученые выдвигали новые теории, опираясь на эту геоцентрическую систему.

Первые астрономические записи о небесных телах и о космосе в целом были сделаны в Египте, Вавилоне и Китае около трех тысяч лет до нашей эры.

Отсутствие каких-либо даже примитивных технологий для изучения небесного свода тормозили развитие этой области науки.

Около 7 века до нашей эры философ Анаксимандр построил первые в Греции элементарные солнечные часы — гномон. Гномон (вертикальный стержень) устанавливался на размеченной горизонтальной площадке. Время дня определялось по направлению или длине тени. Самая короткая тень в течение дня определяла полдень, в течение года — в полдень — летнее солнцестояние. Измерение длины тени в указанные дни позволяло определять широту места и угол наклона эклиптики к экватору [2-4].

В пятом веке до нашей эры математик и астроном Метон создал лунно-солнечный календарь. Этот календарь имел большое практическое значение для оставления народных календарей.

Аристарх Самосский в 4 веке до нашей эры считал, вопреки общепризнанным в его время взглядам, что Солнце неподвижно и находится в центре мироздания, а Земля совершает два движения — вокруг Солнца и вокруг своей оси.

В единственном дошедшем до нас трактате Аристарха «О размерах и расстояниях Солнца и Луны» выполнена первая, основанная на наблюдательных данных оценка расстояния до небесных светил с помощью разработанного им оригинального метода [8].

Далее начиналась эпоха систематических наблюдений звездного неба. Высказывались идеи о движении Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца, предлагались новые методы определения размеров земного шара. Во втором веке до нашей эры были составлены первые таблицы движения Солнца и Луны. Был составлен звездный каталог, содержащий 1022 звезды, разделенных на звездные величины по наблюдаемой яркости [7].

Все эти события и труды были составлены, опираясь лишь на обычных наблюдениях без использования каких-либо технологий.

Но уже в 12 веке нашей эры были основаны одни из крупнейших обсерваторий того времени. Так Пекинская обсерватория известна тем, что в ней был установлен первый инструмент — армиллярная сфера, которая позволяла измерять координаты светил. А в 15 веке в Самаркандской обсерватории был составлен новый звездный каталог, который содержал данные о точном положении 1018 звезд.

В 16 веке Николай Коперник предложили гелиоцентрическую систему строения Солнечной системы. Коперник описал её в своём труде «Об обращениях небесных сфер». По этой системе Земля и другие планеты Солнечной системы обращались

вокруг Солнца в следующем порядке: Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн. Солнце, расположенное в центре, перестали считать планетой [9,11].

Появление на свет в конце 16 века работы Дж. Бруно «О бесконечности, Вселенной и мирах» и работ Джованни Баттиста Порты, посвященных оптике, в которых подробно описаны линзы для наблюдения удаленных предметов, а также изобретение в начале 17 века телескопа Галилеем, положили начало астрономическим наблюдениям про помощи телескопа.

Галилеем были открыты некоторые спутники Юпитера: Каллисто, Ио, Европа и Ганимед. Следом Гюйгенсом был открыт спутник Сатурна – Титан. Чуть позже Кассини обнаружил ещё четыре спутника Сатурна – Япет, Рея, Тетис и Диона [10].

Все эти события имели относительно короткий временной промежуток, так как шло активное преобразование обсерваторий: они были оборудованы точными угломерными инструментами и гигантскими линзовыми телескопами с фокусным расстоянием до 45 м.

В начале 18 века астроном Эдмонд Галлей сделал ряд важных астрономических открытий: основываясь на записях ученых 15-17 веков он доказал, что имеют место последовательные появления одной и той же кометы, обращающейся вокруг Солнца по эллиптической орбите с периодом, равным приблизительно 76 годам (комета Галлея), а также установил, что звезды имеют собственное движение.

Во второй половине 18 века ученым Гершелем был открыт Уран, а также пара его спутников – Титания и Оберон. К заслугам Гершеля также относится обнаружение еще двух спутников Сатурна – Энцелад и Мимас. Также этот век знаменателен тем, что было установлено космическое происхождение метеоритов и активным изучением астероидов и комет.

В 19 веке физики и астрономы начали заниматься важнейшими вычислениями астрономических и физических постоянных, которые в последующие время позволяли открывать небесные тела, опираясь лишь на математические и физические вычисления (но в этом веке они все же требовали визуального подтверждения). Луи Жак Дагер, открыв способ фотографии, получивший название дагеротипии, основанный на разложении иодида серебра под действием света, положил начало применению фотографического метода в астрономии — одного из основных методов изучения Вселенной.

В 1801 году была открыта первая карликовая планета Солнечной системы – Церера. Это открытие совершил Пиацци. В 1846 году Галле и д'Арре на основании расчетов Лаверье открыли восьмую планету Солнечной системы – Нептун. В этом же году был обнаружен его спутник Тритон. Двумя годами позже открыли спутник Сатурна Гиперион.

Развитие обсерватории послужило толчком для новых открытий. В их состав входили астрономическая обсерватория, радиоастрономические и метеорные станции. Основные направления исследований: изучение переменных звезд; фотографические и спектральные исследования звезд, туманностей, галактик; радиоастрономические исследования; космология [12].

Развитие радиотехники и спектроскопии позволили открыть спутники Марса (Деймос и Фобос), еще один спутник Юпитера (Амальтея) и Сатурна (Феба).

Начало 20 века было ознаменовано открытием четырех нерегулярных спутников Юпитера и началом теоретических исследования внутреннего строения звезд. Обсерватории мира оснащаются более мощными телескопами и оборудованием.

В 1930 году ученый Томбо из США открыл девятую планету Солнечной системы – Плутон (ныне карликовая планета). В течение следующих 20 лет астрономы

обнаружили еще три спутника у Юпитера и по одному спутнику у Урана и Нептуна – Миранда и Нереида соответственно.

Но взгляд ученых не задерживается лишь на Солнечной системе. Развивается квантовая физика, молекулярная, атомная. Исследуются радиоволны во Вселенной. Ученые открывают новые галактики, звезды, кометы. Человечество готовится к покорению открытого космоса.

Во второй половине 20 века на орбиту Земли запускается первый искусственный спутник, человек выходит в открытый космос, покоряет Луну. На орбиту выводят телескопы, космические станции. Вместе с этим в Солнечной системе открывают все большее множество спутников Урана, Нептуна, Юпитера и Сатурна. Вокруг Плутона блуждает его собственный спутник – Харон.

В 21 веке наука развивается семимильными шагами. Открываются все новые свойства Вселенной, новые галактики. И для их изучения ученым недостаточно наблюдения с околоземных и земных телескопов. Человечество запускает космические аппараты к разным объектам Солнечной системы, дабы подробнее изучать их. Вследствие чего было открыто уже более тридцати новых мелких спутников пятой, шестой и седьмой планеты нашей системы. В 2005 году были открыты две карликовые планеты - Макемаке и Эрида. В 2004 открыта Хаумеа.

Таким образом, проследив путь изучения Солнечной системы, можно сделать вывод, что благодаря техническому прогрессу, происходило не только накопление знаний о Солнечной системе с помощью новых способов добычи информации. Вместе с этим происходило совершенствование человеческого сознания, позволяющее более быстро, прогрессивно и качественно изучать Солнечную систему, а также заглянуть за её пределы, сделав невиданные и подчас удивительные открытия.

Литература

1. Багринцева, О.Б. Социолексикологический анализ терминов родства в социолексикографическом интернет-издании www.slovoborg.ru [Текст]/О.Б. Багринцева/Сборник статей II Международной научно-практической конференции: Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях. — Астрахань, 2014. — С.10-13.
2. Витковский, В. В. Гномон // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона :— СПб., 1890—1907.
3. Горфункель, А. Х. Джордано Бруно: биография отдельного лица [Текст]/А.Х. Горфункель. — М.: Мысль, 1973. — 175 с.
4. Клеомед Учение о круговращении небесных тел [Текст]/Клеомед. Схолэ. — 2010. — Т. 4.2. — С. 349–415.
5. Колоколова, Н.М. Профессиональная и терминологическая лексика в институциональных маскулинных промиссивах в английском, немецком и русском языках [Текст]/Н.М. Колоколова// Гуманитарные исследования. – Астрахань: ФГБУ ВПО «АГУ»2012. - №2. – С.92-96.
6. Колчинский, И.Г. Астрономы: Биографический справочник [Текст]/ И.Г. Колчинский, А.А.Корсунь, М.Г. Родригес. — 2-е изд., перераб. и доп.. — Киев: Наукова думка, 1986. — 512 с.
7. Кривых, Л.Д. Интерактивные методы обучения как средство развития интереса к иностранному языку у студентов неязыковых специальностей [Текст]/Л.Д. Кривых// Сборник статей I Международной научно-практической конференции: Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях. – 2013 – С.47-51.

8. Муханалиева, А.А. Особенности перевода слов в области географии с английского языка на русский язык [Текст]/А.А. Муханалиева, Д.Н. Худаева// Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции: Язык и межкультурная коммуникация. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский государственный университет», 2003. – С. 52-53.

9. Насиханова, А.З. Междисциплинарный образовательный проект как средство реализации всемирной инициативы CDIO в процессе профессиональной подготовки студентов [Текст]/А.З. Насиханова// Материалы V Международной научно-методической конференции Изменения в образовании в XXI веке: лучшие международные практики и российский опыт. Как сформировать новаторское и предпринимательское мышление. – 2014. – С.88-91.

10. Паннекук, А. История астрономии. — М.: Наука, 1966.

11. Пителина, М.В. К вопросу о методах изучения адресата в рекламе (на материале текстов рекламы образовательных услуг) [Текст]/М.В. Пителина/ Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы – Тамбов, 2012. - С.81-91.

12. Файзиева, Г.В. Инновационные подходы при проектировании образовательных программ дополнительного профессионального образования [Текст]/Г.В. Файзиева// Межвузовский сборник научных трудов: Перспективы дополнительного профессионального образования традиции и инновации. – Астрахань, Министерство науки и образования Российской Федерации, Астраханский государственный университет, Институт непрерывного образования: ИП Сорокин Роман Васильевич. - 2014. – С.77-82.

References

1. Bagrinceva O.B. Social lexicological analysis of kinship terms in the online edition of sociolexicographical www.slovoborg.ru. Collection of Articles II International scientific-practical conference: The main issues of pedagogy, psychology, linguistics and methodology of teaching in educational institutions [Osnovnye voprosy pedagogiki psihologii lingvistiki i metodiki prepodavaniya v obrazovatelnyh uchrezhdeniyah Sbornik statey II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii]. Astrahan, 2014. pp. 10-13.

2. Vitkovskij V. V. Gnomon. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. St. Petersburg, 1890—1907.

3. Gorfunkel A. H. Giordano Bruno: Biography of an individual. – Moscow, Thought Publ., 1973. 175 p.

4. Cleomedes. The doctrine of celestial bodies gyre (AI Schetnikova translation). Shole. . 2010. pp. 349–415.

5. Kolokolova N.M. Professional terminology and vocabulary in institutional masculine promissivah in English, German and Russian languages. Humanities research. Astrakhan, 2012. - №2, pp.92-96.

6. Kolchinskij I.G., Korsun' A.A., Rodrigues M.G. Astronomy: Biographical Directory. Kiev, Naukova dumka, 1986. 512 p.

7. Krivyh L.D. Interactive teaching methods as a means of interest in a foreign language of students of not language specialties. Collection of articles I International scientific-practical conference: The main issues of pedagogy, psychology, linguistics and methodology of teaching in educational institutions. 2013. pp.47-51.

8. Muhanalieva A.A., Khudayeva D.N. Features of the translation of words in geography from English into Russian language. Collection of articles of the VIII International Scientific and Practical Conference: Language and Intercultural Communication. Astrakhan, Publishing house "Astrakhan State University", 2003. pp. 52-53.

9. Nasihanova, AZ The interdisciplinary educational project as a means of implementing CDIO global initiative in the process of training students. Proceedings of the V International Scientific Conference Changes in education in the XXI century: the best international practices and Russian experience. How to create an innovative and entrepreneurial thinking. 2014. pp.88-91.

10. A. Pannekoek History of astronomy. Moscow, Nauka Publ., 1966.

11. Pitelina M.V. On the question of methods of study destination in the advertisement (in the educational services of advertising texts). Almanac of theoretical and applied research Advertising [Almanah teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy]. Tambov, 2012. pp.81-91.

12. Fayzieva, GV Innovative approaches in the design of educational programs of additional vocational training. Interuniversity collection of scientific papers: Prospects of further professional education of tradition and innovation. Astrakhan, Russian Federation Ministry of Science and Education, Astrakhan State University, the Institute of Continuing Education: SP Sorokin Roman Vasilevich. 2014. pp.77-82.

УДК 80

**ИНТЕРНЕТ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЕКТНАЯ МЕТОДИКА В ОБУЧЕНИИ
АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

Л.Д. Кривых
lud-krivykh@mail.ru
АГУ г. Астрахань

Статья посвящена проблеме применения новых технологий в обучении иностранному языку. Обосновывается значимость разработки иных форм и методов преподавания английского языка студентам информационно-технологических специальностей. Рассматривается актуальность использования проектной методики в преподавании иностранного языка. Подробно излагается использование проектной методики на практических занятиях по английскому языку со студентами информационно-технологических специальностей. А также привлекается внимание к вопросу использования новых информационно-коммуникационных Интернет технологий. Приводятся примеры использования подкастов при развитии умений аудирования. Статья адресована учителям и преподавателям иностранных языков, всем интересующимся методикой обучения иностранным языкам на основе новых технологий

Ключевые слова: новые технологии обучения, проектная методика, сервис подкастов.

**INTERNET TECHNOLOGIES AND THE PROJECT METHODOLOGY IN THE
TEACHING OF ENGLISH TO STUDENTS OF INFORMATION TECHNOLOGY
DISCIPLINES.**

L.D. Krivykh
Lud-krivykh@mail.ru
ASU Astrakhan

The article deals with the application of new technologies in teaching foreign languages. Substantiates the importance of the development of other forms and methods of teaching English to students of information technology disciplines.

We consider the relevance of the use of project techniques in the teaching of a foreign language. The paper provides the detailed exposition of the use of project techniques on a practical training in English with students of information technology professions.

As well as drawing attention to the use of new information and communication technologies of the Internet. The article includes examples of the use of podcasts in the development of listening skills.

The article is written for foreign language teachers, all interested in the methodology of teaching foreign languages, based on new technologies.

Keywords: New technology training, the project methodology, support of podcasts.

Интенсификация процесса перехода к информационному обществу, связанная с широким внедрением новых информационных технологий и компьютерных средств телекоммуникации, обуславливает необходимость разработки иных форм и методов преподавания английского языка студентам информационно-технологических специальностей.

В силу своей сложности и многоаспектности лингвистические исследования в настоящее время осуществляются на основе комплексных междисциплинарных подходов и анализируются с позиций методики преподавания новых информационных технологий, профессионально-культурной специфики речевого поведения и т.д.[2].

В настоящее время основной целью обучения студентов информационно-технологических специальностей является формирование общей коммуникативной и профессиональной коммуникативной компетенции специалистов по информационным технологиям.

Проектная методика при этом позволяет реализовать индивидуальный подход к изучению языка с учетом многоуровневой системы преподавания. Индивидуальные проекты рассматриваются нами как дополнительная форма самостоятельной работы студентов [5]. Проектная методика также обеспечивает более высокий уровень языковой подготовки студентов, имеющих хорошие коммуникативные навыки. С другой стороны, данная методика может эффективно использоваться и тогда, когда необходимо ликвидировать отставание обучающегося от учебной программы.

Актуальность использования проектной методики в преподавании иностранного языка — это одна из личностно ориентированных технологий, способ организации самостоятельной деятельности студентов, направленный на решение задачи учебного проекта, интегрирующий в себе проблемный подход, групповые методы, рефлексивные, презентативные, исследовательские, поисковые и прочие методики.

Кроме того, метод проектов — это замечательное дидактическое средство для обучения проектированию — умению находить решения различных проблем, которые постоянно возникают в жизни человека, занимающего активную жизненную позицию [4]. Он позволяет воспитывать самостоятельную и ответственную личность, развивает творческие начала и умственные способности — необходимые качества развитого интеллекта [1].

Системы действий преподавателя и студентов на разных стадиях работы над проектом «The Future of IT»

Стадии	Деятельность преподавателя	Деятельность студентов
1. Разработка проектного задания	Преподаватель отбирает возможные темы и предлагает их студентам	Студенты обсуждают и принимают общее решение по теме
1.1. Выбор темы проекта	Преподаватель предлагает студентам совместно отобрать тему проекта: 1. People in Computing. 2. Recent Developments in IT. 3. The Future of IT. 4. Hackers. Преподаватель участвует в обсуждении тем, предложенных учащимися В результате обсуждения выбрана тема. The Future of IT.	Группа студентов совместно с преподавателем отбирает темы и предлагает группе для обсуждения 3. The Future of IT. 4. Hackers. Студенты самостоятельно подбирают темы и предлагают группе для обсуждения 1. Webpage Creator. 2. Data security
1.2. Выделение подтем и тем проекта	Преподаватель предварительно вычлняет подтемы и предлагает учащимся для выбора 1. Commerce. 2. Work. 3. The Relationship between Humans and Computers. Преподаватель принимает участие в обсуждении со студентами подтем проекта	Каждый студент выбирает себе подтему или предлагает новую 1. Domestic Appliances. 2. Avatars. 3. Robotics. Студенты активно обсуждают и предлагают варианты подтем. Каждый студент выбирает одну из них для себя
1.3. Формирование творческих групп	Преподаватель проводит организационную работу по объединению студентов, выбравших себе конкретные подтемы и виды деятельности	Студенты уже определили свои подтемы и группируются в соответствии с ними в малые команды
1.4. Подготовка материалов к исследовательской работе: формулировка вопросов, на которые нужно ответить, задание для команд, отбор литературы	Если проект объемный, то преподаватель заранее разрабатывает задания, вопросы для поисковой деятельности и литературу: 1. Questions: -Which of some predictions in the developments in IT have come true? -What will be the difference between computes and humans after 2020? -What does it mean “a positive feedback loop” in computer development?	Отдельные студенты группы принимают участие в разработке заданий. Вопросы для поиска ответа могут выработаться в командах с последующим обсуждением группой

	2. Try these websites: www.electrolux.co.uk, www.margherita.com, www.ananova.com, www.robotbooks.com	
1.5. Определение форм выражения итогов проектной деятельности	Преподаватель принимает участие в обсуждении	Студенты в подгруппах, а затем в группе обсуждают формы представления результата исследовательской деятельности: видеофильм, альбом, натуральные объекты, презентация и т.д.
2. Разработка проекта	Преподаватель консультирует, координирует работу студентов, стимулирует их деятельность	Студенты осуществляют поисковую деятельность
3. Оформление результатов	Преподаватель консультирует, координирует работу студентов, стимулирует их деятельность	Студенты вначале по группам, а потом во взаимодействии с другими группами оформляют результаты в соответствии с принятыми правилами
4. Презентация	Преподаватель организует экспертизу (например, приглашает в качестве экспертов параллельную группу, преподавателя- по ИТ и т.д.	Докладывают о результатах своей работы
5. Рефлексия	Оценивает свою деятельность по качеству оценок и активности студентов	Подводят итоги работы, высказывают пожелания, коллективно обсуждают оценки за работу

Проектный метод предполагает принципиально новый подход: «Подумай, вообрази, поразмысли над тем, каким путем и какими средствами это можно было бы выполнить» [3].

Преимущество внедрения Интернет-технологий в процесс обучения иностранному языку уже не вызывает сомнений и не требует дополнительных доказательств. В дидактическом плане сеть Интернет включает в себя два основных компонента: формы телекоммуникации и информационные ресурсы [6].

Одной из форм телекоммуникации является подкаст(podcast)(Вид социального сервиса, позволяющий прослушивать, просматривать, создавать и распространять аудио и видео передачи в социальной сети).Для изучающих английский язык директория подкастов размещена по адресу www.podomatic.com , а также [www.futurelearn.com.](http://www.futurelearn.com), www.British Council.com Использование социального сервера подкастов на практических занятиях по английскому языку для развития умений аудирования со студентами (направление подготовки»Информационные технологии»)

Модель обучения аудированию включает 3 стадии:1. До прослушивания;2. Во время прослушивания ;3. После прослушивания.

Тема:Jobs. My Future Profession.

Подкаст”I Thought You Liked Your Job.”(www.futurelearn.com)

1. До прослушивания:

Задание 1. Прочитайте заголовок и выразите свои предположения по поводу содержания предстоящего подкаста (диалога, интервью, лекции и т.п.).

Задание 2. В группах обсудите следующие вопросы:

-What do people want from work?

-What do you want from work?

2. Во время прослушивания ;

Задание 1. Прослушайте интервью и ответьте на следующий вопрос:

-What was the main problem of Mali?

Задание 2. Послушайте подкаст. Он разбит на 3 части. После прослушивания каждой из частей ответьте на вопрос:

-Why does Mali look so tired?

-What does Mali like about her job?

-What do you think? Does Mali really want to change her job?

3. После прослушивания.

Задание 1. (Можно обсудить содержание подкаста, выразить своё оценочное отношение к нему, развить одну из идей и т. д.)

-What are you good at?

-What do you like doing?

-What kind of job do you like/

Использование информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранному языку позволяет создать оптимальные условия для одновременного формирования иноязычной коммуникативной и информационной видов компетенций.

Литература

1. Багринцева, О.Б. Learner's guide Методические рекомендации [Текст]/О.Б. Багринцева. - Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2012. - 56с.
2. Зобнина, О.А. Языковое выражение категории ценности и оценки смысловой функции концепта [Текст]/О.А. Зобнина// Филологические вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – с. 102-104.
3. Колоколова, Н.М. Коллективная деятельность студентов [Текст]/Н.М. Колоколова// МНПК «Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях. – Знаменск: Астраханский университет. - 2015 – с.42-44.
4. Кривых, Н.И. Формирование ценностного отношения к иностранному языку лингвистическими средствами у студентов неязыковых специальностей («Культурология») [Текст]: Метод. Рекомендации/Н.И. Кривых. — Астрахань: Изд-во Астраханского гос. ун-та, 2003. - 16 с. - ISBN (В обл.).
5. Насиханова, А.З. К вопросу о сущности понятия «иноязычная компетенция» [Текст]/А.З. Насиханова//Гуманитарные исследования. – Астраханский университет. – 2013. – с. 41-46.
6. Сысоев, П.В. Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных Интернет-технологий [Текст]: Учебно-методическое пособие/П.В.Сысоев, М.Н.Евстигнеев. - Москва, «Глосса-Пресс»-2010.- с.5-179.

References

1. Bagrintseva O.B. Learner's guide. Guidelines. Astrakhan, Astrakhan State University, Astrakhan University Publ. 2012. 56p.

2. Zobnina O.A. Linguistic expression value category and evaluate the concept of semantic features. Philological theory and practice [Filologicheskie voprosy teorii i praktiki]. Tambov, 2013. p.104.

3. Kolokolova N.M. Collective activity of students-spine. PBMCs "Basic questions of pedagogy, psychology, linguistics and methodology of teaching in educational institutions. Znamensk, Astrakhan University. 2015. p.42-44.

4. Krivyh N.I. Formation of the valuable relation to foreign language students linguistic means language specialties ("Cultural Studies") method. Recommendation. Astrakhan: Astrakhan State University Publ. 2003. 16 p. ISBN (in reg.).

5. Nasihanova A.Z To the question about the essence of the concept of "foreign language competence". Humanities Research. Astrakhan University. 2013. pp. 41-46.

6. Sysoev P.V., Evstigneev M.N. Methods of learning a foreign language using the new information and communication technologies of the Internet. Educational handbook. Moscow, "Glossa-Press". 2010. pp.5-179.

УДК 811.161.1.

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ СОБСТВЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Л.И. Кузнецова

Lukuznet@gmail.com

МГТУ им. Н.Э.Баумана

Цель моего исследования состоит в том, чтобы помочь начинающему преподавателю выявить на лингвистической основе трудности, возникающие перед иностранными учащимися при овладении названными грамматическими явлениями русского языка, и дать методические рекомендации, с помощью которых создаются условия их понимания. Начальный этап обучения второму языку наиболее ответственный. Именно здесь закладывается база языка, от прочности которой зависит овладение языком на более продвинутом этапе.

Обязательным условием для практического владения вторым языком как иностранным является умение строить предложения, соответствующие определенным речевым ситуациям, согласно нормам этого языка.

Ключевые слова: лингвистический подход, грамматическое явление, речевые ситуации, нормы языка, речевые образцы.

THE FORMATION PROCESS OF FOREIGN STUDENTS AT THEIR OWN STATEMENTS IN A FOREIGN LANGUAGE

Kuznetsova L.I.

Lukuznet@gmail.com

Bauman Moscow State Technical University (BMSTU)

The goal of my research is to help beginning teachers to identify on the basis of the linguistic difficulties encountered by the foreign students in mastering named grammatical phenomena of the Russian language, and provide guidelines by which the conditions of their understanding. The initial stage of learning a second language is the most responsible. It is here that lays the base of the tongue, on the strength of which depends on the mastery of the language at a more advanced stage.

A prerequisite for the practical knowledge of a second language as a foreign language is the ability to construct sentences that meet certain speech situation, according to the norms of the language.

Keywords: linguistic approach, grammatical phenomenon, speech situations, language norms, speech patterns.

Практическое овладение русским языком иностранцами оказывается делом весьма нелегким в основном из-за наличия в нем падежной системы. Усвоение многозначности падежей, многообразия флексий, самого принципа формоизменения имен существительных, местоимений прилагательных, числительных не способствует такому быстрому, как бы нам хотелось, становлению речевых навыков и умений на русском языке. Падежная система по разным причинам оказывается трудной для большинства иностранцев, независимо от того, существует или нет в их языке данное грамматическое явление. Поэтому проблема выработки умений и навыков употребления падежей в речи является одной из основных и наиболее сложных проблем методики преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе обучения.

В статье не становится задача дать критический анализ содержанию системы в практических пособиях по русскому языку для иностранцев. Мы хотим указать на основные трудности, с которыми встречаются иностранцы при изучении падежей, и назвать некоторые принципы и методические приемы, способствующие осознанному овладению падежной системой, определить пути активизации грамматических навыков, закрепления падежных форм в речи в соответствии с потребностями общения на начальном этапе обучения.

Практика преподавания русского языка как иностранного во взрослой аудитории знает множество подходов к проблеме отбора значений падежей и последовательности их изучения на начальном этапе. Авторы одних пособий придерживаются принципа «горизонтальной» подачи падежа, т.е. дают несколько значений сначала одного падежа, закрепляя его на материале разных частей речи, затем вводят следующий падеж и т.д. Другие авторы предпочитают концентрический способ подачи. Каждый из этих подходов в конечном результате, не считая некоторых частных случаев, отражает падежную систему русских имен в объеме, отобранном в целях преподавания русского языка как иностранного [1].

Мы не ставили задачу давать определенные рекомендации к последовательности изучения падежей в процессе обучения. Также не становится задача дать описание всех структурных моделей, включающих падежные значения и формы, - это заняло бы слишком много места. Остановимся на некоторых значениях падежей и через их анализ попытаемся показать общие принципы подхода к изучению падежной системы русского языка.

Выработка умений и навыков употребления падежей в речи на начальном этапе проводится на ограниченном лексическом материале в пределах отобранной тематики. Тематика начального этапа определена и ограничена ситуациями повседневного общения в условиях новой языковой среды. Приведем примерные темы начального этапа, в пределах которых происходит активизация языкового материала. Эти темы в разных вариантах и разной последовательности приводятся во всех пособиях для начального этапа обучения русскому языку.

1.	Знакомство.	7.	Занятия.
2.	Семья.	8.	В библиотеке.
3.	Мои друзья.	9.	В столовой, в буфете.
4.	Моя комната.	10.	В магазине.
5.	В общепитии.	11.	На почте.
6.	Мой день.	12.	Транспорт.

13.	В театре, на стадионе.	17.	Родной город учащегося.
14.	Здоровье.	18.	Страна изучаемого языка.
15.	Погода.	19.	Родная страна учащегося.
16.	Город, где живёт учащийся.		

Активизация всего лексико-грамматического материала начального этапа, в том числе наиболее его существенной части - падежной системы, проходит в пределах указанной тематики. Следовательно, чем шире изучаемые языковые единицы будут проникать в разные речевые ситуации, обслуживающие эти темы, тем прочнее будет заложена речевая база для последующих этапов обучения. Одна из главных задач начального этапа - заложить основы правильности речи. Решение этой задачи требует осознанного понимания значений и форм грамматических и лексических единиц языка и обильной практики в употреблении их в речи.

Подход к ознакомлению с падежной системой русского языка на практике реализуется двумя путями. В первом случае учащимся дается общее представление о падежной системе русского языка и на конкретном материале показываются некоторые из падежных значений, выражаемых разными формами. Такое ознакомление желательно проводить в сопоставлении с родным языком учащихся, готовя их, таким образом, психологически к восприятию нового языка с другим грамматическим строем [2]. Естественно, что этот путь может быть реализован лишь в том случае, если преподаватель владеет языком учащихся или имеет на этом языке печатные материалы, пользуясь которыми учащиеся легче воспринимают объяснение преподавателя на русском языке.

К сожалению, это путь в настоящее время осуществить очень трудно: либо преподаватель не знает языка обучаемого, либо обучение ведется по учебнику, не учитывающему родной язык учащихся. Поэтому на практике проблема решается по-другому: падежная система подается небольшими частями, осознанно усвоенная часть материала тренируется и вводится в речь, на каком-то этапе производится обобщение микросистем, представляющих собой законченный цикл.

Однако любой из этих путей требует осознанного понимания значений, выражаемых теми или иными падежными формами, а для этого самый короткий и надежный путь - сопоставление с родным языком учащихся. На начальном этапе, когда вводятся базовые структурные модели, опора на родной язык более необходима, чем на продвинутом этапе, когда учащийся уже «вошел» в строй русского языка, понимает логику и в состоянии подобрать адекватные грамматические понятия в своем родном языке или языке-посреднике.

Не имея возможности опираться на родной язык учащихся, преподаватель вынужден проявить много изобретательности в подборе языкового или наглядного материала, чтобы добиться его адекватного понимания. Неадекватное или приблизительное понимание сущности грамматического явления может явиться причиной ошибок при попытке построить собственное высказывание.

Учитывая этот факт, преподаватель должен построить свою работу таким образом, чтобы учащиеся смогли правильно соотнести изучаемое грамматическое явление с аналогичным явлением в родном языке и, установив сходство и различия в его языковом выражении, использовали в речи в соответствии с нормами русского языка.

Литература

1. Аркадьева, О.М. Употребление падежей в речи [Текст]: под ред. А.А. Миролюбов/О.М. Аркадьева. – М.: Изд. МГУ, 1975. - 125 с.

2. Аркадьев, П.М. Падежи в языках мира. URL.: <https://postnauka.ru/video/55540> (26.11.2015г).

References

1. Arkad'eva O.M. Upotreblenie padezhej v rechi; pod red. A.A. Miroljubov. Moscow, MGU Publ., 1975. 125 p.

2. Arkad'ev P.M. Padezhi v yazyках mira. Available at: <https://postnauka.ru/video/55540> (accessed 26.11.2015г).

УДК 80

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НОРМ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

А.А. Муханалиева,

altinay65@mail.ru

Астраханский государственный университет

С.И. Ильясов

Российский университет дружбы народов

Статья посвящена нормативному речевому поведению. Нормативное речевое поведение – это такой вид поведения, который принимается в лингвокультурном сообществе. Статья рассматривает стандартные коммуникативные ситуации в языковом сообществе.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, норма, межкультурная коммуникация.

TO THE QUESTION OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR

A.A. Muhanalieva,

altinay65@mail.ru

Astrakhan State University

S.I. Ilyasov

Russian University of Peoples' Friendship

The article is devoted to the normative speech behavior. Normative verbal behavior - is the kind of behavior that is accepted in the lingua-cultural community. The article deals with the standard communicational situations in the linguistic community.

Keywords: communicative behavior, the norm, intercultural communication.

Нормативное коммуникативное поведение - поведение, принятое в данной лингвокультурной общности и соблюдаемое в стандартных коммуникативных ситуациях большей частью языкового коллектива. Ненормативное коммуникативное поведение - поведение, нарушающее принятые нормы. О нормах коммуникативного поведения можно говорить в четырех аспектах: общекультурные нормы, групповые нормы, ситуативные нормы и индивидуальные нормы. Общекультурные нормы коммуникативного поведения характерны для всей лингвокультурной общности и в значительной степени отражают принятые правила этикета, вежливого общения. Они связаны с ситуациями самого общего плана, возникающими между людьми вне зависимости от сферы общения, возраста, статуса, сферы деятельности и т.д. Это такие ситуации, как привлечение внимания, обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинение, комплимент, разговор по телефону, письменное сообщение, поздравление, благодарность, пожелание, утешение, сочувствие, соболезнование. Это – стандартные ситуации. Общекультурные нормы общения национально специфичны. Ситуативные нормы обнаруживаются в случаях, когда общение определяется конкретной

экстралингвистической ситуацией. Такие ограничения могут быть различны по характеру. Граница между различными типами подвижна, она может нарушаться. Кроме того, здесь также наблюдается национальная специфика: так, общение мужчины и женщины в русской культурной традиции выступает как горизонтальное, а в мусульманской – как вертикальное; общение старшего с младшим у мусульман гораздо более вертикально, чем у русских и т.д. Практически межкультурная коммуникация на индивидуальном уровне представляет собой столкновение различных взглядов на мир, при котором партнеры не осознают различия во взглядах, считают свое видение мира «нормальным», видят мир со своей точки зрения. Поведение коммуникантов при этом характеризуется ситуацией, когда нечто само собой разумеющееся одной стороны встречает нечто само собой разумеющееся другой. Сначала, как это часто бывает, обнаруживается открытое непонимание, то есть осознание того, что «здесь что-то не так», что мнение и понимание не совпадают. При этом не ставится под сомнение свое «нечто само собой разумеющееся», а занимается этноцентристская позиция к партнеру, ему приписывается глупость, невежество или злой умысел. И в то же время, каждый человек, вероятно, может вспомнить ситуации из своей жизни, когда общение с другими людьми было ясным, понятным и легким. В таких ситуациях присутствует естественное желание понять другого человека, не обидеть его, не сделать что-то не так и т.д. Такой тип общения и понимания человека называется эмпатией, которая основана на умении поставить себя на место другого, взглянуть на все его глазами, почувствовать его состояние и учесть все это в своем поведении и поступках. Она предполагает большую чувствительность, сенситивность к состоянию партнера. Каждый вид коммуникации характеризуется особыми отношениями партнеров, их направленностью друг на друга. В этом отношении специфика межкультурной коммуникации заключается в желании понять, о чем думает партнер, причины его поведения, его точку зрения и образ мыслей. Поэтому при межкультурной коммуникации, чтобы понять коммуникативное поведение представителей другой культуры, необходимо рассматривать его в рамках их культуры, а не своей. Специфика межкультурной коммуникации заключается в том, что в ней определяющим становится эмпатический подход, т.е. мысленное, интеллектуальное и эмоциональное проникновение во внутренний мир другого человека, в его чувства, мысли, ожидания и стремления. Эмпатия основывается на предположении, что в одинаковых обстоятельствах все люди переживают одинаковые чувства и ощущения и это позволяет им понять другие точки зрения, идеи и различные культурные явления. На этом основании возникает способность человека представить себя на месте другого человека, принять его мировоззрение, понять его чувства, желания, поступки. Здесь все основывается на опыте другого человека, а не нашем собственном [2]. В состав коммуникативного поведения входит социально и коммуникативно-значимое бытовое поведение совокупность предметно – бытовых действий людей, получающих в данном обществе, в данной лингвокультурной общности смысловую интерпретацию и тем самым включающихся в общий коммуникативный процесс и влияющих на поведение и общение людей. По мнению Н. И. Формановской, это своеобразный язык повседневного поведения, или социальный символизм. Социальный символизм зачастую не замечается членами социума, хотя довольно строго «соблюдается» – то есть используется, интерпретируется в межличностных отношениях. Символический смысл того или иного явления может быть совершенно не воспринят в другой культуре, не понят, а может и получить там самую неожиданную интерпретацию, что может привести представителей разных культур к прямому конфликту. Таким образом, один и тот же факт бытового поведения получает разную коммуникативную интерпретацию в разных культурах. Цветы считаются вежливым, интеллигентным и

этикетным подарком у русских, а у китайцев они не имеют такого значения. Подача холодного ужина немцами рассматривается русскими как проявление лени немецких хозяек и неуважение к гостям, в то время как у немцев это просто национальная традиция. Подобные примеры могут быть приведены во множестве. Социальный символизм является компонентом национальной культуры. Речевой этикет также является составной частью коммуникативного поведения. Соотношение этих понятий - особый вопрос. Ряд исследователей сходятся во мнении, что коммуникативное поведение – более широкое понятие, чем речевой этикет. Последний связан, в основном, со стандартными речевыми формулами в стандартных коммуникативных ситуациях, отражающими категорию вежливости, а коммуникативное поведение описывает тематику общения, восприятие тех или иных коммуникативных действий носителями языка, особенности общения в больших коммуникативных сферах типа семья, коллектив, иностранцы, знакомые, незнакомые и многих других. Коммуникативное поведение описывает не только вежливое, эталонное общение, но и реальную коммуникативную практику.

Литература

1. Муханалиева, А.А. О роли нормативного коммуникативного поведения [Текст]/А.А. Муханалиева//Сборник статей I Международной научно-практической конференции «Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях».
2. Пеллегрини, Р. Как повысить свой интеллект [Текст]/Р. Пеллегрини, М. Политис. - М.: АСТ; Астрель, 2003.

References

1. Muhanalieva A A The role of a normative communicative behavior Collection of articles I International scientific-practical conference "The main issues of pedagogy, psychology, linguistics and methodology of teaching in educational institutions" [Sbornik statej I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii Osnovnye voprosy pedagogiki psihologii lingvistiki i metodiki prepodavaniya v obrazovatelnyh uchrezhdeniyah].
2. Pellegrino R. How to improve your intelligence. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2003.

УДК 811.161

ІННОВАЦІЙНІ ПРИКМЕТНИКИ, УТВОРЕНІ ШЛЯХОМ ЧЕРЕЗКРОКОВОЇ ДЕРИВАЦІЇ

Є.Б. Новікова

vasilyok@ukr.net

Харківський національний автомобільно-дорожній університет

У статті досліджено структурно-семантичні особливості інноваційних прикметників сучасної української мови. Розглянуто явище черезкрокової деривації та появи лакун у словотвірних ланцюжках. Виявлено й проаналізовано нові словотвірні засоби, моделі і типи. Установлено мотиваційні стосунки інноваційних похідних прикметників і твірних баз різної частини мовної належності. Систематизовано морфологічні зміни, що відбуваються під час творення прикметників-неологізмів.

Ключові слова: новотвір, неологізм, інновація, черезкрокова деривація, прикметник, структурно-семантичні особливості, українська мова.

INNOVATIVE ADJECTIVES FORMED BY MEANS OF STEP-DROP DERIVATION

Novikova Ye.B.
vasilyok@ukr.net

Kharkiv National Automobile and Highway University

The article deals with the structural and semantic features of innovative adjectives of the modern Ukrainian language. The phenomenon of step-drop derivation and the availability of gaps in word-building chains has been described. New word-building tools, models and types have been identified and analyzed. Motivation relations of innovative derivatives of adjectives and forming stems of different part-of-speech appliance have been discovered. Morphological changes that accompany the formation of innovative derivative adjectives have been systematized.

Key words: neoform, neologism, innovation, step-drop derivation, adjective, structural and semantic features, the Ukrainian language.

ИННОВАЦИОННЫЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПУТЕМ ЧЕРЕССТУПЕНЧАТОЙ ДЕРИВАЦИИ

Е.Б. Новикова
vasilyok@ukr.net

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет

В статье исследованы структурно-семантические особенности инновационных имен прилагательных современного украинского языка. Рассмотрено явление чересступенчатой деривации и появления лакун в словообразовательных цепочках. Выявлены и проанализированы новые словообразовательные средства, модели и типы. Установлены мотивационные отношения инновационных производных прилагательных и производящих баз, принадлежащих к разным частям речи. Систематизированы морфонологические изменения, возникающие при образовании прилагательных-неологизмов.

Ключевые слова: новообразование, неологизм, инновация, чересступенчатая деривация, имя прилагательное, структурно-семантические особенности, украинский язык.

Постійні зміни в природі та суспільстві накладають відбиток і на саму людину, і на її мову. Мова ніколи не зупиняється у своєму розвитку, який є об'єктивним та незмінним і взаємозумовлюється поступальним рухом людського суспільства взагалі й кожної особистості зокрема. Проблеми лінгвального освоєння дійсності, закономірне прагнення до поглиблення інформативності та місткості висловлюваного, зближення культурологічних сфер народів світу спричиняють постійні зміни в українській мові. Мова газети, реклами, Інтернету, усне публічне (радіо, телебачення) і живе мовлення дають змогу дослідникам фіксувати ті зміни, які мають місце в суспільстві й мові.

В останні десятиліття, поряд із іменниками, які становлять найбільшу кількість інновацій, помітно збагатили лексичний склад української мови й нові ад'єктиви, утворені як від власне українських так і запозичених твірних баз.

Вивченню ад'єктивів сучасної української мови в порівняльно-історичному аспекті присвятили свої праці І. Ковалик [6], І. Кунець, О. Шевчук. Структурно-семантичні особливості лексико-граматичних розрядів прикметників досліджували В. Васильченко, І. Вихованець [2], А. Грищенко [4], М. Жовтобрюх, І. Кірічек, М. Степаненко та ін.; еволюцію значень, специфічні характеристики ознакових слів як конструктивних елементів прикметникової системи мови – З. Валюх. Окремі питання творення ад'єктивів зацікавили таких лінгвістів, як К. Городенська, В. Горпинич, М. Доленко, З. Каспришин, Н. Клименко, Р. Коца, О. Мізіна, О. Рудь. Вивченню прикметників як твірної бази в аспекті основоцентричної дериватології приділив увагу В. Грещук [3]. Особливості структури й семантики інноваційних ознакових слів висвітлено в роботах Г. Вокальчук, Ж. Колоїз [7], С. Лук'яненка, Д. Мазурик, А. Нелюби [8], О. Стишова [10], Н. Стратулат та ін.

Незважаючи на різноаспектне вивчення прикметників, усе ж недостатньо дослідженими на сьогодні залишаються інноваційні ознакові слова, зокрема утворені шляхом пропуску одного кроку в словотвірному ланцюжку. Особливого коментарю потребує дослідження словотвірної семантики цих одиниць. Мета статті – з'ясувати особливості семантико-словотвірної структури інноваційних похідних прикметників, що з'явилися внаслідок черезкрокової деривації.

Проаналізувавши фактичний матеріал, ми виявили похідні ад'єктиви з суфіксом **-ут-** (**-нут-**, **-онут-**) на позначення дієприкметникової ознаки (*ЄПНутий, VIPнутий, дахонутий, шансонутий*), що є оказіональними й утвореними шляхом черезкрокової деривації (пропущена дієслівна ланка), і тому кваліфікуємо їх як відіменникові (*дах, шансон*) та відаббревіатурні (*ЄП, VIP*) прикметники зі словотвірним значенням надмірного вияву ознаки. Ці новотвори мають негативну стилістичну забарвленість, що посилюється асоціативним зв'язком із ненормативними лексемами, утвореними за цією ж моделлю (<...> *він, прошу панства, тримається гонорово, тільки з VIPнутої какофонії вичавлює камерну мелодію* <...> (Перкулайнен Л. Коли). *«Шансонуте» покоління недорозвинуте* (Березіль (далі – Б), травень–червень 2007)).

Шляхом черезкрокової деривації утворено інноваційні одиниці з формантом **-н-** (*еротизований, нобельований, зазомбований, дебілізований, діркований, дерозумований*), які переважно є також оказіоналізмами дієприкметникового походження, оскільки в багатьох випадках відповідне дієслово в узусі відсутнє [*еротизувати, нобелювати, дебілізувати, діркувати, дерозумувати*] (*Зазомбований Кремлем Донбас знайшов загрозу навіть у мирному плані Порошенка* (Експрес, червень 2014); <...> *недобитий існуючий музей Д. Яворницького, дебілізовані пролетарські натовпи і намул «образованицини» технічної й гуманітарної місцевої інтелігенції...* (ЛУ, серпень 2007); *Як на мене, ми маємо справу з дерозумованими суб'єктами, котрі повертаються до диктатури інстинктів...* (ЛУ, жовтень 2004).

Зафіксовано лише один ад'єктив-неологізм із часовою характеристикою, утворений за допомогою суфікса **-н-** *давноколішній* (<...> *скалічено мене десь у корчемній бійці, а не в найголоснішій битві, яку бачили віки давноколішні й теперешні і яку навряд чи побачать віки прийдешні* [9, с. 111]). У словнику за ред. А. Нелюби цей новотвір мотивований прислівником *давно-колись*, хоча ймовірніше, на нашу думку, твірною базою такої одиниці є словосполучення *колись давно*.

Разовим у творенні прикметника із значенням ступеньованої ознаки є використання вигуку: *капецьніший* ← *капець*. У цьому разі можемо говорити або про черезкрокове словотворення, оскільки в узусі відсутній прикметник *капецьний*, який міг би бути твірною базою вказаного деривата, або про використання форманта **-ніш-** як різновиду **-іш-**. У будь-якому випадку можемо стверджувати, що цей дериват є виявом невідповідності його структури (форми) змістові (*А капець усьому подибуємо на стор. 271. <...> Ось вам ще капецьніше місце на стор. 211: «Власниця квартири перехиляється через балкон...»* (ЛУ, січень 2008)).

Проаналізувавши фактичний матеріал, ми виявили значну кількість інноваційних ад'єктивних одиниць, що становлять суперлативні форми співвідносної міри якості. Усі вони без винятку є оказіональними, оскільки утворені з порушенням граматичних і словотвірних норм української мови. Традиційно найвищий ступінь порівняння прикметників утворюють від вищого ступеня порівняння за допомогою формотвірного префікса **най-**. Дібраний мовний матеріал дає підстави стверджувати, що номени на зразок *найапелъсиновіший, найкінематографічніший, найукраїнніший* утворено від відносних прикметників за допомогою форманта **най-...-іш-**, оскільки компаративна форма цих ад'єктивів відсутня (ідеться про черезкрокове словотворення). Тому вважаємо, що елементи цього конфікса є синкретичними (одночасно виконують

словотвірну функцію і указують асоціативно на ступінь співвідносної міри якості деривата), хоча такі прикметники, як зазначали вище, не можуть мати форм співвідносної міри якості.

Про продуктивність цього конфікса свідчить те, що він може сполучатися з прикметниками найрізноманітнішої семантики:

- з просторовим значенням (**найцентральноіший** ← *центральный*);
- на позначення спеціальних понять (**найхрестоматійніший** ← *хрестоматийный*, **найекранізованийіший** ← *екранизованный*, **найкінематографічнийіший** ← *кінематографичный*, **найкіногенічнийіший** ← *кіногеничный*, **найфундаментальніший** ← *фундаментальный*, **найаксіоміший** ← *аксиома*);

- національної та державної ознаки (**найамериканськіший** ← *американский*, **найукраїнніший** ← *український*, **найсовковіший** ← *совковий*, **найінтернаціональніший** ← *інтернаціональний*).

Для досягнення рекламної мети в засобах масової інформації прикметники на позначення смаку та кольору також набули суперлативних форм: **найпомідорніший** ← *помідорний*, **найапелсиновіший** ← *апельсиновий* (**Найпомідорніша** томатна паста надасть стравам смаку стиглих, налитих сонцем херсонських помідорів (Реклама торгової марки «Чумак»)).

Від розмовних відносних прикметників було утворено ад'єктив зі значенням надмірного вияву ознаки: **найкіношніший** ← *кіношний*, **наймультяшніший** ← *мультяшний* (Сьогодні **наймультяшніший** день на рік (ТСН, квітень 2012)). Сленгізми також можуть продукувати стилістично марковані ступеньовані оказіональні форми: **найтусовочніший** ← *тусівковий* або *тусовочний*, **найдрайвовіший** ← *драйвовий* (**Найдрайвовіший** гурт українського шоу-бізнесу «O.Torvald» (Новий канал, грудень 2013)).

Фіксуємо навіть похідні інноваційні прикметники із значенням найвищого ступеня ознаки від дієслівних прикметників (дієприкметників), що не властиве для узуального словотворення: **найгарантованіший** ← *гарантований*, **найживодерніший** ← *живодерний*, **найзарядженіший** ← *заряджений*, **найполітизованийіший** ← *політизований*, **найрозрайовуванийіший** ← *розрайовуваний*, **найочікуванийіший** ← *очікуваний*, **найексплуатованийіший** ← *експлуатований*, **найвідкритіший** ← *відкритий*, **найзбоченийіший** ← *збочений*, **найзневіреніший** ← *зневірений*. Твірні основи віддієприкметникового походження менш продуктивні у творенні таких інноваційних одиниць. Зауважимо, що ад'єктив *відкритий* зі значенням «неприхований, нетаємний», що має абсолютну якісну ознаку, теж може утворювати ступені ознаки: **Найвідкритіший** ВНЗ країни – Івано-Франківський медуніверситет (Правда.if.ua, квітень 2014).

Значною у творенні інноваційних компаративів є група похідних ад'єктивних твірних баз із заперечною часткою *не-*: **найневипадковіший** ← *невипадковий*, **найнефартовіший** ← *нефартовий*, **найнезалежніший** ← *незалежний* (Кандидат у президенти, лідер Християнсько-ліберальної партії України Леонід Черновецький є **найбагатішим і найнезалежнішим** кандидатом на пост Президента країни за всю історію України (Влада і закон, серпень 2004)).

На значення найвищого ступеня вияву ознаки, носієм якого є формант *най-...-іш-*, накладається семантика кількості, виражена прикметником нульового ступеня ознаки *ніковий*, у новотворі **найніковіший** (Тож «УМ» **вирішила з'ясувати це безпосередньо на місці. У «найніковіший час», себто о пів на дев'яту ранку** (УМ, грудень 2007)).

«Узаконенню» таких процесів, як зазначає А. Нелюба, сприяє те, що вони є виявом явищ парадигматичного вирівнювання й черезкрокового словотворення. Крім того, подані деривати «самі можуть бути потенційними – виступати пропущеною

ланкою і сприяти подальшому розгортанню словотвірної ланцюжка», що також інтенсифікує поширення таких одиниць [8, с. 60].

Фактичний матеріал дає змогу виділити суперлативні форми відсубстантивних okazіоналізмів, що репрезентують категорію співвідносної інтенсивності ознаки (*найкозачніший* ← *козак*, *наймафійніший* ← *мафія*, *найтокшовіший* ← *токшоу*, *найфераріший* ← *ферарі*: Вони сварилися, який ферарі *найфераріший* [9, с. 314]). Оскільки дериваційною базою аналізованих okazіоналізмів виступають іменники, можемо говорити про появу нової словотвірної моделі.

Поповнився лексичний склад української мови й незначною кількістю неологізмів, утворених префіксально-суфіксальним способом із залученням форманта *все-...-ськ-* (*-цьк-*) зі значенням «який охоплює все, що пов'язане із семантикою твірної основи» від твірних баз – власних назв (*всебарвінчатський* ← *Барвінок*). Відзначимо, що для деривата *всебарвінчатський* властивою є черезкрокова деривація, оскільки в узусі відсутня лексема «*барвінчата*», хоча у дискурсі цього часопису вона дуже поширена. Таке словотворення є виявом економії на рівні словотвірних ланцюжків і парадигм (*Тож оголошую преший в історії журналу всебарвінчатський референдум* (Барвінок, березень 2007)).

В інноваційних інтерфіксально-суфіксальних прикметниках, утворених від словосполучень із головним словом-субстантивом, поширеним є постпозиційний елемент *-мов-*. У поєднанні з відтопонімічними прикметниками постають стилістично нейтральні інноваційні ад'єктиви (*ірландськомовний* ← *ірландська мова*, *нідерландськомовний* ← *нідерландська мова*, *фламандськомовний* ← *фламандська мова*: Наприклад, у 2005 році вирішено на західному узбережжі країни замінити на *ірландськомовні* всі англомовні вивіски (Д, червень 2007)). Поєднуючись із якісними прикметниками, утворюються стилістично забарвлені інноваційні одиниці (*яскравомовний* ← *яскрава мова*, *кусячомовний* ← *кусяча мова*: *Кусячомовні хлопці і дівчата, Ви розтлумачте нам, ради Христа, З якого дива, на якого ката Свої ви оскверняєте вуста?* (Ребро П. Стоп ганьби). На нашу думку, інноваційний ад'єктив *цапомовний*, який А. Нелюба мотивує словосполученням *мова цапа*, указуючи на його творення шляхом черезкрокової деривації (в мові відсутня складна номінація *цапомова*, яка могла б бути твірною базою відповідного прикметника) [9, с. 574], мотивується прикметниково-іменниковою твірною базою *цапова мова* й має значення «який пов'язаний із цаповою мовою» (за аналогією до *бджолинорійний* ← *бджолинний рій*).

Інноваційний ад'єктив *звіробогий* ← *звір* і *Бог* («бог, у якого окремі частини тіла є звіриними», як, наприклад, Анубіс («бог з тілом людини та головою шакала»), Інпут («богиня з тілом жінки та головою собаки»)): *І надпочата звіробога даль Над горизонтом ділиться надвоє* (Дзвін, квітень 2007). Цей неологізм також утворено шляхом черезкрокової деривації, пропущеною ланкою якої є складний іменник *звірбог*.

У сучасній українській мові незначна кількість нових прикметників-комполітів з'явилася внаслідок черезкрокового словотвору – деривації ознак від різних твірних основ, які не зафіксовані в сучасній мовленнєвій практиці. Прикладом такого okazіонального утворення є складний ад'єктив *чорнооперений*, який утворився від дієслова *чорнооперити*, відсутнього в мові, і, у свою чергу, є похідним від словосполучення *чорне оперення*. Наразі такі утворення є okazіональними.

Отже, деяким інноваційним ад'єктивам, більшою мірою суфіксальним та конфіксальним, меншою – складним, властивий черезкроковий словотвір, оскільки в узусі пропущена словотвірна ланка. Така деривація є виявом економії на рівні словотвірних ланцюжків і парадигм.

Література

1. Білоусенко, П. І. Нариси з історії українського словотворення (іменникові конфікси) [Текст]/ П. І. Білоусенко, І. О. Іншакова, К. А. Качайло, О. В. Меркулова, Л. М. Стівбур. – Запоріжжя – Кривий Ріг : ЛПКС, 2010. – 480 с.
2. Вихованець, І. Теоретична морфологія української мови. Академічна граматики української мови [Текст]/ І. Вихованець, К. Городенська // за ред. І. Вихованця. – К. : Пульсари, 2004. – 400 с.
3. Грещук, В. В. Нариси з основоцентричної дериватології [Текст]/ В. В. Грещук, Р. О. Бачкур, І. Ф. Джочка, Н. М. Пословська; за ред. В. Грещука. – Івано-Франківськ : Місто НВ, 2007. – 348 с.
4. Грищенко, А. П. Прикметник в українській мові [Текст]/ А. П. Грищенко. – К. : Наук. думка, 1978. – 208 с.
5. Клименко, Н. Ф. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі [Текст]: моногр. / Н. Ф. Клименко, Є. А. Карпіловська, Л. П. Кислюк. – К. : ВД Дмитра Бурого, 2008. – 336 с.
6. Ковалик, І. І. Вчення про словотвір (Словотвірні частини слова) [Текст]/ І. І. Ковалик. – Л.: Вид-во Львів. ун-ту, 1958. – Вип. І. – 78 с.
7. Колоїз, Ж. В. Українська okazionalna derivatsiia : моногр. [Текст]/ Ж. В. Колоїз; відпов. ред. В. С. Калашник. – К. : Акцент, 2007. – 311 с.
8. Нелюба, А. Економія в словотвірній номінації української мови (системний вимір) : моногр. [Текст]/ А. Нелюба. – Х. : Харк. істор.-філол. т-во, 2014. – 184 с.
9. Словотворчість незалежної України. 1991-2011 [Текст]: слов. / Укл. А. Нелюба. – Х. : Харк. істор.-філол. т-во, 2012. – 608 с.
10. Стишов, О. А. Українська лексика кінця ХХ ст. (на матеріалі засобів масової інформації) [Текст]: моногр. / О. А. Стишов. – К. : ВЦ КНЛУ, 2003. – 388 с.

References

1. Vykhoivanets I., Horodenska K. Teoretychna morfolohiia ukrainskoi movy. Akademichna hramatyka ukrainskoi movy. Kiev, Pulsary, 2004. 400 p.
2. Hryshchenko A. P. Prykmetnyk v ukrainskii movi . – Kiev, Nauk. dumka, 1978. 208 p.
3. Klymenko N. F., Karpilovska Ie. A., Kysliuk L. P. Dynamichni protsesy v suchasnomu ukrainskomu leksykoni : monohr. Kiev, VD Dmytra Buraho, 2008. 336 p.
4. Kovalyk I. I. Vchennia pro slovotvir (Slovotvirni chastyny slova). Lvov, Lviv Publ., 1958. 78 p.
5. Koloiz Zh. V. Ukrainska okazionalna deryvatsiia : monohr. red. V. S. Kalashnyk. Kiev, Aktsent Publ., 2007. 311 p.
6. Bilousenko P. I., Inshakova I. O., Kachailo K. A., Merkulova O. V., Stovbur L. M. Narisy z istorii ukrainskoho slovotvorennia (imennykovi konfiksy). Zaporizhzhia, Kryvyi Rih, LIPS, 2010. 480 p.
7. Greshchuk V. V., Bachkur R. O., Dzhochka I. F., Poslovska N. M. ; za red. V. Greshchuka. Ivano-Frankivsk, Misto NV, 2007. 348 p.
8. Neliuba A. Ekonomiiia v slovotvirnii nominatsii ukrainskoi movi (systemnyi vymir) : monohr. Kharkov, Khark. istor.-filol. t-vo, 2014. 184 p.
9. Slovotvorchist nezaleznoi Ukrainy. 1991-2011. Kharkov, Khark. istor.-filol. t-vo, 2012. 608 p.
10. Styshov O. A. Ukrainska leksyka kintsia KhKh st. (na materialy zasobiv masovoi informatsii). Kiev, VTs KNLU, 2003. 388 p.

**ИЗУЧЕНИЕ РАСТИТЕЛЬНОГО БИОРАЗНООБРАЗИЯ ВОДНО-БОЛОТНЫХ
УГОДИЙ НИЖНЕЙ ВОЛГИ ВБЛИЗИ С. МУМРА.**

А.З. Насиханова, Н.К. Богашова, Т.В. Желнова

astrusja@mail.ru

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Статья посвящена изучению растительного биоразнообразия водно-болотных угодий долины Нижней Волги вблизи с.Мумра. Было проведено изучение литературы по данному вопросу. С целью практического ознакомления с предметом исследования были проведены экскурсии по водоемам указанной территории. С целью изучения растительного биоразнообразия были определены условия жизни и приспособленности растений в данном сообществе.

Ключевые слова: растительное биоразнообразие, водно-болотные угодья, водные растения, ерик.

**THE STUDY OF THE PLANT BIODIVERSITY OF THE WATER-MOOR LANDS
OF THE LOWER VOLGA RIVER NEAR MUMRA**

Bogashova N.K., Nasikhanova A.Z., Zhelnova T.V.

astrusja@mail.ru

«ASTRAKHAN STATE UNIVERSITY»

The article presents plant biodiversity of the water-moor lands of the Lower Volga river near Mumra. The special literature was studied. River trips were given in order to study the subject of the research. Living conditions and plants adaptation in the association were determined in order to study the plant biodiversity.

Keywords: the plant biodiversity, the water-moor lands, water plants, yerik.

Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) является глобальной сетью ООН в области развития, выступающей за позитивное изменение в жизни людей путем предоставления странам-участницам доступа к источникам знания, опыта и ресурсов.

Глобальный экологический фонд (ГЭФ) объединяет правительства 181 страны для решения глобальных экологических проблем. ГЭФ, который был создан в 1991 году, является на сегодняшний день крупнейшим источником финансирования проектов, направленных на улучшение состояния окружающей среды. Эти проекты способствуют защите окружающей среды, увязывая экологические проблемы местного, национального и глобального уровней и внося вклад в устойчивое развитие.

Вода является источником жизни многих водных растений, а так же растений, обитающие вблизи водоемов. Все эти растения делятся на две группы: высшие и низшие растения. К высшим растениям относятся мохообразные, хвощеобразные, папоротникообразные, покрытосеменные. К низшим растениям относятся водоросли.

В долине Нижней Волги насчитывается 1940 видов разновидностей водорослей: сине-зеленых 221 вид, эвгленовых 196 видов, золотистых 177 видов, криптофитовых 31, желто-зеленых 107 видов, динофитовых 48 видов, зеленых 56 видов и диатомовых 574 вида. Конкретно в ерике, протекающем вблизи с.Мумра, мы обнаружили харовые водоросли, водоросли рода спирогира, криптомона и зеленую водоросль ульву. В долине Нижней Волги насчитывается 50 видов мохообразных. Но в процессе нашего

исследования мы встретили гипнум кипарисовый. В нашей местности встречается 4 вида хвощеобразных: хвощ полевой, хвощ ветвистый и 4 вида папоротниковообразных: сальвиния плавающая, марсилия четырехлисточковая, марсилия щетинистая. В долине Волги самым разнообразным является отдел покрытосеменных (цветковых) растений- 1 тысяча видов. Во время исследования мы обнаружили среди растений, прилегающих к водоему дурнишник беловатый, лапчатку ползучую, тамарикс, тростник и рогоз.

Составляющей частью нашей работы является практикум, состоящий из следующих опытов: Опыт №1. Определение температуры у поверхности водоема и у его дна. Опыт №2. Определение мутности воды. Опыт №3. Сравнение хлоропластов в микропрепарате спирогеи и хвоща полевого. Опыт №4. Определение расположения устьиц у водных растений.

Выводы: Нижняя Волга богата растительностью. Но из-за активного вмешательства деятельности человека в природу растительное биоразнообразие сокращается. В результате изучения курса «Природные комплексы и биоразнообразие долины Нижней Волги» и в результате проведенной нами исследовательской работы мы пришли к выводам, что нужно помнить, что сохранение природы возможно не только в случае ее полного заповедания и окружения глухими заборами, но и при разумном, щадящем использовании. Надо организовать свою жизнь так, чтобы наши потомки смогли увидеть те же ландшафты, зверей, птиц, цветущие просторы к которым мы уже привыкли.

Практическая значимость:

1)Материал данной работы может использоваться преподавателями биологии, географии и окружающего мира в начальной школе.

2)Данный проект способствует накоплению знаний о растительном биоразнообразии водно-болотных угодий.

3)Данный проект может научить людей бережнее относиться к растительному биоразнообразию.

Литература

1. Болотов, Н.А. Природные комплексы и биоразнообразие долины Нижней волги[Текст]/ Н.А. Болотов.- М.: Планета, 2011.
2. Иванова, Н. Газета «Биология» [Текст]/Иванова, Н. - М.: Первое сентября, 2008.
3. Насиханова, А.З. Значение организации педагогических условий, необходимых при формировании иноязычной компетенции [Текст]/А.З. Насиханова//Lingua mobilis. - 2012. - №3 (36). - С. 184 – 186.

References

1. Bolotov N.A. Prirodnye komplekсы i bioraznoobrazie doliny Nizhnej volgi [Natural systems and biodiversity of the lower Volga river land]. Moscow, Planeta Publ., 2011.
2. Ivanova N. The newspaper “Biology”. Moscow, Pervoye sentyabrya Publ., 2008.
3. Nasikhanova A.Z. The impotance of the pedagogical conditions at the process of the development of the foreign language competence. Lingua mobilis, 2012. no.3 (36). pp. 184 – 186.

**РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА
ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ
СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ**

*С.В. Поникаровская
ponikarovska@gmail.com*

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет

Рассматривается актуальность проблемы формирования межкультурной компетенции у студентов высших технических учебных заведений средствами иностранного языка как одной из составляющих подготовки специалиста на современном этапе развития общества. Подчеркивается важность выбора содержания и технологий иноязычного образования в развитии разносторонней личности, готовой к решению проблем на рабочем месте и в обществе представителей иной культуры. Акцентируется внимание на том, что узнавая культурные ценности других народов, молодой человек глубже познает собственные системы ценностей и обогащает свой внутренний мир.

Ключевые слова: общение, мировоззрение, межкультурная компетенция, общечеловеческие ценности, социокультурная модель.

**DEVELOPING CROSS-CULTURAL COMMUNICATION SKILLS AT THE
ENGLISH LANGUAGE CLASSES AS AN INTEGRAL PART OF THE MODERN
SYSTEM OF EDUCATION**

*S.V.Ponikarovska
ponikarovska@gmail.com*

Kharkiv National Automobile and Highway University

The topicality of the problem of developing the engineering students' cross-cultural competence by means of a foreign language as one of the main component of training the specialist at the current stage of development of society is being considered in the article. The importance of the choice of the content and technique of foreign language education in development of a man of varied attainments ready to meet challenges at the working place and in the environment of representatives of the other cultures is underlined. The attention is focused on the fact that mastering the cultural values of other peoples the young men cognize the own systems of values more deeply, and enriches the own inner world.

Key words: communication, world view, cross-cultural competence, common values, socio-cultural model.

The topicality of all issues connected with culture has become extremely acute recently. The current stage of development of the society shows the deep changes in all spheres of life. The state policy changes and, consequently, does the intelligence and mentality of the people. Or, sometimes, vice versa. The level of education of the modern specialist is determined not only by the volume of knowledge obtained during the years of study, as new tendencies of development of international relations have opened new opportunities, types and forms of communication, the main condition being mutual understanding, the dialogue of cultures, respect to cultural partners in communication.

Currently the process of teaching foreign languages is integral within the socio-cultural model of education which is considered as a base of cross-cultural communication. Therefore, the one who speaks a foreign language must know not only how to shape the idea correctly, but also how to stay within the cultural standards of the native speakers. Teaching a foreign language is teaching cross-cultural communication at the same time as, learning the language, the student must integrate the other culture into his own picture of the world. The purpose of

teaching cross-cultural communication becomes shaping the kind of language personality who will need a foreign language for living, for communication in real situations, who will be capable of efficient communication with representatives of other cultures [3]. We need expanding and deepening the role of socio-cultural component in developing communication skills as every cultural system and every single act of social behavior means communication expressed or implicitly [5]. The combination of the culture of the country whose language is being studied and the language itself is integrated in the system of teaching foreign language as acquaintance with literature, music, art, as well as by means of adopting values, peculiarities of behavior, traditions, and lifestyle [1].

Acquiring the skills of cross-cultural communication by students promotes their fast adaptation both to professional activity and to development of their personality during the process of study, determining professional and personal orientation by means of a foreign language.

Solving the problems of cross-cultural communication is of special importance for the teachers of foreign languages. Unprecedented expansion of international relations has stipulated the necessity to bring nearer the quality and level of professional education in Ukraine and the leading countries of the world. Knowledge of a foreign language is a factor of interrelation between the people and the countries. Increasing possibilities of practical usage of a foreign language makes it a means of optimization of professional activity of the highly-skilled specialist. The result of this is the finding new forms and content of teaching process that are more relevant to the purposes of education and upbringing in modern conditions.

Teaching foreign languages is undergoing a period of major reconstruction now, review of aims and content, methods and materials. Motivation of learning foreign languages has grown considerably; the new possibilities to communicate have appeared with development of new technologies. The main task of foreign language training today is teaching the language as a real and complete way of communication. The specialist graduating from the higher school is a vastly educated person with deep fundamental background, so a foreign language which is a part of this background is his instrument of production as well. In order to teach a foreign language as a means of communication the contact only with the teacher is not enough at all. New demands require creating the situations of real communication, build the links of the foreign language with the life, and use the foreign language in real natural situations very actively. There are different ways: scientific discussions, round tables, conferences with foreign students and specialists involved. Apart from work in the classrooms there could be many interesting events including extra-curricular ones. Especially those with participation of students from different higher schools, even better – from different countries, are useful. Humanitarian approach to formation of creative personality oriented on international cooperation is the central problem and the main purpose of teaching process in engineering higher school of new generation. Such events help young people get acquainted, see similarities and differences in cultures and views, observe the common values, reveal themselves in various situations of communication. Today the reforms of the higher school are directed at professional viability of future specialist, i.e. not only acquiring professional knowledge but those skills which facilitate the fast adaptation in the community. It is not possible without efficient usage of a foreign language as a means of communication of a modern person.

It is a well-known fact that efficient communication between the representatives of different culture is made not only by breaking the language barrier. There is also a cultural barrier that can prevent the successful communication. In new conditions, with new education problem setting it becomes obvious that increasing the level of teaching communication, interaction of people belonging to different cultures and nationalities can be possible only if

the socio-cultural factor is taken into account. That is, the point is that the teachers should not only teach the language, but get students acquainted with the way of life, mentality, traditions, customs, cultural life, non-verbal forms of communication of the language speaker.

Speaking broadly, teaching cross-cultural communication is not just teaching understanding a foreign language and using it when necessary. It includes personal development of the students. Learning a language is not limited by mastering the other language and getting ready to possible complications. It means rejecting the “imposed ideas” and researching ethnic, political, religious and economic peculiarities. When learning a foreign language one can compare different cultures as equal ones, and the students should be taught tolerance toward variety and willingness to accept the others’ views. The obstacles in communication based on different mentality constitute one of the main barriers in future cooperation.

Mastering cross-cultural competence by students helps overcome the barriers of communication even if there are some problems with knowing the language. Cross-cultural competence is the knowledge of customs, nature, habits, general practice, principles of the certain society that form motivation for the behavior standards, non-verbal components (gestures, mimics), the system of values. If the students have the cross-cultural competence, they are most sure to understand the native speaker and the authentic literature better.

At the current stage of development of language teaching methodology there is an urgent need to strengthen the socio-cultural component of communicative competence. It is justified because learning a foreign language the students get to know the other culture, as teaching a foreign language is always a cross-cultural communication. Including cross-cultural elements, cultural studies information and culture-specific elements in the teaching process is connected not with the wish to make a teaching process more interesting (which is not unnecessary also), but with the inner necessity of the teaching process itself. Students should master the skill of cross-cultural competence, the skill to engage in conversation in the course of the dialogue of cultures. The process of students’ acquiring the personal experience in communication with the different language culture requires creating situations of practical interaction. Engaging the students in the dialogue of cultures is essential also in terms of their education and character building, so formation of a person of culture and of spirit is happening due and thanks to the dialogue of cultures – a native and a foreign ones [4].

The ability to communicate within the frames of the dialogue of cultures suggests that the student possessed a lot of skills – the skill to put himself in the other person’s shoes, the skill to take the initiative or diplomacy, the skill to play a complete representative of his native culture and a lot of other skills. So, quite understandably, it is important to develop the personal culture of every student as well. Thus, natural communication during the classes should be organized constantly to discuss the issues of their interest and the problems of their concern, as well as on the topics that are important to everybody and eternally – common values, the war and peace, the evil and the good. There is a concept of international in the culture, and finding the common features in different cultures helps break the psychological barriers.

A foreign language has a great potential for shaping a personality of a new type possessing a high culture of communication, a system of common eternal values, capable of efficient life and work in the world which quickly and unpredictably changes. The crucial role in solution of the cross-cultural communication problem at the present stage is played by the innovation development of the system of foreign languages studying. A language culture is an integral and essential part of a person’s culture on the whole. Natural communication functions of the language culture allow considering the system of language teaching as a base of personal development in the context of the dialogue of cultures. In the process of shaping language skills one must use the potential of this subject to form a world view, willingness to

cross-cultural dialogue, emotional and axiological attitude to the world around. The characteristic feature of the current stage of development is shaping the skills of cross-cultural communication for professional purposes too. When the students of non-language tertiary establishments are taught a foreign language, the teaching itself changes depending on the specialty of the students. Apart from the skills of general language the student must have the skills of professional communication, thus, cross-cultural communication becomes communication at the professional level for him [2, с. 230]. Improving foreign language communication competence is integral with improving professional competence. Students should master not only a foreign language but the skills of business communication with representatives of other cultures in order to avoid unnecessary conflicts or misunderstandings. Native speakers usually forgive mistakes in the language, sometimes the mistakes can even be a fun, but not knowing the rules of behavior and traditions of a certain society can be a real problem as a sign of disrespect to the culture. A specialist graduating from the university and having not only a good level of language knowledge but also some skills of cross-cultural communication has much more benefit against those who do not, as knowing language and specific features of the culture, where the partner belongs, increases the authority of the specialist. Besides, the world community puts the issue of tolerance as a sign of respect to other people's values, and more – as a position providing for expanding the circle of personal values as a result of positive interaction with other cultures [6].

Learning the cultural values of other peoples, learning their culture, traditions, the works of art and literature, music, history, legends, poems, songs the students can also understand deeper their own systems of values and enrich their inner world as well.

Литература

1. Зусман, В. Межкультурная коммуникация: учеб. пособ. / В. Зусман, А. Фролов. – Нижний Новгород, 2001. – 320 с.
2. Гальскова, Н. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам / Н.Д. Гальскова // Ин. яз в шк. – 2004. – №1. С. 3 – 4.
3. Елизарова, Г. Культура и обучение иностранным языкам / Г. В. Елизарова. – СПб.: Изд-во «Союз». – 2001. – С. 4 – 7.
4. Пассов, Е. Методическая школа Пассова. Концепция / Е. И. Пассов. – Воронеж, 2003. – С. 43.
5. Сепир, Э. Коммуникация / Э. Сепир // Сепир Э. Избр. труды по языкознанию и культурологии. – С. 211.
6. Скубашевська, Т. Проблема толерантності у зрізі міжнародного діалогу / Т.С. Скубашевська // Практична філософія. – 2004. - №4. – С. 108 – 113.

References

1. Zusman V. Cross-cultural Communication: manual. Nizhniy Novgorod, 2001. 320 p.
2. Galskova N. Cross-cultural education: problem of aims and contents of teaching foreign languages. For. lang. at school. 2004. no. 1. pp. 3 – 4.
3. Yelizarova G. Culture and teaching foreign languages. SPb.: P.H. “Soyuz”. 2001. pp. 4 – 7.
4. Passov Ye. Passov Methodical School. Conceptsya. Voronezh, 2003. P. 43.
5. Sepir E. Communication. Sepir E. Selected works on language science and culturology. P. 211.
6. Skubashevskaya T. The problems of tolerance in terms of international dialogue. Practical Philosophy. 2004. no.4. pp. 108 – 113.

**ФРАГМЕНТ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКА
(на материале выступлений в Парламенте Великобритании)**

A.S. Ratokhina
iggy88@mail.ru

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации (ЮФУ), кафедра немецкой филологии, аспирант

Статья посвящена анализу речевого поведения мужчин-политиков Великобритании на материале их выступлений в Парламенте в рамках прагмалингвистического эксперимента. Рассматриваются некоторые особенности речевого поведения политика при актуализации речевой стратегии «Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии».

Ключевые слова: прагмалингвистика, речевая стратегия, речевой портрет, парламент, Палата Общин.

POLITICIAN SPEECH BEHAVIOR FRAGMENT

A.S. Ratokhina
iggy88@mail.ru

Postgraduate in Linguistics, Southern Federal University, German Philology Department

The article shows the speech behavior analysis of the British male politicians based on their speeches in the UK Parliament. The author describes some features of politicians' speech behavior in accordance with the emotive-orientated speech strategy "Participation / non-participation of communicants in a speech event."

Key words: Pragmalinguistics, speech strategy, speech portrait, Parliament, House of Commons.

Одним из активно развивающихся в современной прагмалингвистике является направление скрытой прагмалингвистики, в рамках которой исследуются особенности употребления говорящим грамматических форм. Отправитель употребляет те или иные грамматические формы в рамках актуализации речевых стратегий скрытого воздействия отправителя текста на его получателя [1]. Скрытые речевые стратегии подразделяются на эмотивно-ориентированные и конативно-ориентированные [4, с. 44]. Результаты анализа использования коммуникантами речевых стратегий позволяют составить их речевой портрет.

Цель настоящей статьи – представить результаты анализа фрагментов речевого поведения политиков Парламента Великобритании (Эндрю Силэса, Джулиана Найта, Джона Хэйса) в соответствии с эмотивно-ориентированной стратегией «Участие / неучастие коммуникантов в речевом событии».

Речевыми стратегиями скрытого воздействия отправителя текста (говорящего) на получателя текста называют многообразие видов речевого поведения [3, с.44]. Скрытые речевые стратегии, которые связаны с отправителем текста, называются эмотивно-ориентированными [2, с.96-262]. Одной из эмотивно-ориентированных стратегий является речевая стратегия «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии». Данная стратегия реализуется в трех планах: личном, социальном и предметном [3, с.45]. Говорящий совершает выбор определенных грамматических форм, чтобы актуализировать планы данной стратегии.

Используя личный план, автор актуализирует участие в речевом событии либо отправителя текста, либо его получателя. Для личного плана в английском языке выбираются следующие грамматические формы [1, с.71-72]: эксклюзивные личные

местоимения (пример 1), косвенные формы эксклюзивных личных местоимений (пример 2) и соответствующие им притяжательные местоимения (пример 3), существительные в функции эксклюзивных личных местоимений (пример 4), обращения (пример 5), вводные члены предложения, особенно модальные слова и некоторые наречия, имеющие модально-оценочное значение (примеры 6, 7). Наличие вышеназванных грамматических средств мы обнаруживаем в речи Эндрю Силэса и Джулиана Найта:

1. Andrew Selous (South West Bedfordshire) (Con):

I am grateful to colleagues who have stayed and I will be more than happy to take interventions [HCH1].

2. Andrew Selous (South West Bedfordshire) (Con):

*A mother wrote to **me** recently and entitled her letter “A plea from the children” of her town who have been unable to use the brilliant new £250,000 skate park for much of the summer because of 10 unauthorised Traveller encampments next to it [HCH1].*

3. Andrew Selous (South West Bedfordshire) (Con):

*On the sunny morning of 26 May this year, an eight-year-old boy climbed over the fence of a Traveller site in **my** constituency to chat to the Minister’s predecessor, Baroness Susan Williams, a local farmer whose land we were on, and to me [HCH1].*

4. Andrew Selous (South West Bedfordshire) (Con):

*I was bitten by two of the **Travellers’ dogs** as I walked around the site [HCH1].*

5. Julian Knight (Solihull) (Con):

*I am actually on my last paragraph, **Madam Deputy Speaker**, but thank you for the reminder [HCH2].*

6. Andrew Selous (South West Bedfordshire) (Con):

***Actually**, much of the abuse is between Travellers themselves, which I am also very much against [HCH1].*

7. Andrew Selous (South West Bedfordshire) (Con):

*Neighbours witnessing behaviour like that would **at least** have an address to report [HCH1].*

Адресант в данных примерах является участником речевого события и актуализирует свое участие в процессе высказывания.

Социальный план показывает нам, что в акте коммуникации автором задействованы оба участника общения – как отправитель, так и получатель текста. Речевыми сигналами социального плана выступают следующие грамматические формы [1, с.73-74]: инклюзивные личные местоимения (пример 8), существительные, соответствующие инклюзивным местоимениям (пример 9), неопределенные и отрицательные местоимения (пример 10), лексемы с семой антропонима, типа «человечество», «народ» и др. (пример 11):

8. Andrew Selous (South West Bedfordshire) (Con):

***We** cannot accept that type of blackmail in the planning system [HCH1].*

9. The Minister for Security (Mr John Hayes):

*Gentleman has done **this House** a service in drawing our attention exactly to the subject that he raises.*

*I can provide **the House** with a summary of each group’s activity in turn [HCH3]*

10. Andrew Selous (South West Bedfordshire) (Con):

*I want **everyone** to have a decent home [HCH1].*

11. Andrew Selous (South West Bedfordshire) (Con):

***Residents** in another of my villages are terrified that a plot of agricultural land will be bought by Travellers at auction shortly [HCH1].*

Автор актуализирует участие в речевом событии и адресанта, и адресата.

В предметном же плане внимание получателя текста акцентируется его отправителем на объективности протекания речевого события независимо от участия/неучастия в нем коммуникантов речевого общения. Набор актуализаторов предметного плана включает в себя остаток того, что не используется для актуализации первых двух планов [1, с.74]. Сюда, например, относятся: речевые сигналы наличия действующего лица, к которому нельзя отнести участников речевого события (пример 12), пассив, при котором действующее лицо или предмет выражены или выводятся из контекста, но не участвуют в речевом событии (пример 13):

12. Andrew Selous (South West Bedfordshire) (Con):

Allowing that type of behaviour, which settled residents would not be allowed to engage in, shows that the law is not operating equally in this area [HCH1].

13. Andrew Selous (South West Bedfordshire) (Con):

More responsive and bespoke enforcement solutions are needed to allow Travellers and settled residents to be treated equally in cases of breaches [HCH1].

Можно догадаться, кто является действующим лицом, из контекста, но его участие не актуализируется. Речевое событие объективно и не зависит от коммуникантов.

Для того чтобы получить достаточную информацию о привычном речевом поведении говорящего для попытки диагностирования его речевого портрета, следует посчитать количество раз, которое он актуализировал каждый из трех планов вариантов. В речи говорящего подсчитывается процентное соотношение приведенных выше речевых сигналов. Полученные процентные величины в отношении конкретного говорящего составляют его речевой портрет (см. Таблицу).

Таблица

**Фрагмент речевого поведения политиков по скрытой речевой стратегии
«Участие/ неучастие коммуникантов в речевом событии»**

ФИО политика	Личный план	социальный план	предметный план
Andrew Selous	39%	10%	51%
Julian Knight	17%	8%	75%
John Hayes	18%	7%	75%
Средний речежанровый показатель	22%	8%	70%

В результате эксперимента мы подсчитали, что средний речежанровый показатель личного плана равен 22%. Представитель с самым высоким показателем личного плана – это лидер по натуре (Эндрю Силэс) – 39%. Такие показатели личного плана говорят о решительности, смелости, уверенности и даже некоторой излишней самоуверенности. Это все можно отнести к позитивным качествам любого политика. К такому человеку прислушиваются и уважают. Политики, которые часто актуализируют личный план стратегии «Участие/неучастие коммуникантов в речевом событии» склонны к авторитарному типу речевого поведения. Среди политиков, выступления которых мы анализировали, речевое поведение Эндрю Силэса оказалось наиболее авторитарным. Это может свидетельствовать и об акцентуированности индивидуальных черт данного политика. Акцентуированные черты – это индивидуальные черты говорящего, которые могут перейти в патологическое состояние. Такие люди могут быть обладателями каких-либо нервных расстройств, зависимостей [3, с. 63].

Что касается социального плана, то средний речежанровый показатель 8% практически в три раза меньше показателя личного плана. Показатель у мистера Джона Хейса составляет 7%. Это самый низкий показатель среди коммуникантов нашей группы. Однако это не полное его отсутствие. Такой человек воспринимается

слушателем как серьёзный, в меру открытый, способный вступить в коммуникацию с аудиторией. Доверие слушателя достаётся таким людям чуть сложнее, чем, например, у того же Эндрю Силэса. Его показатель социального плана хоть и незначительно, но выше – 10%. Актуализируя социальный план, он способен получить и понимание со стороны слушателей, так как у последних создается впечатление, что их убеждения схожи с убеждениями говорящего.

Высокие показатели предметного плана свидетельствуют о том, что для всех участников присуще стремление к концентрации на объективных обстоятельствах дела. У Джулиана Найта и Джона Хэйса эти показатели (по 75% соответственно) немного превышают средний речеванровый 70%. Это напрямую связано и с низким показателем данного плана у Эндрю Силэса в силу высокого эмоционального накала (49%) двух его предыдущих планов (личного и социального). Предметный план в данной группе выше остальных планов, что может свидетельствовать об определенном стереотипном речевом поведении британских парламентариев.

Таким образом, речевой портрет автора отражает индивидуальные, присущие конкретному говорящему черты. Интерпретация этих черт и называется диагностированием личностных черт говорящего. Диагностике подвергается речь конкретного автора в конкретное время.

Литература

1. Зюбина, И.А. Прагмалингвистический аспект речевого поведения русскоговорящего и англоговорящего государственного обвинителя [Текст]: дисс. ... кандидата филол. наук/ И.А. Зюбина. – Ростов-на-Дону, 2005. – 167 с.
2. Матвеева, Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего [Текст]: дисс. ... доктора филол. наук/ Г.Г. Матвеева. – СПб., 1993. – 322 с.
3. Матвеева, Г.Г. Основы прагмалингвистики: монография [Текст]/ Г.Г. Матвеева, А.В. Ленец, Е.А. Петрова. - М.: Флинта; Наука, 2013. – 232 с.
4. Матвеева, Г.Г. Введение в скрытую прагмалингвистику [Текст]/ Г.Г. Матвеева, Е.И. Петрова. - Ростов н/Д: ИПО ПИЮФУ, 2009. – 97с.

Источники

1. HCN 1 – House of Commons Hansard. 12.10.2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2016-10-12/debates/0A875213-1955-4FB5-AE62-508A70D22CBC/GypsiesAndTravellers> (дата обращения: 13.10.2016).
2. HCN 2 – House of Commons Hansard. 08.09.2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2016-0908/debates/16090833000002/ScammingVulnerableIndividuals> (дата обращения: 1.10.2016)
3. HCN 3 – House of Commons Hansard. 13.07.2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2016-07-13/debates/16071330000002/PreventionAndSuppressionOfTerrorism> (дата обращения: 1.10.2016)

References

1. Zjubina, I.A. Pragmalingvisticheskiy aspekt rechevogo povedeniya russkogovorjashhego i anglogovorjashhego gosudarstvennogo obvinitelja. Doct, Diss. Rostov-na-Donu, 2005. 167 p.
2. Matveeva, G.G. Skrytye grammaticheskie znachenija i identifikacija social'nogo lica («portreta») govorjashhego. Doct, Diss. St. Petersburg, 1993. 322 p.

3. Matveeva G.G., Lenec A.V., Petrova E.A. Osnovy pragmalingvistiki: monografija. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2013. 232 p.

4. Matveeva G.G., Petrova E.I. Vvedenie v skrytuju pragmalingvistiku. Rostov n/D, IPO PIJuFU Publ., 2009. 97p.

Resources

1. HCH 1 – House of Commons Hansard. 12.10.2016 Available at: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2016-10-12/debates/0A875213-1955-4FB5-AE62-508A70D22CBC/GypsiesAndTravellers> (accessed: 13.10.2016).

2. HCH 2 – House of Commons Hansard. 08.09.2016 Available at: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2016-09-08/debates/16090833000002/ScammingVulnerableIndividuals> (accessed: 1.10.2016)

3. HCH 3 – House of Commons Hansard. 13.07.2016 Available at: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2016-07-13/debates/16071330000002/PreventionAndSuppressionOfTerrorism> (accessed: 1.10.2016)

УДК 378.147

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ЯЗЫКОВУЮ КАРТИНУ МИРА

Н.В. Саенко

saienkonv@ukr.net

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет

Исследуются факторы успеха межкультурной коммуникации. Подчеркнута роль знания иностранного языка как средства установления межкультурных связей, перечислены требования к иноязычной подготовке современного выпускника вуза. Проанализированы условия, в которых специалисту предстоит реализовывать себя, и которые тесно связаны с глобализационными процессами. Охарактеризованы как негативные, так и позитивные аспекты глобализации, выделены проблемы, при решении которых необходим глобальный подход. Подчеркнута роль английского языка в становлении глобализационных связей и выделены главные области его культурного влияния в неанглоязычных странах.

Ключевые слова: иноязычная подготовка, глобализация, английский язык, сферы культурного влияния.

GLOBALIZATION AS A FACTOR OF INFLUENCE ON THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

N.V. Saienko

saienkonv@ukr.net

Kharkov National Automobile and Highway University

The factors of success of intercultural communication have been researched. The role of knowledge of a foreign language as a means of establishing cross-cultural links has been emphasized, requirements to the modern university graduate's foreign language training have been specified. The conditions under which the specialists will realize themselves, and which are closely associated with globalization have been analyzed. Both negative and positive aspects of globalization have been characterized, the problems whose solution requires a global approach have been highlighted. The role of the English language in the development of global relations has been underlined, and the main areas of its cultural influence in non-English speaking countries have been determined.

Keywords: foreign language training, globalization, the English language, spheres of cultural influence.

В последние десятилетия взгляд на содержание обучения иностранным языкам в неязыковом вузе в связи с открытием границ и глобализационными процессами, которые затрагивают практически все аспекты профессиональной и личной жизни молодых людей, радикально изменился. Успех межкультурной коммуникации во многом определяется культурной приспособленностью лиц, вступающих в международные отношения: их толерантностью, гибкостью, способностью ценить убеждения других и, разумеется, владением иностранными языками, в первую очередь, языками межкультурного общения.

Если раньше в технических вузах внимание обращалось, главным образом, на технический перевод, то в наше время такой подход уже не выдерживает критики – выпускник высшего технического учебного заведения должен не только обладать навыками перевода литературы по специальности, но и, во-первых, уметь общаться на бытовом уровне, поскольку нынешнее поколение выпускников этой категории учебных заведений обязательно будет ездить за границу, и молодым людям придется устанавливать личные контакты, общаться на бытовом уровне (в магазине, ресторане, отеле, на улице и т. д.). Во-вторых, будущий специалист должен обладать коммуникативной компетенцией в сфере своей профессиональной деятельности и иметь навыки межкультурной коммуникации, поскольку ему наверняка придется решать профессиональные проблемы с зарубежными партнерами – представителями других культур. В-третьих, желательно, чтобы он был человеком с широким кругозором, который умеет дать оценку и высказать свое мнение по многим аспектам жизнедеятельности, таким, как политика, история, религия, музыка, литература, изобразительное искусство и т. п.

Правило «родной язык плюс два иностранных языка» давно является обязательным для граждан Европы. Повышение качества обучения иностранному языку в вузах на постсоветском пространстве также является вопросом крайней необходимости.

Для того чтобы понять, насколько важным является формирование коммуникативной культуры личности в системе подготовки специалиста, проанализируем условия, в которых ему предстоит реализовывать себя, и которые напрямую связаны с глобализационными процессами, определяющими многие аспекты жизнедеятельности человечества.

В зарубежной литературе термин «глобальный» в разных словоформах и контекстах занял прочные позиции как в философской, социологической, так и в психолого-педагогической и методической литературе (Ф. Альтбах, Г. Колин, Т. Кирквуд).

В вопросах глобализации тесно переплетаются, по крайней мере, шесть важных аспектов: политический, экономический, образовательный, информационный, лингвистический и культурологический [1; 2]. Политический аспект проявляется в деятельности международных политических организаций. Экономический аспект рассматривается в глобальном потоке торговли и инвестиций и транснациональном размещении товаров в различных странах. Образовательный аспект выражается в попытке создать единое глобальное образовательное пространство. Информационный аспект проявляется в росте объема, быстрой переработке и мгновенной передаче информации благодаря внедрению новейших информационных технологий. Лингвистический аспект выражается в появлении языка-супергиганта, которым сейчас

является английский, культурологический – в необходимости привлечения молодежи к общечеловеческим и национальным ценностям.

На основе анализа литературы, посвященной проблемам глобализации [1-5], охарактеризуем этот процесс, имеющий как негативные, так и позитивные признаки в различных аспектах, так как он определяет особенности социокультурного окружения, в котором будущий специалист будет осуществлять свою деятельность. Среди негативных признаков отметим следующие: происходит «сталкивание» народов с самобытного пути национального развития; формируется информационно-языковое неравенство (страны и индивиды, способные целенаправленно и эффективно пользоваться возможностями информационно-языковой среды, получают преимущества по сравнению с теми, кто этого сделать не может); формируется образовательное неравенство (неодинаковый доступ к знаниям, информационным технологиям и языкам международного общения представляет одну из главных причин появления неравенства в вопросах образования). Глобализация вытесняет целый ряд языков, которые еще недавно играли определенную роль в обмене информацией между людьми. Так, английский язык, проникая в страны Ближнего Востока, вытесняет арабский язык, а в Латинской Америке – испанский.

С другой стороны, сегодня мало кто сомневается в том, что существуют вопросы, в решении которых необходимы усилия многих стран или всего человечества, что дает основания рассматривать глобализацию как положительный феномен. Умение же взаимодействовать, используя один или несколько языков международного и межкультурного общения при решении глобальных вопросов, становится чрезвычайно важным. Выделяют следующие проблемы, при решении которых необходим глобальный подход: создание единого образовательного пространства и сокращение разрыва между информационно-языковым неравенством; оживление межкультурного обмена и обмена между профессиональными группами; решение неотложных задач, связанных: со здоровьем человека, с межрасовой, межэтнической и межрелигиозной напряженностью; с борьбой против международного терроризма; с борьбой против стихийных сил природы; появление глобальных мультикультурных ценностей, которые уравнивают этническую и расовую напряженность более глубоким пониманием богатого наследия различных культур, этнических групп и рас. Правильная оценка мультикультурных ценностей является реальностью новой картины мира.

Но какими бы положительными или отрицательными моментами ни характеризовалась глобализация – это объективно неизбежный процесс, который постоянно усиливается и к которому нужно адаптироваться и получать максимальную пользу от его положительных сторон.

Отметим, что благодаря глобализационным процессам человечество превращается в единую социокультурную целостность, единую цивилизацию с ее глобальными проблемами.

Еще в 1960 году П. Сорокин опубликовал во многом новаторскую работу «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в направлении к смешанному социокультурному типу», в которой утверждал, что будущее связано со сближением и взаимовлиянием двух социокультурных систем, имеющих, несмотря на свою очевидную противоположность, немало близкого (ценности, экономика, право, религия и т. д.). Именно преодоление изолированности в мире, становление и развитие массовых и глубоких взаимосвязей, с одной стороны, и преодоление суверенности государств, с другой – делают, по мнению П. Сорокина, построение Храма Вечного Мира вполне возможным в отличие от прошлого [6].

Становлению и развитию глобализационных связей способствует, прежде всего, тотальное распространение английского языка, влиянию которого на мировое

сообщество посвящено много работ отечественных и зарубежных исследователей (Д. Кристал, А. Смирнов, О. Тарнопольский, В. Де Йонг, И. Макмастер и др.). Это представляется вполне естественным, так как единому обществу необходимо иметь единый и универсальный способ коммуникации, которым по ряду исторических причин и стал английский язык. Подчеркнем главные области его культурного влияния и выделим те, которые касаются неанглоязычных стран.

1. Политическое влияние, осуществляемое Великобританией во всех своих бывших колониях, и современное политическое влияние США неразрывно связаны с распространением английского языка как объединяющего фактора. Политики и общественные деятели всех стран, если хотят отвечать современным требованиям, должны владеть английским языком.

2. Информационное влияние связано с тем, что, если в начале XX в. количество научно-технических публикаций на английском языке можно было сравнить с количеством публикаций на французском и немецком языках, то сейчас оно намного превосходит число публикаций на других европейских языках. В XXI в. основные научные достижения публикуются, прежде всего, на английском языке. Это обязательное условие практически всех международных конференций. Все больше ученых, представителей технической интеллигенции разных стран испытывает настоятельную необходимость во владении английским языком, чтобы понимать своих зарубежных коллег и на равных условиях участвовать в международных мероприятиях.

3. Международные отношения. Английский язык – один из основных официальных языков ООН, она является официальным или рабочим языком на сессиях большинства международных организаций: АСЕАН, Совета Европы, Европейского союза, НАТО, ОПЕК и многих других.

4. Пресса. Несмотря на то, что в каждой стране существует несколько ведущих информационных изданий, все-таки наиболее влиятельными в мире являются англоязычные: американские «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Уолл-стрит джорнэл» и английские «Таймс», «Санди таймс». Во многих странах, где английский язык не является родным, также имеются свои периодические издания на английском языке, круг читателей которых постоянно расширяется.

5. Реклама. Впервые появилась в англоязычных изданиях еще в XVII в. Активное развитие получила в начале XX в. после появления цветной рекламы на страницах периодических изданий, особенно в США. В наше время большая часть мировых рекламных агентств является американской собственностью. Аудитория в неанглоязычных странах, для которой предназначена реклама, к сожалению, далеко не всегда способна понимать ее некоторые послы без знания английского языка.

6. Теле- и радиовещание. В мире нет практически ни одной страны, в которой не было бы программ, например, о национальной истории или политике, которые ведутся на английском языке. В этом смысле его позиция относительно других языков оказывается исключительной, поскольку радиовещание на английском языке всегда будет присутствовать в перечне языков, на которых ведутся передачи. Во многих странах зрителям предлагается широкий ассортимент программ на английском языке на любой вкус: новости, исторические, биографические, искусствоведческие очерки, научно-популярные программы, художественные фильмы, эстрада и тому подобное.

7. Кинопродукции. Культурное, идеологические и духовное влияние кинематографа в современном мире огромно. Начиная с эпохи звукового кино, особое положение в киноиндустрии занял английский язык. На сегодня ведущую роль во всем мире играют американские кинокорпорации типа «Уорнер бразерс» или «Парамаунт пикчерс». Огромное давление американского рынка кинопродукции испытывают все национальные кинематографы мира.

8. Современная музыка. Можно сказать, что XX в. и начало XXI в. стали своеобразным реваншем англоязычной культуры в сфере музыки по сравнению с предыдущими столетиями. Вклад англосаксонских авторов в сокровищницу мировой музыки в те времена был достаточно скромным, но с появлением множества новых музыкальных жанров, в которых наряду с инструментальной наиболее активно используется словесная составляющая, английский язык стал приобретать лидирующие позиции. Ведущие исполнители во всем мире обязательно включают в свой репертуар песни на английском языке, пытаясь, таким образом, расширить свою аудиторию за пределами своей страны.

9. Путешествия. Ни одна современная туристическая фирма не может обойтись без использования английского языка, а туристы из неанглоязычных стран за рубежом испытывают дискомфорт без знания английского языка.

10. Безопасность передвижения воздушного и морского транспорта. Для этих целей была разработан упрощенный английский язык, обеспечивающий информативность, скорость и надежность сообщения.

11. Интернет как мировая информационная сеть. Здесь происходит интенсивное «языкотворчество», связанное с рецепцией мировыми языками интернетовского сленга, который базируется на английском языке. Давно стали общеупотребительными такие «варваризмы», как «сидюк» (CD), «мыло» (e-mail), «аська» (ICQ), «бродилка» (browser), «инет» (Internet) и т.д.

Итак, как видим, в наше время сформировались все предпосылки для того, чтобы английский язык в современном мире приобрел статус глобального. Он занял все основные ниши современной культуры – политическую, экономическую, научную и другие. При этом поразительные пластичность и гибкость английского языка позволяют ему удерживать лидирующие позиции и укреплять их. Эти его свойства проявляются в том, что он очень активно проникает в другие языки. Иногда у людей, не знающих английский язык, возникают трудности в понимании сообщений, например, СМИ на родном языке, поскольку они все интенсивнее насыщаются англицизмами, поэтому все больше людей чувствуют необходимость в изучении иностранных языков и культур других народов.

Литература

1. Макбурни, Г. Глобализация как политическая парадигма высшего образования сегодня [Текст]/ Г. Макбурни // Высшее образование сегодня. – 2001. – № 1. – С. 46–51.

2. Панарин, А. С. Опасности и риски глобализации [Текст]/ А. С. Панарин // Наш современник. – 2000. – № 1. – С. 166–190.

3. Роганов, Д. А. Единое информационное образовательное пространство на базе глобальных телекоммуникаций РАО (технический аспект) [Текст]/ Д. А. Роганов // Инновации в образовании. – 2001. – № 1. – С. 89–91.

4. Синагатуллин, И. М. Роль глобализации и языка (языков) международного общения в решении актуальных вопросов нового времени / И. М. Синагатуллин // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 6. – С. 8–14.

5. Скотт, П. Глобализация и университет / П. Скотт // Альма матер: Вестник высшей школы. – 2000. – № 4. – С. 3–8.

6. Сорокин, П. А. Причины войны и условия мира / П. А. Сорокин // Социс. – 1993. – № 12. – С. 140–152.

References

1. Macburni G. Globalization as a Political Paradigm of the Higher Education Today. Higher Education Today. 2001. № 1. pp. 46–51.

2. Panarin A. S. Hazards and Risks of Globalization. Our Contemporary. 2000. no.1. pp. 166–190.
3. Roganov D. A. The Integrated Information Educational Space Based on Global Communication of RAO (technical aspects). Innovations in Education. 2001. no.1. pp. 89–91.
4. Sinagatullin I. M. The Role of Globalization and Language (Languages) of International Communication in Solving Urgent Problems of the Present Days. Foreign Languages at School. 2003. no.6. pp. 8–14.
5. Scott P. Globalization and University. Alma Mater: Bulletin of the Higher School. 2000. no. 4. pp. 3–8.
6. Sorokin P. A. Reasons of War and Conditions of Peace Sotsis. 1993. no.12. pp. 140–152.

УДК 81-139

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И СРЕДСТВА ЕГО ОБЪЕКТИВАЦИИ.

Н.А.Салтовская

totosha.1982@mail.ru

МБОУ «СОШ № 11 имени Г.А.Алиева»

Исследуются эмоции, объективированные в невербальной форме-мужчин и женщин, с целью выявления, как пол влияет на восприятие переводимого текста. Предложен подход к изучению эмоций при переводе текста-мужчинами и женщинами, с целью выявления гендерных особенностей эмоциональной сферы и механизмов ее объективации в письменной речи. Далее используется самостоятельный анализ речи мужского и женского стиля письма с целью установления отличительных признаков эмоциональной мужской и женской письменной речи. Приводятся результаты эксперимента и его анализ.

Ключевые слова: гендер, языковая личность, эмоции, анализ.

THE EMOTIONAL LEVEL OF A LANGUAGE PERSONALITY AND THE MEANS OF ITS OBJECTIFICATION.

N. A. Saltovskaya

totosha.1982@mail.ru

Municipal state funded educational institution «Heydar Aliyev School № 10»

We investigate men and women's emotions, objectified in non-verbal form to identify how gender affects the perception of the translated text. We propose an approach for studying emotions in the translated text made by men and women to identify gender peculiarities of the emotional sphere and the mechanisms of its objectification in writing. Further we use an independent analysis of the speech of male and female writing style to establish distinctive emotional characteristics of male and female writing. We give the results of the experiment and carry out its analysis.

Key words: gender, language personality, emotion, analysis.

Понятие гендер уже не одно десятилетие волнует умы как зарубежных, так и российских ученых. Гендерные исследования в языкознании уже оформились в самостоятельное направление и вопросы взаимосвязи языка и пола его носителей (как и вообще проблема пола и значимости этого фактора в процессе социализации личности), привлекают все большее внимание современных ученых. Важнейшим сдвигом в этом направлении стало обращение языкознания к человеческому фактору, то есть изучение языка «в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [5].

Переход от лингвистики имманентной, изучавшей язык в самом себе и для себя, к лингвистике антропологической, ознаменовал новую парадигму лингвистических исследований – когнитивную, в центре внимания которой находится изучение человека как системы получения, переработки, хранения и передачи информации. Значительным достижением является создание теории языковой личности, представляющей собой оптимальную базу лингвистических исследований в результате охвата всех этапов речемыслительной деятельности человека от зарождения коммуникативного намерения до порождения конечного продукта – текста. Данные научных исследований показывают, что в обществе реально существуют традиционное распределение ролей, социальные ритуалы, стереотипы и ожидания, касающиеся, в том числе, эмоциональной сферы мужчин и женщин.

Значительным достижением в рамках когнитивной парадигмы является создание теории языковой личности (далее ЯЛ), представляющей собой оптимальную базу лингвистических исследований в результате охвата всех этапов речемыслительной деятельности человека. Об актуальности проблемы свидетельствует большое количество работ, посвященных разработке ЯЛ [1-4,6,7].

Языковая личность – это конструктор, в структуру которого первоначально были включены три уровня: лексикон, тезаурус и прагматикон. Однако модель ЯЛ не является застывшим, константным понятием. Значимость этой теории определяется тем, что она открыта для дальнейших дополнений и уточнений в духе времени, то есть может быть диверсифицирована как по вертикали (за счет выделения новых уровней), так и по горизонтали (за счет детализации внутри имеющихся уровней). Так, в последнее время все более настойчиво заявляет о себе еще один аспект ЯЛ – эмоциональный, что вызывает необходимость адекватной модификации ее структуры. Будучи явлениями психическими, эмоции обретают социальную реальность во внешних и внутренних проявлениях. По некоторым данным, человек извлекает из слов лишь 7% всей получаемой информации, 38% - из звучания голоса и 55 % - из языка телодвижений. Данные научных исследований показывают, что эмоции человека носят социально обусловленный характер, так как знания о принятой в социуме системе эмоций и правилах их проявления индивид получает в процессе социализации. Причем социальная типичность эмоций формируется одновременно на нескольких макро- и микроуровнях – от общечеловеческого до узкопрофессионального. Один из факторов, определяющих формирование и объективацию социальной сферы – половой, обусловленный наличием особенностей в социализации мужчин и женщин. Это позволяет провести диверсификацию эмоционального уровня ЯЛ и выделить эмоциональный уровень ЯЛ-мужчины и эмоциональный уровень ЯЛ-женщины. Отметим, что гендерные исследования, активно проводимые в Западных странах с начала 70-х годов XX века [8,9] выделили целый ряд существенных различий в речевом поведении мужчин и женщин, оставив без достаточного внимания гендерные особенности эмоциональной сферы.

Исходя из всего вышеизложенного, нам стало интересно провести самостоятельный анализ речи мужского и женского стиля письма. Наше исследование основано на изучении фрагмента перевода рекламного буклета на английском языке, сделанного учащимися (девочками и мальчиками) средней общеобразовательной школы. Целью данного исследования является возможность установления отличительных признаков эмоциональной мужской и женской письменной речи. Для исследования были выбраны учащиеся 6-11 классов МБОУ г. Астрахани «СОШ № 11». Половой состав групп был стабилен (8 мальчиков и 8 девочек). Возрастной состав групп колебался от 12-17 лет. Всем испытуемым было предложено перевести фрагмент рекламного буклета с английского языка на русский. Ограничение на время его

перевода наложено не было. В качестве материала эксперимента использовался рекламный буклет американской фирмы “Meyer Snow plows”, являющейся лидирующей фирмой по производству снегоуборочных машин и снегоуборочной техники в Америке.

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью дальнейшей разработки теории ЯЛ, диверсификации структуры ЯЛ в связи с изучением новых аспектов языка и речи, и анализом влияния различных факторов на речемыслительную деятельность человека. Научная новизна нашей работы заключается в том, что в ней проводится целенаправленное исследование эмоционального уровня ЯЛ, а также сравнительное исследование эмоционального уровня ЯЛ-мужчины и ЯЛ-женщины как по качественным и количественным характеристикам переживаемых ими эмоций, так и по гендерным особенностям использования языковых средств и речевых механизмов создания экспрессивности.

Полученные от учащихся переводы анализировались по следующим параметрам:

1. Количество слов в тексте (за слово принимался отрезок в тексте между двумя соседними пробелами).
2. Количество предложений в тексте.
3. Средняя длина предложения (среднее количество слов в предложении).
4. Лексическое и эмоциональное разнообразие словаря (подсчитывалось отношение количества различных, т.е. встретившихся один раз в тексте слов к общему количеству слов в переводе).
5. Распределение слов по частям.
6. Количество простых предложений.
7. Количество восклицательных предложений.

Стилистический и эмоциональный анализ письменной речи учащихся выявил определенные различия между образцами их речи:

В мужском переводе всего текста насчитывалось около 86-95 слов, а в женском переводе всего текста 111-125 слов. У мужчин в среднем 8-10 предложений, а у женщин 13-16. Мужские предложения по своей длине были короче женских и менее эмоциональны. Средняя длина женского предложения составила 10-17 слов, тогда как мужские предложения в среднем насчитывали 7-12 слов.

Примеры:

- Большинство работ по уборке снега производится ночью. (П.М. 16 лет, муж., МБОУ СОШ № 11).

- Профессионалы по уборке снега знают, что большинство работ производится в ночное время. (О.И. 17 лет, жен., МБОУ СОШ № 11).

В речи женщин было гораздо меньше глаголов, тогда как в речи мужчин они доминировали. При переводе всего текста, сделанного учащимися-мальчиками было выявлено около 13-15 глаголов, в женском переводе насчитывалось, в среднем 9-11 глаголов. В переводах, сделанных женщинами преобладают причастия и деепричастные обороты.

Примеры:

- Мы предлагаем Вам самое лучшее, поэтому вы выбираете осветительные приборы марки «Найт Сабер» для снегоуборочных машин «Мейер» (З.А. 12 лет муж., МБОУ СОШ № 11)

- Системы, отвечающие нормам профессиональных уборочных машин, оборудованы всем необходимым для персональных пользователей. (А.Л. 13 лет, жен. МБОУ СОШ № 11).

В переводах, сделанных женщинами было выявлено большое количество восклицательных предложений, а также такие переводы были более эмоционально маркированы, чем переводы, сделанные мужчинами.

Примеры:

• Новинка! Осветительные приборы превосходят все традиционные модели! (Д.А. 17 лет, жен. МБОУ СОШ № 11).

• Совершенно новые приборы обеспечат свободу выбора покупателю! (Г.С 14 лет, муж. МБОУ СОШ № 11).

Таким образом мы выявили, что влияние гендерного фактора на речевое поведение и его эмоциональную составляющую не является универсальным, поскольку индивиды (мужчины и женщины) вплетены в целую сеть определяющих факторов, которые должны быть проанализированы в их единстве. У женщин в эмоциональной сфере доминирует склонность к положительным эмоциям. Реплики женщин более яркие, экспрессивно насыщенные, содержат большое количество эмоционально-оценочных и эмоционально-усилительных прилагательных. В репликах мужчин коэффициент экспрессивности ниже, они более сухие и предметные. Вербализуя реплики, мужчины преследуют цель не столько показать свои собственные чувства, сколько воздействовать на чувства окружающих. Функция языковых и речевых единиц, используемых женщинами, сосредоточена в первую очередь, на отправителе, т. е. они выражают скорее собственные эмоции. Эмоциогенное воздействие на окружающих играет у женщин второстепенную роль.

Проблема существования психолингвистических различий между мужчинами и женщинами считается одной из самых актуальных в современной лингвистике и психологии. Сегодня, в условиях серьезного влияния феминизма на разные сферы жизни и науки, интерес к ней особенно велик. Многие исследователи, как зарубежные, так и российские пытаются обнаружить действительно характерные черты и различия в речи мужчин и женщин, которые могли бы быть объяснены с позиции зависимости речи индивида от его половой принадлежности.

Литература

1. Богин, Г.И. The reflective experiences of the human body in Modernism and Postmodernism [Текст]/Г.И. Богин. - Erlangen, 2000.
2. Винокур, Г.О. Собрание трудов [Текст]/ Г.О. Винокур. - Moscow, 2000.
3. Каменская, О. Л. Эмоциональный уровень языковой личности[Текст]/О.Л. Каменская// Актуальные проблемы теории референции: сб. науч. статей. Вып. 435. — М.: Изд-во МГЛУ, 1997. — С. 9-18.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность[Текст]/Караулов Ю.Н. - 2010.
5. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение [Текст]: Монография/ Под ред Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. — Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. — 435 с.
6. Халеева, И. И. О гендерных подходах к теории обучения языкам и культурам [Текст]/ И. И. Халеева // Известия Российской академии образования. —2000. — №1. — С.20-31.
7. Шахнарович, А. М. Языковая личность и языковая способность[Текст]/Шахнарович, А. М.// Язык — система. Язык — текст. Язык — способность: сб. статей/ Институт русского языка РАН. — М., 1995. — С. 213—223.
8. Tannen Deborah You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation (Ballantine, 1990, ISBN 0-688-07822-2; Quill, 2001, ISBN 0-06-095962-2)/ Deborah Tannen (2003).

9. "Gender and Family Interaction". In J. Holmes; M. Meyerhoff. The Handbook on Language and Gender. Oxford, UK & Cambridge, MA: Basil Blackwell. pp. 179–201.

References

1. Bogin G.I. The reflective experiences of the human body in Modernism and Postmodernism. Erlangen, 2000.
2. Vinokur O. G. The collected works. Moscow, 2000.
3. Kamenskaya O. L. Emotional level of a language personality. Actual problems of the theory of reference. Collection of scientific articles. Moscow, MSLU Publ., 1997. I. 435, pp. 9-18.
4. Karaulov U.N. Russian language and linguistic personality, 2010.
5. Lingopresley: types of linguistic personalities and personality-centered education: Monograph. Ed N. D. Goleva, N. In. Tikovoi, E. P., Khomich. Barnaul; Kemerovo, BSPU Publ., 2006.-p.435.
6. Haleeva I. I. O gendernyh podhodah k teorii obucheniya yazykam i kulturam. Izvestiya Rossijskoj akademii obrazovaniya, 2000, no.1. pp. 20-31.
7. Shakhnarovich A. M. Language personality and language ability. Language as a system. Language of text. Language — ability. Coll. articles. Institute of Russian Academy of Sciences. Moscow, 1995. — pp. 213-223.
8. Tannen Deborah You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation (Ballantine, 1990, ISBN 0-688-07822-2; Quill, 2001, ISBN 0-06-095962-2)/ Deborah Tannen (2003).
9. "Gender and Family Interaction". In J. Holmes; M. Meyerhoff. The Handbook on Language and Gender. Oxford, UK & Cambridge, MA: Basil Blackwell. pp. 179–201.

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, №16-34-00014a1 «Коммуникативное взаимодействие в современном медийном пространстве как способ конструирования имиджа»

УДК 81'42

ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ (НА ПРИМЕРЕ констативов В РЕЧИ Д. ТРАМПА)

Д.С. Сергеева

dinusik61@yandex.ru

аспирант кафедры немецкой филологии

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета

Аннотация: В статье выявляются особенности использования речевого акта констатив как средства создания имиджа в американском политическом дискурсе. Согласно теории речевых актов высказывания политика рассматриваются с точки зрения вариантов выражения интенционального значения – констатив-дедукция, констатив-стэмп, констатив-насмешка, констатив-импульс, констатив-негация, констатив-дегуманизация. Приводится частотность употребления каждого из видов констатива в твитах Д. Трампа.

Ключевые слова: речевой акт, констатив, Твиттер, твиты, политика, имидж, речевая стратегия.

POLITICAL IMAGE CONSTRUCTION FROM THE PERSPECTIVE OF SPEECH ACT THEORY (AS EXEMPLIFIED BY THE REPRESENTATIVES IN D. TRUMP'S SPEECH)

D.S. Sergeeva

dinusik61@yandex.ru

post graduate student of the German philology department
Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communications,
Southern Federal University

Annotation: The article aims at the use of the representatives speech act as an instrument for image creation in the American political discourse. According to the theory of speech acts the politician statements are considered from the perspective of the variants, which express the intent meaning – the deduction statement, the stemp statement, the sneer statement, the impulse statement, the negation statement, the dehumanization statement. Rate of the use of each constatives` type is given in D. Trump's tweets.

Keywords: speech act, representatives, Twitter, tweets, politics, image, speech strategies.

В условиях становления информационного общества коммуникативные процессы приобретают принципиально иные формы, которые вызваны коммуникативным воздействием на индивида масс-медиа, виртуализацией пространства, в котором широкая массовая аудитория является потребителем образов и имиджей. Процесс гражданского выбора, голосование за того или иного политика также приобретает виртуальный характер. Как отмечает французский социолог Ж. Бодрийяр, «борьба за власть в информационном обществе – это не борьба партий, не конкуренция предвыборных программ, это борьба имиджей, которые создаются рейтингами, имиджмейкерами и т.д.». Сами политики, как замечает исследователь, необходимы лишь в качестве «информационных поводов» [1].

Целью настоящей статьи является рассмотрение имиджа современного политика, который формируется с помощью констативных речевых актов (на примере твитов Д. Трампа).

Материалом для исследования послужили твиты американского кандидата на пост Президента США в 2016г., эксцентричного миллиардера, известного своей жёсткой манерой изложения – Дональда Трампа [<https://twitter.com/realdonaldtrump>]. Электронный ресурс Твиттер как объект изучения, прежде всего, интересен тем, что имеет самую разнообразную аудиторию пользователей: от простых людей (представителей разных профессий и социальных кругов) до влиятельных политиков и общественных деятелей. Популярность данной социальной сети связана с форматом микроблогов: все сообщения имеют ограничение объема – 140 символов, таким образом, платформа представляет собой новостной поток из коротких анонсов. Неудивительно, что во всем мире лидеры общественного мнения всё интенсивней присутствуют в виртуальных социальных сетях. Блоги есть у большинства политиков, поп-звёзд, многих писателей, учёных, журналистов. Не иметь своего блога для представителей мировой элиты становится неприемлемым.

Объём исследуемого материала составил около 150 единиц, которые рассматриваются с точки зрения деятельностного подхода, разработанного Дж. Остином и Дж. Сёрлем в лингвистической прагматике [5]. При таком подходе процесс виртуального общения рассматривается как интеракция, осуществляемая участниками коммуникации в определённых обстоятельствах и направленных на достижение определённых целей посредством единичных коммуникативных действий (актов). Речевой акт понимается как высказывание, обусловленное мотивами и целями коммуникантов и направленное на совершение практических или ментальных действий

слушающим [3]. Среди способов речевого воздействия, которые преследуют цель изменения принципов выбора, используемых человеком в процессе принятия решения, выделяется использование иллокутивных речевых актов.

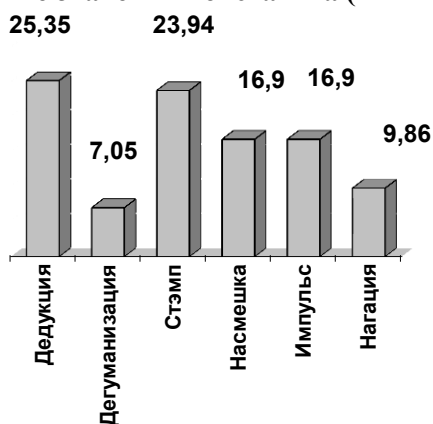
В известной классификации Дж. Сёрля выделяется пять базисных типов речевых (иллокутивных) актов: директивы, комиссивы, экспрессивы, декларативы и репрезентативы. Коммуникативное назначение директивных речевых акты состоит в том, чтобы зафиксировать «попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил»; комиссивы накладывают на говорящего обязательство совершить некоторые будущие действия; экспрессивы выражают психологическое состояние говорящего; декларативы устанавливают соответствие между содержанием высказывания и действительностью (например, объявление войны); репрезентативы представляют собой «ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения» [5].

В современной лингвопрагматике существует несколько названий, которые представляют речевой акт утверждение – репрезентативы, ассертивы и констативы [3]. В политических текстах наиболее многочисленную группу речевых манифестаций представляют констативы [4]. Так, предвыборные твиты Д. Трампа полны утверждений о некачественной работе нынешнего Президента США, отрицательной оценки его действий, а также нападками на своих оппонентов, в частности на Х. Клинтон. Способы представления утверждений оформляются согласно цели убеждения аудитории в их реальности. В этой связи популярностью пользуются высказывания, направленные на констатацию действий, поступков, что указывает на перформативность акта утверждения. Так, смысловое ядро констативного текста политика может быть сформулировано следующим образом: «он/ она не справляется с возложенными обязанностями».

Интенция констатива может заменяться разновидностями, в которых усиливается или снижается достоверность информации, что оказывает влияние на воздействующий эффект твитов. Реализации интенции констативов соответствуют интенциональные значения. В ходе анализа нами были выявлены, проанализированы, а также представлены в диаграмме следующие значения утверждений (констативов): констатив-дедукция, констатив-дегуманизация, констатив-стэмп, констатив-насмешка, констатив-импульс и констатив-негация. Результаты проведённого анализа представлены в диаграмме «Интенциональные значения констатива (в твитах Д. Трампа)».

Диаграмма

Интенциональные значения констатива (в твитах Д. Трампа)

Рассмотрим представленные показатели более детально. Интенциональное значение констатива-дедукции (25,35%) выражается в установлении чьей-либо вины, представлении ситуации и оппонента в негативном свете. Говорящий на основе представленных фактов, доказательств обвиняет противника, выявляет его негативные качества и раскрывает его недобрые намерения. В своих твитах политик обвиняет оппонентов и правительство в лживости (см. пример №1) и коррумпированности (см. пример №2), указывая на то, что страна идёт к быстрому и неминуемому краху. Поэтому о Д. Трампе складывается имидж человека, который всегда говорит о том, что он думает, и не особенно заботится о последствиях.

№ 1. Obama and Clinton *tell the same lie* to sell;

№ 2. *Owned* by Wall Street and Politicians, HRC is *not with you*.

Реализация констатив-стэмп (23,94 %) заключается в присвоении ярлыков, и может быть обусловлена стремлением говорящего создать соответствующие социальные и психологические условия для получения необоснованного согласия реципиента с позицией говорящего. Очень часто рассматриваемый политик прибегает к использованию ненормативной лексики. Присвоение ярлыков является одним из наиболее популярных приёмов создания политического имиджа, заключающимся в использовании уничижительных терминов, пробуждающих страх, гнев и ненависть и направленных на дегуманизацию своего оппонента. Так, Д. Трамп в своих твитах использует ярлыки относительно Х. Клинтон, называя ее «прогневшей» (см. пример №3) и «грязной» (см. пример №4), что, несомненно, отрицательно сказывается на её имидже.

№ 3. Hillary is *Rotten*;

№ 4. Clinton is *Dark*.

Констатив-насмешка (16,9%) в язвительной форме высмеивает действия и поведение соперника. Насмешка продуцирует в тексте смысловые приращения и обладает дискредитирующим потенциалом, поскольку имплицитные смыслы могут быть интерпретированы читателем неоднозначно, нередко «с превышением» замысла отправителя сообщения [2]. Комический эффект при описании скандалов (см. примеры №5, 6), связанных с Х. Клинтон, позволяет Д. Трампу выразить своё саркастическое отношение к оппоненту, а также расположить к себе остальную аудиторию, поскольку чувство юмора является мощным орудием воздействия в публичном выступлении.

№ 5. Hillary calls Trump's remarks horrific while *she lives* with and *protects a rapist*;

№ 6. *Why isn't Hillary 50 points ahead?* Maybe it is the email scandal, policies that spread ISIS, or calling millions of Americans deplorables!

Констатив-импульс (16,9%) представляет собой провокацию или подстрекательство кого-либо к действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия. Утверждение-импульс предполагает непосредственную негативную характеристику слов или действий собеседника, что отличает его от утверждения-дегуманизации, заключающееся в умалении интеллектуальных, нравственных, профессиональных и физических качеств личности. Так, Д. Трамп акцентирует внимание избирателей на том факте, что Х. Клинтон пренебрежительно относится к американцам (см. пример №7) и, более того, спонсирует террористические группировки (см. пример №8). Правильное использование данного утверждения помогает бизнесмену-политику умело манипулировать сознанием избирателей и заручиться их поддержкой.

№ 7. She calls our *people deplorable and irredeemable*;

№ 8. It's hard to fight terrorism when you are making cash *payments* to the world's largest state sponsor of *terror*.

Констатив-**негация** (9,86%) акцентирует отрицание авторитетов отправителем сообщения. Для Д. Трампа нет чинов и званий, он смотрит свысока на других политиков и не признаёт их силы. Так, он ставит себя выше других (см. пример №10) и уверен, что Америка «сыта по горло» правлением Б. Обамы (см. пример №9). Использование данного речевого акта указывает на некие признаки демагога в имидже исследуемого политика.

№ 9. This country *cannot take* four more years of *Barack Obama*;

№ 10. *I know* our complex tax laws *better* than anyone who has ever run for president and am the only one who can fix them.

Констатив-**дегуманизация** (7,05%) указывает на коммуникативную задачу Д. Трампа унизить и осмеять партнёра (см. пример №11, 12). Данный речевой акт отличается явной эмоциональной окраской, которая заменяет использование фактов и доказательств. По нашим наблюдениям, данный речевой акт характеризует Д. Трампа как конфликтного и агрессивного политика.

№ 11. Hillary Clinton is really *pathetic and dishonest*;

№ 12. HRC is *dangerous liar*.

Таким образом, мы рассмотрели подвиды речевого акта констатив согласно интенциям говорящего в политическом дискурсе. Данные интенции основываются на стремлении политика возвысить свой имидж, сделать его более привлекательным для избирателей за счёт создания негативного отношения к своим оппонентам.

Можно утверждать, что проанализированные нами речевые акты являются частью глобальной стратегии миллиардера – стратегии конфронтации, на которой основана популярность Д. Трампа. Политик стремится показать себя отличным от своих соперников, и выделится тем, что он не боится прямолинейно и, порой, резко высказывать свое мнение, в котором, чаще всего, критикуется вашингтонские представители власти и традиционный истеблишмент. Д. Трамп – «новичок» в политике, он не слишком осведомлён о функционировании государственного аппарата, поэтому путем насмешек (16,9%), провокации (16,9%) и обвинения своих соперников (25,35%) пытается скрыть этот факт. В поведении Д. Трампа очевидно его преувеличенное чувство своей важности и величия, что проявляется в отрицании авторитета его оппонентов (9,86 %). Кроме того, неотъемлемой частью его личного имиджа стали его многочисленные оскорбления (7,05 %) и лексика с отрицательной коннотацией (23,94 %). На политическом Олимпе США Д. Трамп – настолько примечательная фигура, что её рассматривают уже не с точки зрения лидерских качеств, а как явление, породившее особый, чрезвычайно сложный для понимания «феномен Трампа» («Trumpism»). Трамп не вписывается ни в одни рамки, ни в одни привычные представления американцев. Он полон противоречий, но эти противоречия воспринимаются электоратом в его имидже как часть его харизмы.

Литература

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть [Текст]/Ж. Бодрийяр. - М., 2000. – С. 184.
2. Иссерс, О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге (Русский язык в научном освещении) [Текст]/О.С. Иссерс. - М., 2009. – № 2 (18). – С. 92-104.
3. Ленец, А.В. Прагматика лжи [Текст]/А.В. Ленец. - Ростов-на-Дону, 2008. – 283 с.
4. Нефёдова, Л.А. Роль репрезентативного речевого акта в агитационном тексте политического характера [Текст]/Л.А. Нефёдова, А.Ю. Любавина. - Вестник ИГЛУ. – 2009. – 157 с.

5. Сёрль, Дж., Основные понятия исчисления речевых актов [Текст]/ Сёрль Дж., Вандервекен Д. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. - М.: Прогресс, 1986. – С. 242-264.

References

1. Bodriyyar ZH. Symbolic exchange and the death. Moscow, 2000. p. 184
2. Issers O.S. Strategies of speech provocation in public dialogue (Russian language in scientific light). Moscow, 2009. № 2 (18), p. 92-104.
3. Lenets A.V. Lie pragmatics. Rostov-na-Donu, 2008. 283 p.
4. Nefyodova L.A. Lyubavina A.U. The use of representati ve speech acts by politicians in the election campaign. Vestnik IGLU. 2009. p. 157.
5. Serl J., Vanderveken D. The main notion of speech acts// New in foreign linguistics. no18. Moscow, Progress Publ., 1986. pp. 242-264.

УДК 800: 82

КОНЦЕПТ «ОДЕЖДА» В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

С.В. Супряга

supriaga@mail.ru

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Статья представляет собой фрагмент комплексного исследования языка русского традиционного фольклора в аспекте взаимодействия культур. В частности, представлен анализ лексики, называющей элементы одежды, обуви и аксессуаров. Анализируется территориальная специфика семантики и функционирования лексем, представляющих концепт ОДЕЖДА в курском песенном фольклоре.

Ключевые слова: лексика, язык фольклора, одежда, русские народные песни, концепт, мегатекст, лексическая репрезентация концепта в языке фольклора.

THE CONCEPT «CLOTHING» IN RUSSIAN FOLK SONGS

S.V. Supryaga

supriaga@mail.ru

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kursk State University”

The article is a fragment of a comprehensive vocabulary study of traditional Russian folklore in the aspect of cultures interaction. In particular, the author gives the analysis of the lexis nominating the items of clothes, shoes and accessories. The territorial specificity of semantics and functioning of lexemes, representing the concept CLOTHING in Kursk folk songs, is analyzed.

Keywords: lexis, folklore language, clothing, Russian folk songs, the concept, megatext, the lexical concept representation in folklore language

У многих исследователей в последнее время вызывает большой интерес народный костюм крестьянского населения с точки зрения исторических истоков возникновения и совершенствования элементов одежды. История костюма как часть материальной культуры рассматривается, как правило, в контексте социальных, культурных процессов и исторических реалий [7,11,12,18]. В частности, Д.О. Осипов рассматривал историю русской обуви [19], Л.С. Лаврентьева писала о платке [17], Л.В. Якубенко – о женской рубашке [29], М.Л. Бережнова [3] изучала процессы изготовления тканей и

производства одежды из них, С.И. Большова и С.П. Шаповалова исследовали орнамент в костюме [8, 28].

Анализ предпочтений людей в одежде позволяет судить о повседневной жизни и духовном мире человека. Костюм отражает экономическую жизнь народа, трансформацию культурных процессов в истории, социальные различия, местные и национальные особенности, даже религиозные воззрения людей. Помимо основного своего назначения – защищать человека от отрицательных воздействий окружающей среды, одежда искони выполняла символические и эстетические функции. В силу этого ей отводилась значительная роль в семейных и общественных обрядах [25].

С терминами «одежда» и «костюм» тесно взаимосвязаны понятия «обычай» и «мода». Лексема *обычай* имеет значение «постоянство», «стабильность, неизменяемые стереотипы поведения», а мода – «быстропроходящее признание чего-либо». Из этого следует, что и обычай, и мода являлись формами общественного регулирования жизни общества в целом и поведения конкретных людей в частности. Обычай поддерживал особое отношение к вещам, имеющим как бытовое, так и социальное значение. Вещи обладали большой ценностью, использовались длительное время, что обусловило наделение их множеством символических смыслов. Мода же подразумевала другое отношение к вещам, предполагающее легкое расставание с ними и замену на более современные.

Противостояние моды и обычая обусловило основную проблему российской истории конца XIX – начала XX в. – соперничество двух систем: западноевропейской культуры высших слоев общества и культуры русского крестьянства. Этот процесс оказал значительное воздействие на национальное самосознание русского народа [25].

Одежда крестьян всегда была тесно взаимосвязана с историей заселения той или иной территории, характером проживания местного населения, обусловлена многовековым укладом и обычаями русской деревни. Крестьянский традиционный костюм сохранял свою самобытность на протяжении длительного времени. Наиболее отчетливо это прослеживается в традиционной женской одежде, в которой наблюдалось разделение на будничной, рабочий, праздничный и обрядовый наряд.

Интересно рассмотреть одежду как значимый фрагмент национальной картины мира русского человека. А.Я. Гуревич определяет *картину мира* как «сетку координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании. В каждой модели мира есть этнические особенности; универсальные понятия и категории (время, пространство, изменения, причина, судьба, число) [9]. К таким универсальным категориям, бесспорно, можно отнести и костюм со всеми сопутствующими ему аксессуарами.

Целый ряд исследований последних десятилетий курских лингвофольклористов был посвящен изучению различных фрагментов фольклорной картины мира, в частности лексики, номинирующей кластер «ОДЕЖДА» в традиционных текстах, так называемых *эстематонимов* (от греч. «одеяние») [1, 2], которые тесно связаны с обрядами и традициями русского народа.

Так, М.А. Бобунова, анализируя кластер «Одежда» в фольклорных текстах, полагает, что в него следует включать также названия «обуви, головных уборов, сопутствующих предметов, в том числе украшений, а также тканей» [4]. Перспективным, по мнению исследователя, будет и сопоставление кластеров в этническом и во временном аспектах, поскольку «лексика одежды тесно связана с внеязыковой действительностью, а динамические процессы, отмечающиеся в данной группе слов, вероятно, зависят от природных и экономических условий, а также социальных изменений и преобразований» [4].

М.А. Баранчикова рассматривала наименования обуви былинного героя, а также такой артефакт, как *шляпа*, упоминаемый в фольклорных текстах [1, 2]. Рассуждения о территориальном соответствии постоянных эпитетов к лексеме *кафтан* в северных и южных песнях можно встретить в трудах профессора А.Т. Хроленко [26].

Выпуск № 19 сборника научных трудов «Фольклорная лексикография» был полностью посвящен изучению лексики рассматриваемой нами тематической группы, что говорит о значимости данного концепта с точки зрения исследования фольклорной картины мира. В указанном сборнике научных статей С.П. Праведниковым представлен фрагмент словаря былин, в котором отражены наименования одежды, тканей и украшений [22]; И.С. Климас – аналогичный фрагмент словаря северных песен [13], М.А. Бобуновой – курских лирических текстов [6]). Помимо этого здесь опубликовано осуществленное С.П. Праведниковым территориальное сопоставление фольклорной лексики, называющей одежду [21].

При внимательном изучении этой лексики можно отметить, что среди слов указанной тематической группы наряду с исконно русскими онимами немало заимствований. Р.Б. Козлова, исследовавшая лексику русского фольклора на предмет наличия в ней заимствований из европейских и классических языков [15], небезосновательно полагала, что «изучение заимствованных слов может привести исследователя к выводам, которые существенно дополняют имеющиеся сведения по истории русского языка. <...> Язык фольклора, в отличие от литературного языка, оказывается более свободным, более пестрым в своих значениях и формах. <...> Именно в фольклоре разнохарактерные особенности освоения заимствованной лексики проявляются с наибольшей полнотой, представляя немаловажный материал для выяснения специфики ряда фонетических и грамматических явлений» [15].

Фактическим материалом для нашего исследования послужил составленный М.А. Бобуновой и А.Т. Хроленко на основе семитомного свода А.И. Соболевского «Великорусские народные песни» [1895–1902] конкорданс русских народных песен Курской губернии [5], а также упомянутые нами выше публикации из сборника научных трудов «Фольклорная лексикография», в частности фрагмент Словаря Курских песен, составленный М.А. Бобуновой [6] на основе мегатекста, в который вошли Великорусские народные песни, изданные профессором А.И. Соболевским (далее – Соб., номер тома, текста, строки) и Песни, собранные П.В. Киреевским (далее – Кир., номер текста).

Мы распределили обнаруженную нами в указанных источниках как исконно русскую, так и иноязычную лексику (рассматривались только существительные и прилагательные) на следующие группы, представляющие кластер ОДЕЖДА: «Одежда и ее части», «Обувь», «Головные уборы», «Сопутствующие предметы, части одежды, украшения, аксессуары», «Ткани».

Итак, в текстах народных песен Курской губернии зафиксированы как **исконно русские** наименования (одежда и ее части: *кафтан*, *рубаха*, *душегрейка* и др.; обувь: *онучи*, *сапог* и др.; головные уборы: *венок*, *венец*, *кокошник*, *платок* и др.; сопутствующие предметы, украшения, аксессуары: *жемчуг*, *колечко*, *ожерелье*, *трость*, *перчатка*, *пуговка* и др.; ткани: *камка*, *кисейный* и др.), так и **заимствованные из тюркских и западноевропейских языков** (одежда и ее части: *зипун*, *кафтан*, *сарафан*, *халат*, *шуба*, *юбка* и др.; обувь: *башимак*, *сапог*, *коты*, *сафьян-башимак*, *ходак-башимак*, *чебот* и др.; головные уборы: *колпак*, *шалевый*, *шапка*, *шляпа*; сопутствующие предметы, украшения, аксессуары: *лента*, *каблук*, *карман*, *мушка*, *хварботы*, *чулок*, *шарф*, *шпоры*; ткани: *атлас*, *атласный*, *бархат*, *бумажный*, *гарнитуровый*, *грасетовый*, *грезет*, *заберчатый*, *камка*, *кисейный*, *китайка*, *кумач*, *миткалевый*, *парчовый*, *плис*, *сафьянный*, *тафта*, *тафтяной* и др.).

Рассмотрим контексты лексем, номинирующих кластер ОДЕЖДА, чтобы получить представление о том, как отражается в них фольклорная картина мира (в скобках указано количество словоупотреблений лексемы в мегатексте).

Атлас (4) Примаи, радость, подарок, Подарочек дорогой: На сто рублей атласу, на тысячу бархату (Соб., 4, № 392)

Атласный (1) На вас юпочки атласны (Соб., 4, № 189)

Бархат (8) Напишу письмо грамату Па беламу бархату (Хал., № 389)

Башмак (13) Башмак новой праламила (Хал., № 19)

Блестка (2) Шила ширинку шолковую Па сярдачки блестачки (Хал., № 154)

Браный (1) Шитый-бранный положок – частыя звезды... (Соб., 2, № 418)

Бумажный (6) Сапаги...сахвянныи Чшюлки бумажныи (Хал., № 376)

Венец (1) Красную девушку Злат венец очистит (Соб., 3, № 215)

Венок (29) Василёчки рвут, вяночки вьють (Хал., № 135)

Гарнитуровый (2)...Разстелю гарнитуровый платок (Соб., 4, № 223)

Грасетовый (1) Я б...купил...душегрейку, Грасетовую (Соб., 5, № 435)

Грезет (2) Принеси-тка, друг любезный, Алаго гризету (Соб., 4, № 763)

Душегрейка (2)...Ситцевую душегрейку Грасетовую (Соб., 5, № 453)

Заберчатый (1) Танки, бялы да заберчиты рукава... (Хал., № 290)

Забирный (1) На чатыри скатярты алляныи...забирныи (Хал., № 291)

Застежка (2) Рубашычка альяная, Застёжычка галубая (Хал., № 23)

Зипун (3) Идётся мужычишка В серам зипунишку... (Хал., № 9)

Зявочки (1) Там молатцы в сапошках, Да малодушки в башмачках, А девушки в зявочках, В тарговиньких чюлочках... (Хал., № 269)

Каблук (3) Бейтиса сапаги, ламайтиса каблуки (Хал., № 167)

Камка (2) Связал свою голову Камкою зеленою (Соб., 3, № 274)

Карман (10) Алыи платок у кармане (Соб., 4, № 673)

Кафтан (7) Зелен кафтан изодрал, по заборам лазючи (Соб., 5, № 702)

Кесьма (1) Как увидила Машинья сваго милага Пакрытым да чшёрнай кисьмой (Хал., № 380)

Кисейный (3) Рукавом заслонила, Беленьким, кисейненьким! (Соб., 3, № 142)

Китайка (9) Салдатик убитай, он китайкяй накрытай (Хал., № 58)

Кокошник (1) Ты прими подарочек – Замосковный пряничек, В семь рублей кокошничек! (Соб., 3, № 111)

Колпак (1) Твая жонка в кабаке, У зилёнам калпаке (Хал., № 9)

Кольцо (14) С правой руки колечко подарила! (Соб., 3, № 206)

Косник (6) Шалкавой касьник датряплю (Хал., № 303)

Коты (1) Митрий Иванавиць Стаптал каты новаи Чюлочьки тарговаи (Хал., № 388)

Кружево (1) Абранила Васильявна с кружавами хварботы (Хал., № 220)

Кумач (2) Кумачу я не хочу, Китайки не надо (Соб., 4, № 763)

Лапоть (6) Идётся мужычишка...Ишшо у лаптишках (Хал., № 9)

Лента (21) Русую косу заплету, Алую ленту уплету (Соб., 4, № 179)

Лохмотья (1) Сава снарижалась...Зипунишка лахматишка (Хал., № 42)

Льняной (8) Рубашычка альяная, Застёжычка галубая (Хал., № 23)

Махры (1) Кисетик яму шшыла – Залатыя махры (Хал., № 23)

Миткалевый (1) Синию бумашку табе на рубашку, На такую биявуй, на миткаливаю (Хал., № 38)

Монисто (1) Красна девушка...прибиралася В тонку белую рубашичку, Да в зилёную сукнюшку, Да в кисейную завесачку, У в интарнай манистачки, Да в зимчюжнаи сирёжички (Хал., № 77)

Мушара (1) Ана шолкам связана, мушарою пиривязана (Хал., № 375)

Мушка (1) Харашё шильмец убрат, Чёрнами мушками усажон (Хал., № 386)

Нарядки (2) Ана шупки, нарядки пасмитала (Хал., № 292)

Немётка (2) Абвешай мине нимётками (Хал., № 135)

Нитка (8) Я прядала лянок по три нитычки в дянёк... (Хал., № 38)

Обора (1) А мне, младой, лапти сплел И черныя онучи, Пенечныя оборы (Соб., 3, № 479)

Оборка (1) Досталась сударушка мужику дураку... Ни лапти сплесть, ни оборки свить, не умеет подобутися (Соб., 5, № 661)

Ожерелье (1)... Жемчуг по-земи беру, Ожерельица нижу! (Соб., 5, № 26)

Онуча (2) Сава снарижалась... Анучи атрёпки... (Хал., № 42)

Опушка (3) На ней шуба нова, Опушка боброва (Соб., 4, № 188)

Осьмётко (1) Сава снарижалась: Лапти асьмётки... (Хал., № 42)

Отрепки (1) Сава снарижалась... Анучи атрёпки, Зипунишка лахматишка (Хал., № 42)

Пазуха (3) Што у тебе, Паранюшка, у пазушки микенья? (Хал., № 377, 9)

Палика (2) Танки, бялы да рубашички мувала, Танки, бялы да заберчиты) рукава, Шырокаи с хварботами палика (Хал., № 290)

Паниенка (1) Сломя голову бежала У худой рубашонке, У драной паниенке, Без причелка сороченка (Соб., 4, № 554)

Парчовый (1) В четвертый ряд – подушечки, Подушечки парчевыя, Одеяло – шелковое! (Соб., 2, № 346)

Перстень (32) Как злато перьстинь насыть? (Хал., № 315)

Перчатка (2) Пиршатацьки изадрал, Варотичьки атварял (Хал., № 57)

Платок (36) На базар пойду, я платок куплю (Хал., № 1)

Платье (16) Они шьют платье цветное На мое тело белое (Соб., 3, № 2)

Плис (1) Рассыпался драбён зямчюх, рассыпалси, Он па плису и па бархату размяталси (Хал., № 39)

Подбор (3) Ты аборван, ты апшышпан, Бис падборав сапаги (Хал., № 26)

Подвязки (2) Башмачки куплю Сы чюлочками, Сы падвязками, Сы шалковыми (Хал., № 268)

Подгузок (1) А заловачки падгузачки дяруть (Хал., № 285)

Подзор (1) Сапаги у ниго с падборами, Чшюлки с падзорами (Хал., № 376)

Подол (1) Меня матушка била Правую полою По шитому подолу (Соб., 4, № 52)

Подпояска (1) На детинушке зелен кафтан, Подпоясочка шалева, Рукавички барановыя (Соб., 3, № 390)

Пола (7) На плечу несет дубинку, Под мышкою волынку, Под полою балалайку (Соб., 4, № 554)

Полотно (2) Распостылый муж во гробу лежит... полотном накрыт (Соб., 3, № 151)

Полушелковый (2) Купалками мине матушка купала, У шолкаваи, палушолкаваи сьвивальничьки сьвивала (Хал., № 59)

Пояс (5) Рости, моя коса, До шелкова пояса, До сафьяннаго башмака (Соб., 4, № 179)

Причелок (1) Сломя голову бежала У худой рубашонке, У драной паниенке, Без причелка сороченка (Соб., 4, № 554)

Пуговица (2) Он велит разувать, раздевать, распоясывати, Часты пуговики разстегивати (Соб., 2, № 139)

Пуховый (20 / 8) Пухавой шляпай махнул (Хал., № 362)

Ременный (3) Сидят слуги неверные, Плетут плети ременныя (Соб., 3, № 2)

Риза (2) Чьярнец идя у кабак сваи ризы прапивать (Хал., № 61)

Рогожа (1) Увярну я нидаростка в рагажонку (Хал., № 91)

Рубаха (15) Танки, бялы рубашычьки вымувала (Хал., № 59)

Рукав (12) Выпускала сокола Из праваго рукава (Соб., 2, № 76)

Рукавица (2) На детинушке зелен кафтан, Подпоясочка шалева, Рукавички барановыя (Соб., 3, № 390)

Сапог (14) Там ... молодушки в башмачках (Хал., № 269)

Сарафан (4) Да сашьём Дуни Сарыхван, сарыхван (Хал., № 345)

Сафьян-башмак (1) На бел камушек ступила, Сафьян-башмак проломила, Чулок белый обваляла (Соб., 4, № 653)

Сафьянный (4) Рости, моя коса, До шелкова пояса, До сафьяннаго башмака (Соб., 4, № 179)

Сережка (2) Не выбей, невестка, С перстенечка глазочка, Из ушек сережек, С сапожек подковок (Соб., 2, № 575)

Ситцевый (1) Кабы я тебя любил, Я б юбку купил, Я ситцевую душегрейку, Грасетовую (Соб., 5, № 435)

Сороченка (1) Без причелка сороченка (Соб., 4, № 554)

Сорочка Шалковая плётка на крюце висела, Усю ночь прасвистела на маём телу белам, На сарочички тонкай, на китаички звонкай (Хал., № 244)

Сукно (1) Привёс мне три падарка. Первой падарочик – виночик, Другой падарочик – пирснёчик, Третий падарочик – зилёна суконца (Хал., № 332)

Сукня (1) Красна девушка...прибиралася В тонку белаю рубашичку, Да в зилёнаю сукнюшку, Да в кисейнаю завесачку, У в интарнаи манистачки, Да в зимчюжнаи сирёжички (Хал., № 77)

Тафта (3) На чужой дальней стороншке Жемчугом поле усеяно, А сытою поле вливано, А тафтою поле вкрывано (Соб., 6, № 126)

Тафтяной (1) При упой песни приуснула У добра молодца на коленях, У холостаго под полою, Под тафтяною, голубою (Соб., 2, № 30)

Телогрейка (1) Принеси-тка, друг любезный, Алаго гризету, На две шубки, на две юбки, На две телогрейки (Соб., 4, № 763)

Хварботы (3) Абранила Васильявна с кружавамаи хварботы (Хал., № 220)

Ходак-башмак (2) Я ишшо пасижу, На улицу пахажу, Ходак-башмак данашу, У касе ленду датряплю (Хал., № 56)

Холст (3) Палтара рубли дала, Да ишшо холст придала (Хал., № 336)

Чебот (4)...Хадила: Я в чулочьках, в чиботочьках (Хал., № 23)

Чулок (14) Траву-мураву притоптала Тонкими, белыми чулочками, Цветными башмачками (Соб., 2, № 259)

Шалевый (3) Шаль На детинушке зелен кафтан, Подпоясочка шалева, Рукавички барановыя (Соб., 3, № 390)

Шапка (13) Жанихи все дворянскаи, а шапачки брянскаи (Хал., № 94)

Шарф (1) Атрезала свёкру рубаху...Заловушкам галовушкам а всем по платочку, Дивярёчкам сакалочкам па зялёнаму шархву... (Хал., № 212)

Шелк (5) Три нядели шолкам шыла, На чятвёртаю дашыла (Хал., № 166)

Шелковый (84) Они шьют платье шелковое На мое тело белое (Соб., 3, № 3)

Ширинка (5) Шила ширинку шолкаваю (Хал., № 154)

Шляпа (35) Свалилася черна шляпа с молодца (Соб., 2, № 139)

Шпора (1) Вдарил шпорам под бака, – Воран конь стрялою (Хал., № 37)

Шуба (15) А сшей мне шубу А с чёрнага бабра (Хал., № 117)

Юбка (7) По два мыла измывала, По две юбки надевала (Соб., 6, № 317)

Интересны также производные от наименований одежды прилагательные безлапотник (1): Досталась сударушка мужику дураку, Такому дурачищу безлапотнику: Ни лапти сплесть, ни оборки свить, не умеет подбутися (Соб., 5, № 661); безрубашница (1): Съвикра дураю заве, Ишшо нипряшницаю, Бизрубашницаю (Хал., № 337), рубашница (1) Она дура, дуравица, Суровая рубашница, Не подшитый

хвостище, Накрывалка, отымалка (Соб., 4, № 19) и *непряшница* (1) Сьвикра дураю заве, Ишшо *нипряшницаю*, Бизрубашницаю (Хал., № 337). Все они имеют негативную окраску.

Нетрудно заметить, что определенный процент среди слов, представляющих рассматриваемый кластер, немало **диалектизмов**, зафиксированных в «Словаре русских народных говоров» [23] (в скобках: номер выпуска, после двоеточия номер страницы): *грасетовый* (1) «Сшитый из материи грезет» (7: 116); *душегрейка* (2) «Женская шубка, тулупчик» (8: 2820); *заберчатый* (1) «Вытканый выпуклыми узорами, узорчатый» (9: 253); *кокошник* (1) «Женский головной убор (кичкообразный, полотенчатый, в виде чепца, шапочки и т.п.)» (14: 101); *косник* (6) «Лента, шнурок, вплетаемые в косу» (15: 57); *мушара* (1) «Золотая бахрома» (19: 43); *немётка* (2) «Белый головной платок» (21: 78); *нарядки* (2) «Праздничная одежда» (20: 144) и др.

Рассмотренные примеры позволяют судить о том, что с одеждой у русского человека обычно ассоциируются представления о богатстве, благополучии, роскошной жизни. Дорогие ткани, одежду и украшения, как правило, привозит издалека молодец девушке, сваты преподносят в качестве даров невесте, девица готовит себе в качестве приданого или как сюрприз возлюбленному. Чаще всего в таком контексте используются заимствованные слова, поскольку они в песнях обычно несут положительную коннотацию. При описании же бытовых ситуаций, либо окрашенных в трагические тона, особенно в текстах семейных песен, как правило, встречаются слова исконно русские, они выражают более обыденный смысл.

Отметим, что многие заимствованные слова имеют измененный фонетический облик. Так, лексема *гродетур* – «шелковая ткань, выделяемая в г. Туре, во Франции» – названа в песнях *гарнитуром* и использована в словосочетании *гарнитуровый платок*. Фонетические замены, наблюдаемые в заимствованных словах, могут осложняться ассоциациями морфологического характера и наводить на мысль о так называемой «народной этимологии», поскольку именно различного рода морфологические ассоциации, в основе которых лежит народно-этимологическое «подравнивание» форм, являются частой причиной (по мнению целого ряда исследователей: [14,15]) фонетического варьирования в области «осваиваемой» «чужеродной» лексики в языке фольклора.

Все наши наблюдения позволяют утверждать, что одежда, действительно, представляет собой важный фрагмент фольклорной картины мира, в котором отражены культурные, социальные, религиозные, национальные особенности людей, она выполняет символические и эстетические функции, а также тесно связана с семейными и календарными обрядами.

Литература

1. Баранчикова, М. А. Наименования обуви былинного героя [Текст]/М. А. Баранчикова//Фольклор и мировая культура: тезисы докладов научной конференции «Юдинские чтения-98». – Курск: Изд-во Курск, гос. пед. ун-та, 1998. – С. 77–79.
2. Баранчикова, М. А. Артефакт шляпа в былинном тексте [Текст]/М. А. Баранчикова// Текст как единица анализа и единица обучения: сб. научн. ст. – Вып 3. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 43–46.
3. Бережнова, М.Л. Ткани и производство одежды из них у русских юга Западно-Сибирской равнины последней трети XIX – 30-х годов XX в.: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 158 с.
4. Бобунова, М.А. Кластер «Одежда» в русском фольклоре [Текст]/М.А. Бобунова//Фольклорная лексикография: Сб. науч. трудов. – Вып. 19. – Курск: Изд-во КГПУ, 2002. – С. 3–6.

5. Бобунова, М.А., Конкорданс русской народной песни: Песни Архангельской губернии[Текст]/М.А.Бобунова, А.Т. Хроленко.–Курск: Изд-во КГУ, 2008. – 258 с.
6. Бобунова, М.А. Фрагмент словаря курских песен: Одежда. Ткани. Украшения[Текст]/М.А. Бобунова//Фольклорная лексикография: Сб. науч. трудов. – Вып. 19. – Курск: Изд-во КГПУ, 2002. – С. 82–96.
7. Богданов, В.В. Из истории женского южно-великорусского костюма: Наблюдения, заметки и пожелания[Текст]/В.В. Богданов//Этнографическое обозрение. – 1914. – № 1–2. – С. 127–155.
8. Большова, С.И. Орнамент в рязанском народном костюме конца XIX – начала XX веков: к проблеме определения региональных особенностей[Текст]: дис. ... канд. искусств./С.И. Большова. – М., 2008. – 166 с.
9. Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» [Текст]/А.Я. Гуревич. – М.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 434 с.
10. Гуторова, И.Б. Курский народный костюм как синтез культур[Текст]/ И.Б. Гуторова// Материалы Первой региональной науч.-практ. конф. – Курск, 1995. – С. 93–96.
11. Емельянова, М.И. Эволюция русской народной одежды Оскольского края: вторая половина XIX – начало XX в. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук/М.И. Емельянова. – Курск, 2007. – 321 с.
12. Зотова, И.П. Белгородский народный костюм[Текст]/И.П. Зотова. – Белгород: Истоки, 2005. – 95 с.
13. Климас, И.С. Фрагмент словаря северных песен: Одежда. Ткани. Украшения [Текст]/И.С. Климас // Фольклорная лексикография: Сб. науч. трудов. – Вып. 19. – Курск: Изд-во КГПУ, 2002. – С. 65–81.
14. Кляус, В.Л. Песенный фольклор русскоустыинцев Якутии и семейских Забайкалья: материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении[Текст]/В.Л. Кляус, С.В. Супряга. – Курск: Изд-во РОСИ, 2006. – 213 с.
15. Козлова, Р.Б. Заимствованная лексика в языке русского фольклора [Текст]: дис. ... канд. филол. наук /Р.Б. Козлова. – Казань, 1974. – 157 с.
16. Курские песни из свода А.И. Соболевского: Великорусские народные песни.– СПб., 1895–1902.
17. Лаврентьева, Л.С. О платке[Текст]/Л.С. Лаврентьева// Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. – СПб., 1999. – С. 44–46.
18. Маслова, Г.С. Одежда[Текст]/Г.С. Маслова//Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 259–290.
19. Осипов, Д.О. Из истории русской обуви [Текст]/Д.О. Осипов// Живая старина. – 2005. – № 1. – С. 7–10.
20. Панькова, И.С. Южнорусский народный костюм [Текст]/И.С. Панькова//Роль народной культуры в духовном возрождении России. – Курск, 1995. – С. 41–49.
21. Праведников С.П. Территориальное сопоставление фольклорной лексики, называющей одежду[Текст]/С.П. Праведников// Фольклорная лексикография: Сб. научных трудов. – Вып. 19. – Курск: Изд-во КГПУ, 2002. – С. 7–11.
22. Праведников, С.П. Фрагмент словаря былин: Одежда. Ткани. Украшения[Текст]/С.П. Праведников//Фольклорная лексикография:Сб.научных трудов. – Вып. 19. – Курск: Изд-во КГПУ, 2002. – С. 12–51.
23. Филин, Ф.П. Словарь русских народных говоров[Текст]/Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – СПб.:Наука, 1961–2015. – Вып. 1–48.

24. Халанский, М. Г. Народные говоры Курской губернии: сб. отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. [Текст]/М.Г. Халанский. – СПб., 1904. – Т. XXV.

25. Хмелевской, А.В. Индустрия моды в повседневной жизни российской провинции XX века (по материалам Курского края)[Текст]: дис. ... канд. ист. наук/А.В. Хмелевской. – Курск, 2016. – 231 с.

26. Хроленко, А.Т. Исследовательский инструментарий современной лингвофольклористики)[Текст]/А.Т. Хроленко// От конгресса к конгрессу: Материалы Второго Всеросс. конгресса фольклористов: Сб. докл. – Т. 1. – М.: ГРЦРФ, 2010. – С. 106–116.

27. Шаповалова, С.П. Цветовая символика, сюжеты и мотивы орнаментации женской одежды в Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. [Текст]/С.П. Шаповалова// Межнациональные отношения в южнорусском порубежье: Материалы областной науч.-практ. конф. – Белгород, 2006. – С. 73–76.

28. Якубенко, Л.В. Женская рубаха Белгородского региона [Текст]/Л.В. Якубенко//Белгородский краеведческий вестник. – Вып. 2. – Белгород, 2002. – С. 59–61.

References

1. Baranchikova M. A. Naimenovaniya obuvi bylinnogo geroya. Folklor i mirovaya kultura: tezisy dokladov nauchnoi konferencii «Yudinskie chteniya-98». Kursk, Kursk Publ., 1998. pp. 77–79.

2. Baranchnikova M. A. Artefakt shlyapa v bylinnom tekste. Tekst kak edinica analiza i edinica obucheniya: sb. nauchn. st. Kursk, Kursk. gos. ped. un-ty Publ., 1999. pp. 43–46.

3. Berezhnova M.L. Tkani i proizvodstvo odezhdy iz nih u russkikh yuga Zapadno-Sibirskoi ravniny poslednei treti XIX – 30-x godov XX v.. Novosibirsk, 1997. – 158 p.

4. Bobunova M.A. Klaster «Odezhda» v russkom folklоре. Folklorная leksikografiya. Kursk, KGPU Publ., 2002. pp. 3–6.

5. Bobunova M.A., Hrolenko A.T. Konkordans russkoi narodnoi pesni: Pesni Arhangel'skoi gubernii. Kursk, KGU Publ., 2008. 316 p.

6. Bobunova M.A. Fragment slovarya Kurskikh pesen: Odezhda. Tkani. Ukrasheniya. Folklorная leksikografiya. Kursk, KGPU Publ., 2002. pp. 82–96.

7. Bogdanov V.V. Iz istorii zhenskogo yuzhno-velikorusskogo kostyuma: Nablyudeniya, zametki i pozhelaniya. Etnograficheskoe obozrenie. 1914. no.1–2, pp. 127–155.

8. Bolshova S.I. Ornament v ryazanskom narodnom kostyume konca XIX – nachala XX vekov: k probleme opredeleniya regionalnykh osobennostei. Moscow, 2008. 166 p.

9. Gurevich A.Y. Istoricheskii sintez i Shkola «Annalov». Moscow, 2014. 434 p.

10. Gutorova I.B. Kurskii narodnyi kostyum kak sintez kultur. Materialy Pervoi regionalnoi nauch.-prakt. konf. Kursk, 1995. pp. 93–96.

11. Emelyanova M.I. Evolyuciya russkoi narodnoi odezhdy Oskolskogo kraya: vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. Kursk, 2007. 321 p.

12. Zotova I.P. Belgorodskii narodnyi kostyum. Belgorod, Istoki, 2005. 95 p.

13. Klimas I.S. Fragment slovarya severnykh pesen: Odezhda. Tkani. Ukrasheniya. Folklorная leksikografiya. Kursk, KGPU Publ., 2002. Pp. 65–81.

14. Klyaus V.L., Supryaga S.V. Pesennyi folklor russkoustincev Yakutii i semejskikh Zabajkalya: materialy k izucheniyu bytovaniya v inoetnicheskom okruzenii. Kursk, ROSI Publ., 2006. 213 p.

15. Kozlova R.B. Zaimstvovannaya leksika v yazyke russkogo folklorа. Kazan, 1974. 157 p.

16. Kurskie pesni iz svoda A.I. Sobolevskogo: Velikorusskie narodnye pesni. St. Petersburg, 1895–1902.
17. Lavrenteva L.S. O platke. Zhenshhina i veshhestvennyi mir kultury u narodov Evropy i Rossii. St. Petersburg, 1999. pp. 44–46.
18. Maslova G.S. Odezhda. Etnografiya vostochnyx slavyan. Ocherki tradicionnoi kultury. Moscow, Nauka Publ., 1987. pp. 259–290.
19. Osipov D.O. Iz istorii russkoi obuvi. Zhivaya starina. 2005. no.1, pp. 7–10.
20. Pankova I.S. Yuzhnorusskii narodnyi kostyum. Rol narodnoi kultury v duhovnom vrozozhdenii Rossii. Kursk, 1995. pp. 41–49.
21. Pravednikov S.P. Territorialnoe sopostavlenie folklornoi leksiki, nazyvayushhei odez hdu. Folklornaya leksikografiya. Kursk, KGPU Publ., 2002. pp. 7–11.
22. Pravednikov S.P. Fragment slovarya bylin: Odezhda. Tkani. Ukrasheniya. Folklornaya leksikografiya. Kursk, KGPU Publ., 2002. pp. 12– 51.
23. Filin, F.P. Sorokoletov Slovar russkih narodnyh govorov. St. Petersburg, Nauka Publ., 1961-2015. pp. 1–48.
24. Halanskii M.G. Narodnye govory kurskoi gubernii. St. Petersburg, 1904.
25. Hmelevskoj A.V. Industriya mody v povsednevnoi zhizni rossiiskoi provincii XX veka (po materialam Kurskogo kraja). Kursk, 2016. 231 p.
26. Hrolenko A.T. Issledovatel'skii instrumentarii sovremennoi lingvofolkloristiki. Ot kongressa k kongressu. Moscow, GRCRF Publ., 2010. Pp. 106–116.
27. Shapovalova S.P. Cvetovaya simbolika, syuzhety I motivy ornamentacii zhenskoi od ezhdy v kurskoi gubernii v konce XIX – nachale XX vv. Mezhnacionalnye otnosheniya v yuzhnorusskom porubezhe. Belgorod, 2006. pp. 73–76.
28. Yakubenko L.V. Zhenskaya rubaha Belgorodskogo regiona. Belgorodskii kraevedcheskii vestnik. Belgorod, 2002. pp. 59–61.

УДК 8.80.808

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА КОЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО В СОВРЕМЕННЫХ АВТОРСКИХ СКАЗКАХ.

Е.И. Чеклецова

Che_106@mail.ru

Российский Государственный Профессионально-Педагогический Университет.

В данной статье рассматриваются три образа Кощея Бессмертного в современных авторских сказках. Постмодернизм дал возможность писателям работать не только с новыми героями, но и включать в произведения уже знакомых персонажей. Возможность обращения к фольклору дает авторам возможность расширить границы придуманных ими вселенных или же, наоборот, населить уже существующие новыми персонажами. Так, А. Белянин, О. Громыко и К. Валенте выбрали Кощея одним из основных образов в своих произведениях, что дало читателям возможность увидеть Бессмертного не только, как антагониста, но и как протагониста. В данной работе рассматривались произведения основных поджанров фэнтези: городская сказка, авторская сказка и юмористическое фэнтези.

Ключевые слова: образ, трансформация, сказка, авторская сказка, постмодернизм.

TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF KOSHEY BESSMERTNY IN MODERN FAIRYTALES.

Chekletsova E.I.

This article discusses three images of Koshchey Bessmertny in modern fairy tales. Postmodernism gave an opportunity to writers to work not only with the new characters, but also include familiar characters into their stories. The possibility of applying to folklore gives authors the ability to expand the boundaries of the universe invented by them or, conversely, to populate existing with new characters. Thus, A. Belyanin, A. Gromyko and K. Valente have chosen Koshey as one of the main images in their works, which gave readers the opportunity to see him not only as an antagonist, but also as a protagonist. This articles is devoted to the major genres of fantasy subgenres: urban fairy tale, humorous fantasy and modern fairy tale.

Keywords: image, transformation, fairy tale, postmodernism.

С появлением и распространением течения постмодернизма в мировом искусстве, авторы получили безграничные возможности для творчества. Таким образом, стало возможно включать в оригинальные сюжеты персонажей сказок, легенд, а также героев из произведений, написанных другими авторами. В связи с чем, знакомые персонажи приобрели расширенные биографии, порой кардинально меняющие образ того или иного героя: так, положительный персонаж может приобрести черты трикстера, а злодей оказаться совестливым и мягкосердечным.

По мнению М. Бахтина, указавшего на явление полифонии в художественном тексте, все авторы, создающие оригинальные тексты, находятся под влиянием своих предшественников, а любое произведение является «полотном», сотканным из нескольких «голосов». Как итог, в работу автора включаются фрагменты из «чужих» текстов, формы же «взаимодействия» могут различаться, «от прямой дословности в передаче до злого и нарочито пародийного искажения чужого слова и клеветы на него» [1].

Возможность обращения к фольклору позволяет современным сказочникам расширить границы выдуманных ими вселенных и заселить их не только оригинальными персонажами, но и знакомыми героями. В данной работе будут рассмотрены произведения авторов, работающих в жанрах «фэнтези», «юмористическое фэнтези» и «городская сказка».

Среди русскоязычных авторов, работающих в жанре «фэнтези», одним из наиболее известных является А. Белянин – казачий есаул из Астрахани, получивший известность за свое раннее произведение «Меч без имени». Продолжив работать в поджанре фэнтези, имеющем народное название «попаданцы» (истории о людях из современного, немагического мира, попадающих в прошлое, либо альтернативную, магическую реальность), он выпустил серию книг о милиционере Никите Ивашове, попавшего в период, который условно можно охарактеризовать как «сказочная Русь». В одной из частей серии, озаглавленных «Ржавый меч царя Гороха», главным антагонистом является Кощей Бессмертный, образ которого, в целом, сохранен – это могущественный правитель, обладающий нечеловеческой силой и владеющий темной магией:

• «Одолеть Кощя физически, да ещё на его территории, не может вообще никто. По крайней мере, без специального оборудования и соответствующей подготовки я бы на Лысую гору ни одному Терминатору лезть не посоветовал. Ну а мы...»

• «Кощей от души показал себя, первым ударом сбив рыцаря с коня, вторым вытряхнув из доспехов, а третьим отправив в одних подштанниках под небеса!»

• «Страх не было, поскольку мы уже не раз встречались с гражданином Бессмертным; я почему-то был уверен, что сразу он меня не убьёт. Неинтересно. Вот заточить в подвалы глубокие, в тюрьмы каменные, заковать в кандалы железные, морить голодом, мучить холодом».

По сюжету, Кощей похищает царевну Марьяну, родственницу царя, и через брак с ней хочет войти в доверие к Гороху, чтобы завладеть волшебным Мечом–Кладенцом. И, хотя, основной образ антигероя сохранен, внешне он отличается от привычного иссушенного старика, трясущегося над золотом:

• «Минутой позже взрвели трубы, загрели фанфары, в песчаной горе открылся вход, и на свет божий выехал стройный юноша в сияющих доспехах, на белом коне, красивый, как итальянский тенор, кудрявый и улыбающийся.

М-да... похоже, что с нашей последней встречи Кощей Кирдыкбабаевич очень изменился...».

• «Огромный вороной конь в чёрных латах с шипастыми подковами и коротко, по-собачьи обрезанным хвостом. На нём сплошной горой такого же воронёного железа восседал Кощей в дорожных латах, за обладание которыми задушился бы директор Эрмитажа, с длинным волнообразным клинком почти до земли и в роскошном рыцарском шлеме... шлеме... э-э?..»

Кроме того, Кощей в произведении не лишен и человеческих черт:

• «— Слышь, участковый?

— Да.

— Не шевелись. Можешь сделать вид, что ничего не происходит? — напряжённым шёпотом вырывалось из забрала.

— Ну... попробую, а что?

— Имидж, — многозначительно вернул Кощей, переходя на просительный тон. — Забери от меня дуру эту.

— А что такое? — Я изобразил лёгкое недоумение.

— Сил моих больше нет! Представляешь, перевоспитывает она меня. Нудит, каждый час покаяться требует, истории душевительные рассказывает. Мечтает при мне, как мы опосля свадьбы в деревню уедем, курей заведём, всякие цветочки-венки друг дружке плести будем да куплеты о счастливой любви сочинять. Я уж и орал на неё, и пугал, и грозился...

— Надеюсь, без рукоприкладства?

— С моей стороны без! — Кощей попытался со скрипом развернуться к яростно дёргающей верёвку царевне. — Думаешь, чего я в шлеме? Она в меня вчерась кастрюлей запустила, с макаронами... Дескать, она от них располнеет и я её, толстую, любить перестану. Это вот чё? Это вот, вообще, как?!»

Если в книге А. Беянина Кощей предстаёт типично — отрицательным персонажем, то в юмористическом рассказе белорусской писательницы Ольги Громыко «О бедном Кошее замолвите слово» Кощей вовсе не бессмертный молодой мужчина, на протяжении большей части произведения называемый «Костюшенькой». И хотя внешне он напоминает сказочного персонажа, трудно сказать тоже самое об остальных его чертах.

• «А вот Кощей подкачал. После Ильи Муромца, свежого, румяного, упитанного (чисто поросенок печеный) и глядеть-то не на что. Ростом, пожалуй, повыше меня будет, да толку в том росте — кожа, кости да жилы сухие. Истинно — сдыхоть, в чем только душа держится?».

В рассказе главным врагом Кощей является Марья Моревна, которая держит чародея в плену, так как хочет завладеть его силой:

• «Как Марья Моревна Костюшу полонила, небось не успел доскакать! – Перечит старуха, кубком по тесту стучит сердито – будто тараканов бьет. – Три месяца эта лиходейка Костюшу в темнице на двенадцати цепях держала, жаждой-голодом морила, измывалась всячески, руку поломала... Силу колдовскую она из него тянула, да вместе с ней здоровье-то и повытянула, с тех пор он и доходящий такой, ничего есть не хочет – бегай за ним с утра до вечера с ложкой, как за дитем малым, чтобы с голоду не помер!».

В оригинальной сказке Кощей также находится в плену у Марьи Моревны, но совсем по другой причине:

• Он не вытерпел: как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кощей у Ивана-царевича:

— Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло.

Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил:

— Мне одним ведром не залить жажды. Дай еще!

Царевич подал другое ведро. Кощей выпил и запросил третье; а как выпил третье ведро, взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

— Спасибо, Иван-царевич, — сказал Кощей Бессмертный, — теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих.

И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил ее и унес к себе». (Марья Моревна)

Отдельный интерес вызывает образ Кощей в романе американской писательницы Кэтрин Валенте «Deathless». По сюжету герои русских сказок живут на острове Буяне (Buyan) в 20-е годы XX века и вместе с немагическим народом переживают революцию, объединяются в партии и комитеты и, параллельно с этим, ведут гражданскую войну между силами света и тьмы. Кощей, называемый в романе Deathless (Лишенный смерти), правит светлой стороной, являясь «Царем Жизни» (The tsar of Life). По сюжету, как и в сказке-первоисточнике, Кощей желает жениться на Марье Моревне но, в отличие от оригинала, девушка сама ждет его и не подпускает к себе других женихов. Бессмертный в книге персонаж спорный: являющийся царем жизни и главным соперником темного и мрачного Вия, проявляющий к Марье определенную нежность, он, тем не менее, закрытый персонаж, находящийся под влиянием своей старшей сестры Бабы Яги, которая мучает его невесту и не дает им своего разрешения на брак. Так же, в одной из сцен выясняется, что Кощей был, не единожды женат, но все его жены совершали некую «ошибку», после чего были сосланы на «фабрику» и заколдованы.

• “I will keep you” - he said softly, as sweet as black tea, “and I will keep you warm”. But his own skin had frosted over; his fingernails shone pearly blue.

• She might have seen the owl lean perilously forward on his green - black branch and, without taking his gaze from her window, fall hard-thump, bash! - onto the streetside. She would have seen the bird bounce up, and when he righted himself, become a handsome young man in a handsome black coat, his dark hair curly and thick, flecked with silver, his mouth half-smiling, as if anticipating a terribly sweet thing.

• He took her hand and she stared down at this man getting snow on his trousers, and how big his eyes seemed, how black, how unforgiving, how sly, how old. And yet he was not old. Older than she, but if he were more than twenty she would eat the curtains. He had long, smoky lashes like a girl, and his hair flew about in the wind like the fur of a wild dog.

Постмодернизм позволил авторам играть с образами и персонажами, известными широкому кругу читателей, помещать их в новое окружение, приписывать необходимые черты и характеры. Из приведенных выше примеров можно сделать вывод о том, что любого персонажа можно наделять как положительными, так и отрицательными чертами по желанию автора. Благодаря писательскому мастерству и умелому подбору средств выражения, Кощей одинаково органично воспринимается как в роли злодея, так и в ролях трикстера и абсолютного протагониста. Что, в свою очередь, дает возможность целевой читательской аудитории выбирать наиболее интересную историю, в которой задействованы близкие по духу персонажи.

Литература

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества[Текст]/М.М. Бахтин. – М., 1986.
2. Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности[Текст]/М.М. Бахтин. – М., 1979.
3. Новожилова К. Р. Стилистика повествовательного текста. Теоретические и исторические основы[Текст]/К. Р. Новожилова. – СПб., 2007.

References

1. Bahtin M M Estetika slovesnogo tvorchestva. Moscow, 1986.
2. Bahtin M M Avtor i geroy v ehsteticheskoy deyatelnosti. Moscow, 1979.
3. Novozhilova K P Stilistika povestvovatel'nogo teksta Teoreticheskie i istoricheskie osnovy. St. Petersburg 2007.

Язык и межкультурная коммуникация

Сборник статей

IX международной научно-практической конференции

10 ноября 2016 г.

г. Астрахань

Подписано в печать 31.05.2016 г. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 5,75
Тираж 100 экз.

Отпечатано в Астраханской цифровой типографии
(ИП Сорокин Роман Васильевич)
414040, Астрахань, пл. К. Маркса, 33, 5 этаж
Тел./факс (8512) 54-00-11
e-mail: RomanSorokin@list.ru